

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2

1981

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАРТ — АПРЕЛЬ

2

1981

СОДЕРЖАНИЕ

Важные события в жизни Советской страны	3
<i>Майорова О. Н.</i> Сотрудничество между ВОКС и ОПСД в области политико-просветительной работы (1950—1955)	8
<i>Славин Г. М.</i> Народный фронт Югославии в борьбе за укрепление народно-демократического государства	24
<i>Носкова А. Ф.</i> К вопросу об аграризме и крестьянском движении в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период	40
<i>Будагова Л. Н.</i> Чешская и словацкая поэзия 70-х годов	58
<i>Бершадская М. Л.</i> Социальная структура словенского и хорватского общества конца XVIII — начала XIX века в произведениях А. Линхарта и Т. Брезовачкого	68
<i>Жилко Ф. Т.</i> Нейтрализация фонологических оппозиций гласных переднего ряда в славянских языках	74
<i>Чернявский Г. И.</i> Западная буржуазная и реформистская историография о характере политических режимов в Болгарии между мировыми войнами	84

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Макар Ю. И.</i> Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. X, январь 1950 — декабрь 1955 г.	97
<i>Фрейдзон В. Д.</i> Pavličević. Narodni pokret 1883 u Hrvatskoj	99
<i>Королюк В. Д.</i> H. Łowmiański. Religia słowian i jej upadek (w. VI—XII)	101

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Цыбенко Е. З.</i> Обобщение опыта развития польской социалистической литературы	104
<i>Горский И. К.</i> A Martuszevska. Poetyka polskiej powieści dojrzałego realizmu (1876—1895)	107
<i>Пуцко В. Г.</i> Иван Дуйчев. Древнеезические мыслители и писатели в старата българска живопис	110
<i>Твердислова Е. С.</i> Непрерывная традиция	112
<i>Гордиенко В. Я., Моторный В. А.</i> Монография о Миколаше Алеше	116
<i>Островский Г. Л. И. Танаева.</i> Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко	117
<i>Наумов Е. П.</i> Библиографический указатель «Владимир Иванович Пичета»	119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Е. В.</i> Информационный бюллетень МАИРСК	121
<i>Мочалова В.</i> Ян Кохановский и эпоха Ренессанса	122
<i>Валев Л., Злыднев В.</i> Третья международная комплексная конференция болгаристов в Софии (сентябрь, 1980)	125

ВАЖНЫЕ СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ

Советский народ, осуществляя решения XXV съезда КПСС, добился замечательных успехов в выполнении плана 1980 г. — завершающего года пятилетки и плана десятой пятилетки в целом. На Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 21 октября 1980 г., были подведены предварительные итоги реализации заданий десятой пятилетки и рассмотрены проекты Государственного плана экономического и социального развития и Государственного бюджета страны на 1981 г. — первый год одиннадцатой пятилетки. Выступая на Пленуме, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев дал глубокий анализ состояния народного хозяйства и выдвинул задачи дальнейшего экономического и социально-культурного развития страны. Л. И. Брежнев подчеркнул, что прошедшие годы подтвердили правильность экономической стратегии, выработанной на XXIV и XXV съездах партии. Претворение в жизнь экономической политики партии обеспечило значительное увеличение экономического и оборонного потенциала страны. В центре внимания партии в области экономики была проблема повышения жизненного уровня народа. В десятой пятилетке на цели, связанные с благосостоянием народа, было выделено на 329 млрд руб. больше, чем в девятой пятилетке. Повзросли реальные доходы рабочих, служащих и колхозников. Вместе с тем увеличились выплаты и льготы из общественных фондов потребления на 134 млрд руб. В результате значительно расширилась экономическая основа для бесплатного образования, медицинской помощи, отдыха, материального обеспечения в старости. Особое внимание уделялось жилищному строительству, запланированные расходы на него были превышены на 1,5 млрд руб., уже теперь около 80% городских жителей имеют отдельные квартиры.

Десятая пятилетка знаменовалась общим экономическим ростом, наращиванием производственной мощи страны по всем направлениям. Продукция промышленности по сравнению с производством в девятой пятилетке увеличилась на 717 млрд руб., сельского хозяйства — на 50 млрд, а национальный доход соответственно возрос на 397 млрд руб. В годы этой пятилетки капитальные вложения в народное хозяйство составили 635 млрд руб., было построено свыше 1200 крупных промышленных предприятий, имеющих важное экономическое значение, впервые среднегодовой сбор зерна превысил 200 млн тонн.

В речи Л. И. Брежнева отмечалось, что в развитии народного хозяйства не все шло гладко, приходилось и приходится преодолевать и немалые трудности. Только 1976 и 1978 годы были сравнительно благоприятными для сельского хозяйства, остальные же годы пятилетки оказались нелегкими в этом отношении. Сказывалось исчерпание ряда крупных месторождений полезных ископаемых. Имели место недостатки в планировании и управлении хозяйством, невыполнение плана по некоторым показателям.

Проекты плана и бюджета СССР на 1981 г., предусматривая дальнейший рост экономики всей страны и каждой республики в отдельности,

учитывают возрастающие потребности населения и узкие места в хозяйстве. В этих документах воплощается курс партии на подъем жизненного уровня народа, расширение материального производства и повышение его эффективности, обеспечение обороноспособности государства и упрочение сотрудничества с братскими социалистическими странами.

В связи с разработкой основных направлений экономического и социального развития страны на 1981—1985 гг. и на период до 1990 г. Л. И. Брежнев остановился на некоторых общих вопросах хозяйственной деятельности и развития экономики в одиннадцатой пятилетке. Среди этих вопросов на первое место партией выдвигается вопрос об улучшении снабжения населения продовольствием. Хотя в результате осуществления аграрной политики партии значительно возросла продукция земледелия и животноводства, встречаются еще трудности в обеспечении городского населения мясом и молоком. Поэтому необходимо дальнейшее увеличение капитальных вложений в сельское хозяйство, укрепление его материальной базы. Вместе с тем должен быть повышен уровень хозяйствования, обеспечивающий максимальную отдачу. Это предполагает настойчивое внедрение передового опыта, улучшение организации труда и производства в колхозах и совхозах. Эффективность сельского хозяйства во многом зависит и от решения социальных проблем деревни, обеспечения ее благоустроенным жильем, учреждениями быта и культуры, необходимыми транспортными средствами. Политбюро ЦК КПСС приняло решение о подготовке продовольственной программы, в которой должны быть соединены воедино вопросы развития сельского хозяйства и обслуживающих его отраслей промышленности, заготовки сельскохозяйственных продуктов, их хранения, транспортировки и переработки, а также торговли продовольственными товарами. Такой агропромышленный, продовольственный комплекс должен планироваться, финансироваться и управляться как единое целое, в результате чего могут быть получены высокие конечные результаты.

Партия рассматривает удовлетворение растущих запросов населения в товарах народного потребления на основе быстрого подъема отраслей группы «Б» как задачу первостепенного экономического и политического значения. В десятой пятилетке продукция этих товаров увеличилась на 40 млрд руб., но ощущается нехватка то одних, то других изделий, а качество некоторых товаров остается низким. В целях обеспечения потребностей в товарах народного потребления предусматривается разработка долговременной программы, объединяющей усилия всех отраслей производства группы «Б». Большое значение придается вопросу жилищного строительства, нынешние масштабы которого должны быть сохранены и в одиннадцатой пятилетке, а также улучшению условий труда, здравоохранению, просвещению и культуре. Основой для повышения благосостояния народа является дальнейшая интенсификация всего общественного производства, ускорение научно-технического прогресса. В связи с этим ставятся новые задачи в области развития машиностроения и химии, снабжения топливом и энергией, указывается на необходимость серьезного внимания к капитальному строительству, металлургии, транспорту и внешнеэкономическим связям. Дальнейшее развитие экономики предполагает широкое использование метода целевых программ, правильное соотношение между централизацией и демократическим началом в управлении хозяйством, совершенствование хозяйственного механизма в целом. «В восьмидесятые годы,— подчеркивал Л. И. Брежнев,— должен быть завершен перевод экономики на рельсы интенсивного развития, должны быть резко подняты производительность и качество труда. Непременным условием производственных успехов остаются повышение уровня хозяй-

ственной работы, воспитание у кадров деловитости, ответственности и инициативы» (Правда, 1980, 22 окт.).

Пленум ЦК КПСС одобрил в основном проекты Государственного плана экономического и социального развития и Государственного бюджета СССР на 1981 г. Одобряя целиком и полностью положения и выводы, содержащиеся в речи Л. И. Брежнева, Пленум постановил положить их в основу деятельности всех партийных, советских, хозяйственных органов, профсоюзных и комсомольских организаций по выполнению и перевыполнению плана 1981 г., более полному использованию интенсивных факторов экономического развития в интересах повышения благосостояния народа и выразил твердую уверенность, что все трудящиеся страны встретят XXVI съезд КПСС новыми трудовыми достижениями и приложат все усилия для успешного выполнения плана первого года одиннадцатой пятилетки.

Решения Пленума получили всенародное одобрение, стали боевой программой трудящихся в деле дальнейшего развития экономики и культуры своей страны.

22—23 октября 1980 г. состоялась четвертая сессия Верховного Совета СССР десятого созыва. Верховный Совет СССР рассмотрел итоги выполнения Государственного плана экономического и социального развития страны в 1980 г. и проект плана на 1981 г., отчет об исполнении Государственного бюджета за 1979 г. и проект Государственного бюджета на 1981 г. и другие вопросы повестки дня. Верховный Совет СССР принял к сведению доклад Совета Министров СССР о ходе выполнения плана 1980 г. и предложил принять меры, направленные на успешное осуществление плановых заданий на 1980 и 1981 гг. Принятый Верховным Советом СССР Закон о Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1981 г. предусматривает по сравнению с 1980 г. увеличение национального дохода на 3,4%, продукции промышленности — на 4,1%, капитальных вложений — на 5,2%, производительности труда — на 3,6%, реальных доходов на душу населения — на 2,9%, общественных фондов потребления на душу населения — на 3,4%, строительство жилых домов общей площадью 108,9 млн м². Осуществление этого плана, связанное с ростом творческой активности масс, улучшением организации производства, преодолением трудностей и недостатков в развитии экономики, строгим соблюдением режима экономии и государственной дисциплины, ознаменуют собой дальнейшее увеличение экономического потенциала страны и повышение жизненного и культурного уровня народа.

Государственный бюджет на 1981 г., составленный в соответствии с Государственным планом экономического и социального развития страны на 1981 г., обеспечивает необходимыми средствами дальнейшее развитие народного хозяйства, рост благосостояния народа и упрочение обороноспособности страны. Доходы бюджета определяются в размере 298,3 млрд руб., а расходы в сумме 298,1 млрд руб., в том числе на финансирование народного хозяйства — 159,8 млрд, на социально-культурные мероприятия 101,9 млрд, на оборону — 17 млрд (5,7%), на управление — 2,5 млрд руб. Этот бюджет — яркое свидетельство величайших возможностей социалистического строя, заботы партии и государства об интересах народа и общем прогрессе страны.

2 декабря 1980 г. в советской прессе был опубликован документ большого теоретического и практического значения — Проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». Эти направления дальнейшего развития страны разработаны в соответствии с Программой КПСС и решениями XXIV и XXV съездов партии и опирают-

ся на достижения в развитии советского общества. В них обобщается практический опыт строительства коммунизма в СССР, учитывается опыт других социалистических стран, воплощается стратегия и тактика КПСС по важным вопросам экономического и социального развития применительно к конкретным условиям 80-х годов.

В проекте «Основных направлений...» указывается, что в прошедшие годы советский народ под руководством партии, осуществляя решения XXIV и XXV съездов КПСС, добился новых успехов в создании материально-технической базы коммунизма и повышении своего благосостояния. Вместе с тем упрочились союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, социально-политическое и идейное единство советского общества, укрепилась дружба народов СССР, социалистическая демократия поднялась на новую ступень, возросла производственная и общественная активность трудящихся, повысилась роль Советов народных депутатов, профсоюзов и комсомола, расширилось и обогатилось сотрудничество СССР с братскими социалистическими странами, возросло влияние Советского государства на ход мировых событий.

В десятой пятилетке народное хозяйство развивалось динамично, повысились эффективность общественного производства и качество работы, производительность общественного труда возросла на 17% (за счет этого в промышленности получено 75% прироста продукции, в строительстве — до 90%, в сельском хозяйстве весь прирост продукции), увеличилось национальное богатство страны, возрос производственный и научно-технический потенциал всех отраслей экономики, обеспечивалась на должном уровне обороноспособность Советской страны, увеличились реальные доходы на душу населения на 17%, средняя заработная плата рабочих и служащих — на 15%, доходы колхозников от общественного производства — на 26%, выплаты и льготы из фондов общественного потребления на душу населения с 354 руб. в 1975 г. до 438 руб. в 1980 г.,¹ было построено 530 млн м² жилой площади, улучшены жилищные условия свыше 50 млн человек. Осуществлены крупные мероприятия в области улучшения условий труда, здравоохранения, образования, культуры, охраны окружающей среды. В результате Советская страна продвинулась вперед на всех направлениях хозяйственного и общественного развития. Достигнутые ею рубежи позволяют решать еще более масштабные задачи экономического и социального характера.

«В восьмидесятые годы, — подчеркивается в «Основных направлениях...», — Коммунистическая партия будет последовательно продолжать осуществление своей экономической стратегии, высшая цель которой — неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа, создание лучших условий для всестороннего развития личности на основе дальнейшего повышения эффективности всего общественного производства, увеличения производительности труда, роста социальной и трудовой активности советских людей». В соответствии с этим предусматривается обеспечение дальнейшего социального прогресса общества, осуществление широкой программы повышения народного благосостояния, глубоких качественных сдвигов в материально-технической базе на основе интенсификации общественного производства, повышение его эффективности и ускорение научно-технического прогресса.

Ответственным этапом в реализации этих долгосрочных задач станет одиннадцатая пятилетка. Ее главная задача *«состоит в обеспечении дальнейшего роста благосостояния советских людей на основе устойчивого, поступательного развития народного хозяйства, ускорения научно-технического прогресса и перевода экономики на интенсивный путь развития,*

более рационального использования производственного потенциала страны, всемерной экономии всех видов ресурсов и улучшения качества работы».

Исходя из этого планируется осуществление системы мер по последовательному повышению жизненного уровня народа, обеспечение поступательного роста экономики и совершенствование структуры общественного производства, увеличение национального дохода, используемого на потребление и накопление, на 18—20%, повышение эффективности общественного производства и улучшение качества продукции и услуг во всех отраслях народного хозяйства на основе всесторонней его интенсификации, повышение производительности общественного труда на 17—20% и получение за счет этого не менее 85—90% прироста национального дохода, дальнейшее ускорение научно-технического прогресса, совершенствование управления и повышение уровня хозяйствования, усиление ориентации на достижение лучших конечных экономических результатов, повышение эффективности внешнеэкономических связей. Большое значение в новой пятилетке придается развитию науки и внедрению ее достижений в производство.

План одиннадцатой пятилетки по сравнению с десятой предусматривает увеличение промышленной продукции на 26—28% (в том числе производства предметов потребления — на 27—29%), производительности труда в промышленности — на 23—25% (за счет этого должно быть получено более 90% продукции), среднегодового производства сельскохозяйственной продукции — на 12—14% и производительности труда в сельском хозяйстве — на 22—24%, дальнейшее развитие транспорта и связи, рост капитальных вложений в народное хозяйство на 12—15%, повышение среднемесячной заработной платы рабочих и служащих — на 13—16%, доходов колхозников от общественного хозяйства — на 20—22%, увеличение общественных фондов потребления — на 20%, осуществление других крупных мероприятий по повышению материального и культурного уровня жизни народа. В плане органически сочетаются интересы экономического и социального развития страны в целом и ее отдельных республик, областей и районов. Намечаются мероприятия по совершенствованию управления, повышению уровня хозяйствования во всех сферах экономики.

В проекте «Основных направлений...» ставятся большие, сложные, но реальные задачи дальнейшего коммунистического строительства в СССР. «Успешное выполнение пятилетки,— говорится в документе,— обеспечит дальнейшее наращивание экономического потенциала страны и повышение народного благосостояния, поддержание на должном уровне оборонной мощи Советского государства, еще выше поднимет его международный авторитет, будет способствовать упрочению мировой системы социализма и сплочению всех сил, борющихся за мир и социальный прогресс».

Проект «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», вынесенный на всенародное обсуждение, встречен с большим удовлетворением всеми советскими людьми и вызвал живой интерес за рубежом. Советский народ, успешно завершив план десятой пятилетки, приступил к реализации вдохновляющих предначертаний КПСС на новом этапе коммунистического строительства.

О. Н. МАЙОРОВА

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ВОКС И ОПСД В ОБЛАСТИ ПОЛИТИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ (1950—1955)

Связи и сотрудничество Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) и Общества польско-советской дружбы (ОПСД) в 50-е годы осуществлялись в различных областях их деятельности [1]. В настоящей статье ставится цель раскрыть содержание, характер и масштабы сотрудничества при проведении политико-просветительной работы, имевшей немалое значение в решении задач, стоявших в рассматриваемый период перед этими общественными организациями.

Польша с начала 50-х годов приступила к построению основ социализма, и поэтому вполне закономерным было желание польских трудящихся больше узнать о Советском Союзе, его опыте в строительстве социализма, о различных проявлениях польско-советского сотрудничества. ОПСД, реализуя программные директивы ПОРП, считало проведение политико-просветительной работы в этом направлении одной из своих главных задач [2, 7/6]. ВОКС уделял сотрудничеству с ОПСД в этой области большое внимание [3, д. 254, л. 1—6, 12—13].

Исходным пунктом для политико-просветительной деятельности ОПСД являлись годовщины важных общественно-политических и культурных событий в жизни Польши и Советского Союза, главным образом годовщины освобождения Варшавы Советской Армией, Сталинградской битвы, дней рождения В. И. Ленина, подписания Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Польшей, годовщин Октябрьской социалистической революции и др. Так, к примеру, в 1951 г. накануне 34-й годовщины Октябрьской революции в Польше развернулось широкое движение за достойную встречу этой даты. Оно выражалось в принятии индивидуальных и коллективных обязательств по повышению производительности труда, по досрочному выполнению заданий, инициаторами которых во многих воеводствах являлись кружки ОПСД. В Белостоке 7 ноября был открыт памятник Благодарности Советской Армии, в других местах — обелиски в честь советских освободителей. Были устроены выставки, посвященные достижениям Страны Советов, состоялось много лекций и торжественных заседаний, проходивших в атмосфере огромного энтузиазма участников. Главное правление ОПСД провело торжественное заседание в Варшаве, в котором приняли участие представители Советского посольства, делегации ВОКС, члены Высшего совета ОПСД [4, док. 102].

Торжественно отмечалась в Польше 10-я годовщина подписания Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. 20 апреля 1955 г. в Варшаве, в помещении Театра Польского состоялось торже-

ственное заседание представителей общественности польской столицы, в котором приняла участие советская правительственная делегация [5, 6]. Собрания, лекции об итогах 10-летнего сотрудничества Польши и Советского Союза, массовые гулянья трудящихся состоялись в городах и селах. Знаменательная дата получила широкое освещение в печати и по радио [3, д. 305, л. 91—98].

Наиболее целенаправленно и широко политико-просветительная работа велась в Польше во время ежегодных Месячников углубления польско-советской дружбы. Общество польско-советской дружбы, являясь их главным организатором, тесно сотрудничало с другими организациями — ПОРП, Объединенной крестьянской и Демократической партиями, профсоюзами, Союзом крестьянской взаимопомощи, Союзом польской молодежи, Лигой женщин, Обществом распространения знаний, Главной технической организацией, союзами польских учителей, писателей, композиторов, Комитетом защитников мира и другими организациями. Так, в 1953 г. в исполнительные комитеты по проведению Месячника вошли представители 52-х массовых организаций и учреждений [4, док. 196].

Открытия Месячников углубления польско-советской дружбы проходили в торжественной обстановке. Так, по случаю открытия Месячника в 1954 г., связанного с 10-летием существования ОПСД, 13 сентября состоялось собрание в Варшаве, на котором присутствовало пять тысяч человек. В нем приняли участие члены Политбюро ЦК ПОРП и правительства ПНР, руководящие деятели Общества польско-советской дружбы, ЦСПС Польши, представитель ВОКС в Польше И. Рачук, зачитавший приветственную телеграмму Правления ВОКС, а также советская делегация во главе с известным ученым В. И. Спицыным. В концерте выступил заслуженный украинский коллектив бандуристов, находившийся в Польше по случаю Месячника [7, 4, док. 252].

По-разному отмечалось это событие в воеводствах: торжественные заседания, выступления художественных коллективов, открытие выставок, клубов, факельные шествия, осенние походы по дорогам победы. Различными были и мероприятия Месячников в целом: лекции и беседы, выставки, встречи с членами делегаций ВОКС, популяризация советских книг и периодической печати и др. Большую помощь в этом оказывал ВОКС, а также другие советские организации, что подробно рассматривается ниже.

Месячники способствовали мобилизации трудящихся Польши на борьбу за мир, досрочное выполнение заданий 6-летнего плана развития народного хозяйства. Рабочие принимали обязательства по перевыполнению установленных заданий, досрочному вводу в действие новых промышленных объектов. Многие крестьяне перевыполняли поставки зерна и картофеля. Месячники превращались в подлинную демонстрацию глубоких чувств и уважения польского народа к Советскому Союзу, способствовали дальнейшему укреплению дружбы польского народа с народами СССР, сближению и углублению сотрудничества между Польшей и СССР, а также значительной активизации деятельности ОПСД и росту его численности. Так, во время Месячника углубления польско-советской дружбы в 1950 г. в ОПСД вступило 625 867 человек [2, 5/53, т. 1], в 1951 г. — 317 411 [2, 5/17], в 1952 г. — 400 000 [8], в 1953 г. — около 1 млн [9, с. 3], в 1955 г. — свыше 524 000 человек [2, 4/121].

Общественно-политические мероприятия, направленные на более широкое ознакомление советских трудящихся с жизнью польского народа, его культурой, историей и достижениями в строительстве социалистического общества, проводились и в Советском Союзе. Обычно они были связаны с важными событиями в Народной Польше. Так, в июле 1954 г. советская общественность торжественно отметила 10-летие ПНР. 21 июля

в Москве в Колонном зале Дома союзов состоялся вечер, организованный ВЦСПС, ВОКС, Славянским комитетом СССР и АН СССР, на котором присутствовали представители общественности, передовики производства, деятели науки, искусства, литературы, а также делегации ОПСД во главе с З. Гарстецким и Союза польской молодежи (во главе с Б. Пехудким), посол ПНР в СССР, сотрудники посольства и другие польские гости. Доклад был сделан заместителем министра высшего образования СССР В. Н. Столетовым, выступили также глава польской делегации З. Гарстецкий и посол ПНР в СССР В. Левиковский. Завершился вечер большим концертом русской и польской музыки [10, 11].

Широко отмечалось 10-летие ПНР общественностью Казахстана. В республике проводились циклы лекций, организовывались выставки о Польской Народной Республике. С 19 по 23 июля демонстрировались польские фильмы, которые просмотрели многие тысячи человек. Разнообразной была программа радиопередач. 21 июля в Алма-Ате в Государственном академическом театре оперы и балета им. Абая состоялся торжественный вечер, организованный Министерством культуры Казахской ССР, Казахским Советом профсоюзов, Казахским ОКС и Академией наук республики, на котором присутствовало 1200 человек. Доклад о польско-советской дружбе и 10-й годовщине ПНР сделал председатель правления Казахского ОКС Д. Исмагулов. Затем состоялся большой концерт [3, д. 296, л. 82—84].

Аналогичными мероприятиями отметила знаменательную дату в жизни братского народа общественность Белоруссии, Украины, Армении, Грузии, Литвы и других советских республик [3, д. 296, л. 85—87; д. 301, л. 122; 12, 13].

В апреле 1955 г. советский народ торжественно отметил 10-летие советско-польского Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. В Москве, в Колонном зале Дома Союзов 20 апреля состоялось заседание представителей трудящихся, на котором присутствовали руководители партии и правительства, а также правительственная делегация ПНР во главе с Ю. Циранкевичем. С докладом выступил министр культуры СССР Н. А. Михайлов, а затем Ю. Циранкевич [14].

Широко отмечалась эта дата и на Украине. 20 апреля в Киеве, в Колонном зале Украинской республиканской филармонии состоялось собрание, организованное Украинским республиканским советом профсоюзов, УкрОКС, Министерством культуры УССР, Украинским республиканским комитетом защиты мира и АН УССР. Собрание открыл председатель совета профсоюзов Украины К. Ф. Москалец. Доклад о 10-лети Договора сделал писатель Л. Д. Дмитерко. Выступил тепло встреченный присутствующими консул ПНР в Киеве П. С. Кергет. В концерте, состоявшемся после собрания, были исполнены произведения русских, украинских и польских композиторов. Вечер прошел в теплой и дружеской обстановке. В Киеве была организована и неделя польских фильмов. Демонстрировались «Варшавская премьера», «Две бригады», «Ночной взрыв» и другие фильмы. Украинское радио и киевский телецентр посвятили знаменательной годовщине специальные передачи. На предприятиях Киева — Дарницком вагоноремонтном заводе, заводе «Красный экскаватор», «Электроприбор», станков-автоматов им. М. Горького, «Большевик», а также в других городах Украины проходили собрания рабочих, инженерно-технических работников и служащих, на которых принимались приветственные письма и предложения коллективам родственных предприятий Варшавы, Лодзи и других городов Польши наладить постоянные производственные связи для обмена передовым опытом [3, д. 304, л. 51—52].

Подобные мероприятия в связи с этой датой проходили и в других республиках [3, д. 304, л. 55—57].

Разнообразные мероприятия организовывались в Советском Союзе в связи с проходившими в Польше Месячниками углубления польско-советской дружбы. Так, все белорусские газеты систематически помещали разнообразный материал о Днях белорусской культуры в Польше, проводимых в рамках Месячника 1955 г., о пребывании делегации ОПСД в Белоруссии и т. д. 1 октября в Минске в театре оперы и балета состоялся вечер польско-советской дружбы, организованный БелОКС, Министерством культуры БССР, Белорусским республиканским советом профсоюзов, Союзом писателей БССР. На нем присутствовали представители партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, деятели науки, культуры и искусства, а также прибывшие в Минск члены делегации ОПСД. Собравшихся приветствовал председатель правления БелОКС Г. Н. Вересов. С докладом «Неурушимая дружба польского и советского народов» выступил поэт, член-корр. АН БССР П. Ф. Глебка. В заключение состоялся большой концерт. Вечер вылился в яркую демонстрацию братства между двумя народами.

С 3 по 9 октября в кинотеатре «Первый» и в клубе автозавода был организован фестиваль кинофильмов ПНР. В фойе кинотеатра экспонировалась фотовыставка, рассказывавшая об успехах польских трудящихся в экономическом и культурном строительстве, проводились лекции об успехах ПНР в строительстве социализма. По радио прозвучали передачи, посвященные Месячнику [4, док. 307; 15, 16]. Аналогичные действия состоялись и в других союзных республиках [3, д. 307, л. 15—24].

Таким образом, одним из организаторов общественно-политических мероприятий в СССР, посвященных Польше, был ВОКС и его республиканские отделения. ОПСД оказывало при этом необходимое содействие.

Сотрудничество ВОКС и ОПСД в области политико-просветительной работы как в периоды Месячников, так и в повседневной деятельности осуществлялось в различных формах: обеспечение необходимыми материалами для лекций и бесед, организация выставок, обмен делегациями, передача общественно-политической литературы и периодических изданий, обучение русскому языку, обеспечение материалами журнал «Пишьянь» и т. п.

В программных документах ОПСД большое значение придавалось проведению лекций и бесед. Так, в решениях IV Всепольского съезда этого Общества (декабрь 1952 г.) подчеркивалась необходимость расширения пропагандистской и культурно-просветительной деятельности путем организации докладов и бесед по самой разнообразной тематике [4, док. 157]. Повседневную помощь в этом оказывал ВОКС, предусматривая в своих планах отправку в адрес ОПСД различных материалов, посвященных достижениям СССР в политической, экономической и культурной областях, в частности, советским пятилеткам, годовщинам Великой Октябрьской социалистической революции, ленинской тематике, вопросам сельского хозяйства, международному значению XIX съезда КПСС и другим важным событиям в жизни советских людей. Так, в числе статей, отправленных в 1950 г., были: «26-я годовщина со дня смерти В. И. Ленина», «Ликвидация окруженных под Сталинградом немецко-фашистских войск 2 февраля 1943 г.», «День Красной Армии», «Достижения советских женщин в области промышленности, агротехники, науки и искусства», «Об организации пионеров», «Роль и задачи комсомола», «Для великих строек коммунизма» и др. [3, д. 275, л. 64—65; д. 268, л. 35—36], в 1951 и 1952 гг. — «Программа борьбы за сохранение мира», «Советский народ успешно выполнил первый послевоенный 5-летний план» с комплектом фотоиллюст-

раций, «Зарубежные гости о Советском Союзе», «Трудовые резервы советского государства», «Права и обязанности членов советских профсоюзов» и другие [3, д. 269, л. 188; д. 267, л. 19, 49, 61, 63, 66, 73, 190, 206; д. 284, л. 68].

ОПСД нередко обращалось в ВОКС с просьбами о высылке материалов на конкретные темы. Так, в декабре 1953 г. в связи с приближающимся 300-летием воссоединения Украины с Россией ГП ОПСД просило прислать материалы, отражающие историческое значение этого события, прошлое и настоящее украинского народа [3, д. 294, л. 5], в июне 1954 г. — связанные с 10-летием ПНР [3, д. 298, л. 62, 65—67], в 1955 г. в связи с Днями белорусской культуры в ПНР — о достижениях Белорусской ССР в различных областях, о деятельности БелОКС и др. [3, д. 304, л. 145]. Наряду со статьями ВОКС направлял ГП ОПСД магнитофонные записи, фотоматериалы [3, д. 295, л. 40].

Оценивая помощь ВОКС в этом деле, ГП ОПСД, в частности, в своей справке от 26 мая 1954 г. писало: «... полученные нами в I квартале текущего года материалы отображают самые актуальные явления жизни Советского Союза во всех ее областях. Вследствие этого они оказывают действительную помощь в нашей пропагандистской работе. Все пожелания и запросы нашего Общества ВОКС удовлетворяет чрезвычайно быстро и внимательно. Целесообразное использование материалов, присланных ВОКС, зависит целиком от работы Главного правления ОПСД» [3, д. 296, л. 173—176].

Присылаемые ВОКС материалы использовались главным образом Центральным кружком докладчиков при ГП ОПСД. Многие из них направлялись в консультацию при Центральном клубе ОПСД, в воеводские правления и клубы Общества, являвшиеся наряду со светлицами в повятах, опорой в пропагандистской деятельности ОПСД. Издательский отдел Общества использовал их при выпуске пропагандистских материалов на польском языке. Так, к Месячнику 1951 г. ГП ОПСД издало серию «Портфель докладчика» общим тиражом 85 300, а «Беседы пропагандиста» — 136 000 экз. [2, 5/17].

Эти материалы служили основой для лекций, организуемых ОПСД и другими общественными организациями (Общество всеобщих знаний, Главной технической организацией, Союзом польской молодежи, Союзом учителей и др.) на предприятиях, в различных учреждениях, в школах и вузах, в селах, госсельхозах и кооперативах. Большой интерес вызывали такие лекции, как «Помощь и пример СССР — гарантия выполнения 6-летнего плана», «10 лет помощи СССР Народной Польше», «Традиции польско-советской дружбы», «Волго-Донской канал», «Дворец культуры и науки», «СССР и Польша», «Помощь и пример СССР — гарантия мира и независимости Польши» и другие [2, 4/118, т. II; 5/81; 4, док. 164 и др.]. Польскую молодежь интересовало участие советской молодежи в борьбе с гитлеровскими захватчиками, а в послевоенные годы — в освоении целины. В школах освещались темы: «Советская молодежь — пример для польской молодежи», «Новая Хута», «Великие стройки коммунизма» и др. [2, 1/114].

Об огромном размахе лекционной работы свидетельствуют следующие данные: в 1951 г. было проведено 319 тыс. лекций и бесед [2, 5/76], в 1953 г. — 400 тыс., которые прослушали 13 млн человек [17]. При этом значительное их количество проходило в период Месячников углубления польско-советской дружбы, в частности, в 1950 г. — 62,6 тыс. лекций [2, 5/53, т. I], 1951 г. — 187,5 тыс. [4, док. 102], 1953 г. — 203 тыс. [4, док. 195], 1955 г. — 173,9 тыс. [2, 4/121]. Хорошие результаты были достигнуты во Вроцлавском воеводстве (1951), в Варшаве (1953), в Познанском воевод-

стве (1954). С большим размахом велась лекционная пропаганда на металлургическом комбинате им. В. И. Ленина в Новой Хуте [2, 4/105; 4, док. 311]. С каждым годом все больше лекций и бесед проводилось в деревне.

ОПСД, как и другие организации, занимавшиеся лекционной пропагандой, придавая большое значение этому виду своей деятельности, стремились охватить ею все слои населения и все воеводства Польши. К середине 50-х годов лекции стали чаще сопровождаться показом диапозитивов, документальных и художественных фильмов. После лекций устраивались концерты, в которых часто выступали самодеятельные коллективы [2, 3/124; 4/118. т. II; 4/105].

Лекции и беседы вызвали большой интерес у слушателей, о чем свидетельствовало, в частности, их активное участие в дискуссиях после докладов. Во многих выступлениях подчеркивался рост братских чувств к народам СССР. Так, гр. Корына из Милича Вроцлавского воеводства сказал, что его дети, до войны и не мечтавшие о школе, теперь, благодаря исторической победе СССР и его братской помощи Народной Польше, учатся бесплатно. Учительница Гохманова с радостью и гордостью говорила о том, как многим обязаны ее ученики Советскому Союзу [4, док. 102].

Лекционная работа оказывала влияние на рост рядов Общества польско-советской дружбы, на возникновение новых кружков ОПСД, способствовала осознанию слушателями роли Советского Союза для Польши, вызывала интерес к различным сторонам жизни рабочих и колхозников в СССР [2, 5/17].

Выступавшие в дискуссиях высказывали свое восхищение достижениями СССР и благодарность за бескорыстную помощь, оказываемую Народной Польше. Так, после лекции на тему «Помощь и союз с СССР», проводимой в рамках Месячника 1953 г. в повяте Аугустув Белостокского воеводства, одна из крестьянок сказала: «Когда мы получили свободу, некоторые говорили, что если мы будем иметь дело с Советским Союзом, то будем жить в нужде и голоде, не сможем ни ходить в костел, ни учиться по-польски. Сейчас же никто не запрещает молиться, в нашей деревне есть 7-классная всеобщая школа, тогда как до войны было только 4 класса. Я сама только теперь смогла научиться читать и писать» [2, 5/81]. А вот слова члена производственного кооператива в Ольштынском воеводстве, прослушавшего лекцию «Волго-Донской канал»: «Такие великие стройки можно осуществить лишь при коллективной работе. Они не только выражают мирную политику СССР, но и являются ее плодом». Нередко после лекций на местах организовывались кружки ОПСД. В громаде Малые горки, например, из 57 слушателей 14 записались в кружок ОПСД [2, 5/81].

Важную роль в эффективности пропагандистской деятельности ОПСД играли правильно подобранная тематика докладов и методы их проведения. Наибольшим успехом среди молодежи пользовались лекции, сопровождавшиеся показом фильмов, диапозитивов и диафильмов. Так, в ходе Месячника 1953 г. в кооперативе Пижусуй повята Мрогово Ольштынского воеводства после беседы о комсомоле молодежная полевая бригада обязалась закончить уборку корнеплодов на два дня раньше срока, молодежь в Пажджернике этого же повята обязалась выехать в сельскую местность для оказания помощи в реализации поставок государству. В громаде Весола повята Отвоцк ученики Каспшак и Климкевич, принимавшие участие в дискуссии о дружбе с Советским Союзом, высказывались за более частое чтение подобных лекций. В повяте Макув Варшавского воеводства в результате проведенных докладов члены СПМ приняли около 500 обязательств производственного и культурно-просве-

тительного характера. Особенно большим успехом у школьной молодежи пользовались встречи с участниками экскурсий в Советский Союз и участниками боев под Ленино [2, 4/114].

Чтение лекций, посвященных достижениям польских трудящихся в строительстве социализма, было составной частью мероприятий, проводимых в СССР в связи с важными датами в истории народной Польши. Так, по случаю 10-летия ПНР доклады и беседы состоялись во многих городах и селах Белоруссии, Украины, Литвы, Армении, Казахстана и других республик. В частности, в Армении Общество по распространению общественных и научных знаний организовало около 40 докладов о ПНР, в одной только Алма-Ате — свыше 10 [3, д. 296, л. 82—87].

ВОКС и ОПСД большое значение придавали организации выставок, отражающих различные стороны жизни советского и польского народов. В частности, в постановлении IV съезда ОПСД указывалось на необходимость расширения пропагандистской деятельности путем устройства многочисленных выставок и развертывания широкой наглядной пропаганды, как в центре, так и на местах [4, док. 157]. Рассмотрение перечня, конкретной тематики и характера выставок, которыми обменивались ВОКС и ОПСД в рассматриваемый период, позволяет судить об их политико-просветительной направленности и объеме этой работы.

В начале 1950 г. ВОКС по просьбе ОПСД выслал в его адрес материалы о Советской Армии. На их основе в феврале 1950 г. в Варшаве была открыта передвижная выставка ОПСД, показывавшая вклад Советской Армии в борьбу за свободу народов [18]. В апреле того же года ВОКС направил в Польшу ряд репродукций и фотоподборок о труде и быте рабочих московского завода имени Владимира Ильича, в июле — «Советский народ голосует за мир», в декабре — «Труд и быт шахтеров Донбасса» [3, д. 265, л. 29].

В связи с Месячником 1950 г. ГП ОПСД были изданы альбомы «Герои социалистического труда в колхозах и совхозах СССР», «Отдых детей», «Забота о матери и ребенке», «Спорт в СССР» и другие, а также фотографии «Право на отдых в СССР», «Братская помощь СССР», «Сельское хозяйство в СССР», «33-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции», «Советский Союз — оплот мира и безопасности народов». Ежегодно ГП ОПСД издавало 12 таких альбомов тиражом 20 тыс. экз. с использованием для этого отдельных снимков и целых фотокомплектов, получаемых от ВОКС [2, 5/53, т. 1]. В ходе Месячника 1950 г. было организовано 2753 различных выставок, в частности о жизни и достижениях советской молодежи, о советских сельскохозяйственных машинах, «Молодежь борется за мир», «Польские крестьяне участвуют в поездках по Советскому Союзу» и другие. На железнодорожных вокзалах, в читальных школах, на предприятиях устраивались фотовыставки в витринах [2, 5/53, т. 1].

В 1951 г. от ВОКС были получены выставки на тему: «Советская Армия», «Московское метро», «Строительство высотных зданий в Москве», «Великие стройки коммунизма», «5-летний план в СССР», фотохроника, фотоподборки «3-я Всесоюзная конференция сторонников мира» [3, д. 281, л. 26—27; д. 267, л. 23]. В июле этого года в Варшаве, Щецине, Вроцлаве, Быдгощи, Белостоке и других городах организовывались экспозиции, посвященные жизни и борьбе Ф. Дзержинского в связи с 25-й годовщиной со дня его смерти [19].

14 октября 1951 г. во время Месячника углубления польско-советской дружбы в Варшаве были открыты две выставки: вице-маршалом Сейма, членом Главного Совета ОПСД В. Барциковским — «Советский Союз — оплот мира», и председателем ГП ОПСД Э. Охабом — «Традиции польско-

советской дружбы», которые посетило 30 тыс. и 40 тыс. человек [20, 21, 4, док. 102]. Торжественное открытие выставки «Советский народ успешно выполнил послевоенный 5-летний план», полученной от ВОКС в готовом для экспозиции виде, состоялось 7 ноября 1951 г. в одном из лучших зданий Варшавы — Музее Народовом. В течение месяца ее посетило свыше 200 тыс. человек [3, д. 267, л. 123]. Всего в ходе Месячника 1951 г. было организовано 7300 различных выставок [4, док. 102]. К этому времени техническая база для пропагандистской работы обогатилась 60 проекторами и 15 передвижными киноустановками. С конца апреля 1951 г. начал действовать Центральный клуб ОПСД, выполнявший важную роль в распространении знаний о Советском Союзе (с мая по ноябрь 1951 г. в мероприятиях этого клуба участвовало 64 тыс. активистов, в том числе молодежи — 25 тыс.) [2, 5/17].

В 1952 г. от ВОКС были получены большие выставки «Советская Украина» и «Счастливое детство», а также фотоматериалы (свыше 100 фотографий), на основе которых во время Месячника была устроена экспозиция в Варшаве «Укрепление дружбы с СССР», отправленная затем в воеводства, где с ней ознакомились свыше 1174 тыс. человек [3, д. 267, л. 9; д. 282, л. 210; д. 292, л. 2—7]. В Центральном клубе ОПСД в Варшаве были открыты выставки «Великие стройки коммунизма», иллюстрирующие гидроэнергетическое строительство в СССР, «Новый 5-летний план СССР», «Судоходный Волго-Донской канал им. В. И. Ленина» [22]. Всего за период 1950—1952 гг. ОПСД организовало 2371 выставку, которые посетило свыше 1 млн. человек [4, д. 252].

В ходе Месячника 1952 г. ряд экспозиций политико-просветительного характера был организован библиотеками высших учебных заведений, которые вызвали всеобщий интерес. В частности, в Кракове в Ягеллонской библиотеке на выставке «Поляки и русские в борьбе за прогресс в XIX и XX вв.» были представлены исторические документы, книги и фотоснимки, отражающие широкие связи и сотрудничество русских и польских революционеров и прогрессивных деятелей в борьбе за политические и гражданские свободы, против царизма и буржуазии, борьбу с фашизмом во время второй мировой войны и крепнущую дружбу польского народа с народами Советского Союза [4, док. 152]. Организованная в библиотеке Университета им. Н. Коперника выставка «Великая Октябрьская революция в собраниях библиотеки» показывала участие поляков в Октябрьской революции и роль Советского Союза как первого в мире социалистического государства. Материалы, экспонированные в библиотеке инженерной школы в Щецине, посвящались новому 5-летнему плану развития СССР, XIX съезду КПСС, великим стройкам коммунизма, строительству Дворца культуры и науки в Варшаве, убедительно раскрывали перед посетителями современную проблематику [2, 5/81].

В январе 1953 г. ГП ОПСД в своей записке ВОКС об изучении материалов XIX съезда КПСС писало, что полученные фотоподборки «Советская страна встречает XIX съезд КПСС» использованы для устройства витрин в Варшаве: на улицах города и в Центральном клубе ОПСД. Часть снимков использованы для выставки «Участие советских женщин в стройках коммунизма», предназначенной для широкого показа в воеводствах [3, д. 292, л. 26].

В начале 1954 г. ВОКС направил ОПСД 35 малых выставок, фотохроник и фотоподборок, часть которых посвящалась жизни пионеров, студентов, мирному созидательному труду советского народа [3, д. 296, л. 173—174; д. 299, л. 35; д. 235, л. 40]. Во время проведения Месячника юбилейного 1954 г. были организованы, в частности, экспозиции «10 лет помощи СССР Радому» (в Варшаве), «Будем углублять дружбу с СССР»

(в Лодзи), «Охрана здоровья в СССР» (в Щецине) и др. [4, док. 252; 2, 4/118, т. II]. На территории всей страны проводился конкурс детских рисунков на тему польско-советской дружбы. ОПСД по его результатам направило ВОКС информацию и 14 фотоснимков работ, отмеченных жюри конкурса, а также материалы из польских газет и журнала «Пшиязнь», касающиеся этого вопроса. Сообщалось, что дети в своих рисунках по-разному представляли дружбу между Польшей и Советским Союзом. Например, Кшись Дыга, ученик шестого класса начальной школы № 7 г. Варшавы назвал свою работу «Зерно для Польши из Советского Союза», Богдан Липский из Белостока изобразил момент гибели советского героя Г. Кунавина, защищавшего польскую деревню Харасимовиче. Темой рисунков многих детей явился Дворец культуры и науки как символ дружбы между советским и польским народами. В целом тематика рисунков свидетельствовала об их патриотических настроениях и тем самым проведенный конкурс выполнил поставленные перед ним воспитательные задачи [2, 33/9; 4, док. 213].

В феврале 1955 г. на одной из центральных улиц Варшавы около резиденции уполномоченного ВОКС в Польше открылась постоянная хорошо оборудованная фотовыставка ВОКС «Из жизни Советского Союза», которая вызвала у варшавян большой интерес [3, д. 303, л. 28]. В ходе Месячника 1955 г. в Гданьске, Лодзи, Ольштыне были показаны выставки стенных газет студенческих коллективов, посвященных советской проблематике, в Кракове — о Белоруссии [4, док. 311]. В числе материалов наглядной пропаганды, направленных в 1955 г. ВОКС в адрес ГП ОПСД, были материалы о жилищном строительстве в СССР, здравоохранении, спорте, о пребывании польских делегаций в Советском Союзе, а также о первой русской революции 1905—1907 гг. [3, д. 307, л. 47; д. 306, л. 106; д. 308, л. 11; д. 273, л. 58; д. 294, л. 100; д. 297, л. 4].

Общество польско-советской дружбы со своей стороны оказывало необходимое содействие ВОКС в организации в Советском Союзе выставок, отражающих жизнь польского народа, его экономику и культуру. Так, 20 апреля 1951 г. в выставочном зале Московского союза художников была открыта экспозиция о хозяйственном и культурном строительстве в Польше. Выступивший на ее открытии председатель правления ВОКС проф. А. И. Денисов отметил, что экспонаты отражают многогранную творческую деятельность миролюбивого польского народа, нерушимую дружбу, связывающую Польскую Республику с Советским Союзом [23, 24]. О ней информировал также «Бюллетень ВОКС», выходивший на английском языке [25]. На этой выставке, показанной затем в Киеве, побывали экскурсии от предприятий, учреждений и учебных заведений. В книге отзывов композитор, заслуженный деятель искусств УССР Ю. С. Мейтус и артистка театра им. Франко Васильева написали: «С большим интересом ознакомились с выставкой, которая ярко отражает огромные успехи в развитии промышленности, сельского хозяйства и культуры Польской Республики и благотворное влияние дружбы с великим Советским Союзом». По поручению рабочих, служащих и инженерно-технических работников завода «Большевик» тов. Лекарь сделал запись, в которой подчеркнул, что это «еще один акт возрастающих связей дружбы и взаимного понимания во всех областях политической, культурной и хозяйственной жизни» [26].

Выставки, посвященные польско-советской дружбе, были организованы в Советском Союзе в связи с празднованием 10-летия Польской Народной Республики. В Белоруссии они были размещены на центральной магистрали Минска, в Белорусском государственном театре оперы и балета, в кинотеатре «Победа», в областных центрах — Бресте, Гродно

и других городах республики. В библиотеках организовывались выставки польской периодической печати, книг и различных материалов, характеризующих достижения Народной Польши. Так, в Белорусской государственной библиотеке им. В. И. Ленина можно было ознакомиться с развитием промышленности, железнодорожного транспорта, сельскохозяйственной кооперации, со строительством школ и вузов [13]. Подобная тематика была представлена и в других советских республиках [3, д. 296, л. 82—87; 4, док. 307].

В июле — ноябре 1955 г. в Москве, Киеве и Минске экспонировалась выставка «10 лет народной Польши». Многочисленные фотографии и экспонаты, красноречивые цифры знакомили ее посетителей с выдающимися успехами польского народа, достигнутыми в развитии промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры, в строительстве новой жизни [27, 17, 3, д. 307, л. 24]. Экспозиция пользовалась большим успехом. Об этом свидетельствовали, в частности, записи посетителей, сделанные в книге отзывов: «Замечательные успехи во всех областях хозяйственной и культурной жизни новой Польши. Хорошо, если эту выставку посмотрят советские люди многих наших городов» (режиссер музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко, заслуженный артист РСФСР и БССР И. Златогоров). «Мне посчастливилось быть одной из участниц открытия выставки „10 лет ПНР“. С большим вниманием я просмотрела большое количество экспонатов и документов. Они оставили во мне не только глубокие впечатления, но и пополнили мои представления о жизни братского польского народа. Эта выставка еще больше расширит и укрепит братскую дружбу между нашими соседними народами» (Я. А. Дубовик, учетчица фабрики пианино) [3, д. 304, л. 248—264].

ВОКС и ОПСД нередко передавали необходимые материалы другим организациям для экспозиций, отражающих жизнь польского и советского народов [3, д. 265, л. 109, 117; д. 284, л. 51; 2, 33/9].

Таким образом, деятельность ВОКС и ОПСД по взаимному обмену выставками, разнообразие тематики и характера передаваемых материалов и сфер его использования способствовали лучшему познанию истории и современной действительности Народной Польши и Советского Союза, сближению и дружбе обеих стран.

Решению этой задачи способствовал и обмен делегациями ВОКС и ОПСД. Их приезд приурочивался, как правило, к проведению Месячников углубления польско-советской дружбы и юбилейным датам исторических событий, отмечаемых в Народной Польше и Советском Союзе. В 1950 г. советскую делегацию, прибывшую для участия в Месячнике, возглавлял председатель Славянского комитета А. Гундоров [4, док. 60; 28], в 1951 г. — академик Е. А. Чудаков [29, 30], в 1952 г. — писатель А. А. Сурков [3, д. 284, л. 127; 31], в 1953 г. — заместитель министра культуры СССР В. Н. Столетов [9, с. 6; 4, док. 196], в 1954 г. — член-корр. АН СССР В. И. Спицын [4, док. 252], в 1955 г. — министр высшего образования СССР В. П. Елютин [4, док. 302], а делегацию БелОКС — министр культуры Белорусской ССР — К. В. Киселев [4, док. 311; 3, д. 304, л. 188—191]. Группу членов ВОКС, выезжавшую в Польшу в июле 1954 г. в связи с празднованием 10-летия ПНР, возглавил А. С. Гундоров [3, д. 296, л. 78; 32], а в апреле 1955 г. в связи с празднованием 10-летия советско-польского договора о дружбе — известный советский ученый В. И. Дикушин [3, д. 305, л. 108—116]. Состав делегаций был многочисленным (4—11 человек) и формировался с учетом запросов ОПСД. Членами их были деятели науки и искусства, передовики производства, которые, являясь специалистами в соответствующей отрасли, принимали активное участие в общественной жизни страны, что способствовало их

плодотворному пребыванию в Польше. Например, в состав делегации ВОКС, прибывшей во главе с т. Елютиным для участия в Месячнике 1955 г., входили: член президиума Академии архитектуры СССР Л. В. Руднев, директор Государственного Эрмитажа М. И. Артамонов, колхозница, депутат Верховного Совета СССР М. И. Сардак, доменный мастер, депутат Верховного Совета РСФСР Д. П. Мухаркин, заведующий Московским областным отделом народного образования Ф. С. Максименко и директор Дворца культуры автозавода им. Сталина Н. С. Баранов [3, д. 307, л. 51].

Советские делегации участвовали в торжествах не только в Варшаве, но и в других городах и населенных пунктах, где они встречались с рабочими и крестьянами, посещали культурные центры и научно-исследовательские институты, знакомились с достижениями Народной Польши, памятниками национальной польской культуры, обогащая тем самым свои познания о жизни братского народа. Так, в 1953 г. советские гости посетили такие города, как Быдгощ, Торунь, Познань, Белосток, Ольштын, Щецин, Вроцлав, Кельце, Краков, Ополе [4, док. 196].

Представителям ВОКС задавались многочисленные вопросы, при этом чувствовалось, как отмечал один из членов делегации в 1953 г., что вопросы были вызваны не простым любопытством, а настоятельной необходимостью разрешить неотложные проблемы [9, з. 6]. Такие встречи были очень полезными для польских рабочих и крестьян, стремящихся углубить свои знания о советском народе, на них присутствовало большое количество польских трудящихся (например, в ходе Месячника 1954 г. — 18 тыс. человек, в апреле и сентябре 1955 г. — 8 тыс. и 16 тыс. [4, док. 195, 252, 311]).

Проводя мероприятия идейно-просветительного характера, ОПСД привлекало для участия в них также советских специалистов, работавших в Народной Польше. Например, в 1953—1955 гг. более 140 раз приветствовали советских строителей Дворца культуры и науки в Варшаве [4, док. 196, 252; 3, д. 305, л. 96; 33]. В период Месячника 1955 г. советские эксперты, работающие в Новой Хуте, встречались с учеными, инженерами, рабочими и молодежью Краковского воеводства [4, док. 305]. Такие встречи помогали ОПСД осуществлять пропагандистскую деятельность более разнообразно и в широких масштабах.

Со своей стороны ВОКС приглашал в СССР для ознакомления с жизнью советского народа польские делегации. Так, с 20 января по 6 февраля 1950 г. группа членов Общества польско-советской дружбы находилась в Москве в связи с 26-й годовщиной со дня смерти В. И. Ленина [4, док. 4; 3, д. 253, л. 104; 34], осенью 1951 г. — в связи с проходившим в Польше Месячником (посетила Москву, Ростов-на-Дону, Ленинград) [35]. В декабре 1952 г. в Советский Союз приезжала делегация, возглавляемая вице-председателем ГП ОПСД С. Матушевским (посетила Москву, Ленинград, Армению) [3, д. 291, л. 84; 36], а 3 ноября 1953 г. — во главе с заместителем председателя Государственного Совета Польши С. Игнаром, в июле 1954 г. — во главе с З. Гарстедкием [3, д. 299, л. 155], а в сентябре — во главе с заместителем председателя Государственного Совета В. Бардиковским побывала в Москве, Ленинграде, Сталинграде, Ростове-на-Дону, Сочи, ознакомилась с Волго-Донским каналом и Цимлянским водохранилищем [3, д. 298, л. 57; 37, 38]. В Белоруссии в сентябре 1954 г. по приглашению БелОКС находилась делегация ОПСД во главе с членом Президиума ПАН Г. Яблоньским (посетила Минск, Гомель, Гродно, Могилев) [39], в сентябре 1955 г. — во главе с министром просвещения ПНР В. Яросиньским.

Польские делегации, как и советские, по своему составу были разно-

образны. Так, вместе с В. Ярославским приезжали вице-министр культуры и искусства Л. Мотыка, профессор высшей сельскохозяйственной школы во Вроцлаве В. Свентковский, ректор высшей педагогической школы в Варшаве С. Калуский, член секретариата ГП ОПСД П. Крейер, вице-председатель СКВ К. Ялтошек, бригадир текстильной фабрики в Лодзи С. Михальский, писатель К. Козневский, передовик труда текстильной фабрики в Гожове М. Фиолна и др. [15, 3, д. 304, л. 177].

Члены польских делегаций бывали в различных совхозах и колхозах, на фабриках и заводах, в музеях и на выставках, в библиотеках и научных учреждениях, в домах культуры и театрах. Устраивались многочисленные встречи с советскими учеными, общественными деятелями, передовиками производства. Все это давало возможность польским товарищам непосредственно познакомиться с жизнью страны, с передовой техникой, промышленностью, сельским хозяйством, культурой, увидеть, как советские люди трудятся и отдыхают. Самое сильное впечатление, как неоднократно отмечалось в журнале «Пшиазнь», на польских гостей производил советский человек с его высоким уровнем общественного сознания, интересом к культурной жизни страны, стремлением к расширению профессиональных и общих знаний, к сближению с народами всего мира [34, 35, 40].

Возвращаясь на родину, члены делегаций рассказывали своим товарищам о поездках по Советскому Союзу. Издавались специальные брошюры, содержавшие их отчеты. Своими впечатлениями они делились также на страницах журнала «Пшиазнь».

ОПСД придавало большое значение популяризации и распространению советской периодической печати и общественно-политической литературы, так как она знакомила польского читателя с жизнью и достижениями советского народа, воспитывала в нем сознание важности польско-советской дружбы, играя тем самым серьезную роль в идейно-просветительной деятельности Общества. Соответствующую литературу регулярно направлял в его адрес ВОКС. Так, еще в 1947 г. было отправлено 17 ящиков с произведениями классиков марксизма-ленинизма, русской и советской художественной литературой, учебниками и т. д. [41, док. 159]. В апреле 1950 г. ВОКС отправил 307 [3, д. 266, л. 60], в 1951 г. — 200 названий книг [3, д. 267, л. 51, 71; д. 282, л. 244]. Только в течение I квартала 1954 г. ГП ОПСД получило от ВОКС и его республиканских отделений, прежде всего Украинского и Белорусского, 586 экземпляров книг и брошюр, из них 198 — на украинском, 181 — на белорусском, 107 — на русском языках [3, д. 296, л. 173]. Как указывалось в письме ГП ОПСД от 16 августа 1950 г., в котором оно благодарило ВОКС за эту помощь, присылаемая в большом количестве общественно-политическая и художественная литература направлялась в Центральную библиотеку ОПСД, библиотеки воеводских отделений Общества, а также в политико-просветительные, культурные и научные организации Народной Польши — в Публичную библиотеку в Варшаве, библиотеки Варшавского, Лодзинского и Ягеллонского университетов, редакциям газет «Весь», «Глос наuczycielski», «Одродзене» и т. п. [3, д. 268, л. 162; д. 265, л. 60; д. 287, л. 171—172].

Широкую пропаганду советской литературы предусматривали программы Месячников. При этом использовались самые разнообразные формы и методы: организовывались книжные ярмарки и лотереи, киоски, выставки, выпускались стенные газеты и плакаты, широко проводилась популяризация советской общественно-политической литературы через библиотеки; в том числе и передвижные. В декабре 1950 г. ОПСД имело в городах 1029 библиотек с количеством книг 194 603 [42].

Большим фондом советских и польских периодических изданий обладала читальня Центрального клуба ОПСД, предоставляя возможность многочисленным читателям пользоваться энциклопедиями, словарями, произведениями классиков марксизма-ленинизма. Она получала по одному экземпляру каждой статьи, присылаемой ВОКС. Осенью 1951 г. при Центральном клубе ОПСД была открыта также консультация, укомплектованная богатым пропагандистским материалом (около 50 тыс. брошюр, фотографий, грампластинок, диапозитивов и т. п.) [2, 5/53, т. I].

В период Месячника 1952 г. библиотеки Гданьского политехнического института, политехнических факультетов Горно-металлургической академии, Лодзинского университета, Высшей экономической школы в Кракове организовали такие выставки, как «Советская книга», «Новейшие советские издания», «Советская книга в борьбе за социализм» [2, 5/81]. В 1953 г. в период Месячника в Варшаве были устроены тематические экспозиции книги и прессы, посвященные 35-й годовщине рождения Комсомола, стройкам коммунизма, Войску Польскому и образованию в СССР 1-й дивизии им. Т. Костюшко [3, д. 296, л. 5—6]. Тогда же в Люблине в Университете Марии Склодовской-Кюри экспонировалась выставка «Советская книга и пресса в борьбе за мир и социализм» [2, 4/118, т. II].

Следует отметить такой метод, как распространение книг посредством книгоношей (в деревне) и троек (в городе). Они создавались главным образом из студенческой и рабочей молодежи [2, 5/76; 5/17; 4/105; 3, д. 102].

Издательство «РУХ» при большой помощи ОПСД и других общественных организаций проводило широкую кампанию по подписке на советские периодические издания. Так, общее количество подписчиков советских газет и журналов в период Месячника 1950 г. возросло на 186 тыс. человек, газеты «Вольность» — на 77 тыс., журнала «Пшиязнь» — на 68 тыс. [2, 5/53, т. I]. В период Месячника 1952 г. в Лодзинском воеводстве число подписчиков советской прессы достигло 11 тыс., на газету «Вольность» и журнал «Пшиязнь» возросло соответственно на 23,8 и 22,3% [2, 5/17]. Все это свидетельствовало о широком масштабе популяризации и распространения советских книг и периодических изданий, о большом интересе к ним польских трудящихся.

ОПСД со своей стороны передавало ВОКС польскую общественно-политическую литературу и периодику. Так, ВОКС регулярно получал газеты «Трибуна люду», «Воля люду», «Вольность», «Одрозене», «Кужница» и др. [3, д. 266, л. 129]. В 1950 г. были переданы брошюры, написанные польскими крестьянами, посетившими СССР в 1949 г., комплекты книг (57 названий) по истории, а также общественно-политического содержания [3, д. 270, л. 83; д. 275, л. 35].

Через ВОКС Общество польско-советской дружбы посылало польские книги и для других советских организаций. Так, в феврале 1951 г. ОПСД направило ВОКС для передачи Киевскому государственному институту им. Шевченко литературу о 6-летнем плане в Польше, по истории крестьянского движения, устав Союза крестьянской взаимопомощи, статистический ежегодник (1949) и др. [3, д. 279, л. 8], в мае 1955 г. — для передачи Институту истории религии и атеизма АН СССР материалы об участии прогрессивного польского духовенства в борьбе с оккупантами, а также 20 брошюр об участии католического духовенства в строительстве новой Польши [2, 33/9].

Взаимный обмен общественно-политической литературой и периодической способствовал проведению политико-просветительной работы ОПСД и ВОКС.

Углублению польско-советской дружбы способствовала организация в Польше курсов массового обучения русскому языку (к началу 1950 г.

работало уже около 5 тыс. курсов, которые посещало свыше 100 тыс. слушателей). В целях правильной организации этой работы в декабре 1949 г. при ГП ОПСД был создан Центральный методический комитет, в который вошли также представители профсоюзов, Союза крестьянской взаимопомощи, Союза польских учителей, Союза польской молодежи, Польского радио, Министерства просвещения. Задачами комитета были: разработка методики обучения, составление учебной программы, разработка учебника и словаря, необходимые для самостоятельного чтения советской прессы, создание по всей стране около 10 тыс. курсов массового обучения взрослых русскому языку. В программе указывалось: «...Русский язык не только близок нам, но и необходим. При создании нового, справедливого общественного строя благодаря знанию русского языка мы скорее и лучше используем богатые достижения наших советских друзей. Всеобщее распространение русского языка углубит польско-советскую дружбу» [4, док. 18]. Большим подспорьем в деле изучения русского языка в Польше были специальные передачи Польского радио (трансляция уроков, отрывков из произведений русской и советской литературы и т. д.).

В планах проведения Месячников углубления польско-советской дружбы предусматривались мероприятия по организации курсов русского языка и вовлечению в них наибольшего количества польских граждан. Так, в период Месячника 1950 г. в Белостокском воеводстве было организовано 112 курсов русского языка, в Варшавском — 68, в Жешовском — 48 (в том числе 9 в громадах), в Кошалинском — 29, в Келецком — 30 и т. д. [2, 5/53, т. I; 4/114]. В ходе Месячника 1951 г. всего по стране было вновь организовано 3524 курса [4, док. 102], 1952 г. — 2580 [2, 5/81], 1953 г. — более 4000 [4, док. 195], 1955 г. — 3277 с 49187 слушателями [2, 4/121].

Большая роль в проведении политико-просветительной работы принадлежала журналу «Пшиязнь». Являясь органом ГП ОПСД, он издавался с 1946 г. как ежемесячник, а с 1 января 1949 г. — как еженедельник. В 1948 г. ежемесячно он имел 16 тыс. подписчиков, а к концу 1954 г. — 360 тыс. [3, д. 254, л. 10; д. 296, л. 65]. На его страницах помещались материалы об успехах советского народа в строительстве коммунизма, о помощи, оказываемой Советским Союзом Польше, о связях между общественными организациями этих стран. Большое внимание уделялось освещению деятельности Общества польско-советской дружбы. Печатались сообщения о работе съездов и конференций ОПСД, программные выступления руководителей Общества, информация о деятельности кружков ОПСД на местах, широко освещалась подготовка и проведение ежегодных Месячников углубления польско-советской дружбы. Журнал писал также о курсах русского языка в Польше. В нем была специальная рубрика «Мы читаем по-русски». Интересной формой приобщения к русскому языку и русской и советской литературе были читательские конкурсы [4, док. 110]. Редакция опиралась на сеть корреспондентов в низовых организациях ОПСД. На первом всепольском совещании корреспондентов «Пшиязни», проходившем в апреле 1953 г., отмечалось, что 600 человек, сотрудничавших с журналом, давали возможность редакции поддерживать связь с кружками ОПСД на местах и популяризировать их достижения и формы работы. При этом подчеркивалась необходимость увеличения количества корреспонденций с ведущих объектов народного хозяйства, где вопрос использования передовых советских методов производства являлся вопросом борьбы за 6-летний план. Перед корреспондентом «Пшиязни» ставилась цель — быть не только регистратором фактов, но и выступать инициатором и организатором важных начинаний [43, 44].

В обеспечении «Пшиязни» материалами оказывал помощь ВОКС, который в планах своей работы предусматривал соответствующие мероприятия в этом направлении [3, д. 254, л. 15]. Систематически Общественно-польско-советской дружбы отправляло в ВОКС тематический список материалов, необходимых журналу. В него включались такие темы, как «Героическая оборона Ленинграда и Ленинград сегодня», «Хозяйственная помощь странам народной демократии», «К 30-летию ГОЭЛРО — развитие электрификации в СССР» и др. [3, д. 275, л. 56]. Представляли интерес краткие репортажи о жизни и труде советских людей, о деятельности женских, молодежных и других общественных организаций, фотоматериалы на различные темы [3, д. 275, л. 55; д. 301, л. 52—53]. В связи с подготовкой специального номера в период «Дней белорусской культуры» в ходе Месячника 1955 г. в ВОКС обратился главный редактор «Пшиязни» А. Новицкий с просьбой прислать ряд конкретных материалов о Белоруссии: фоторепортаж с Минского тракторного завода, «Как создается МАЗ-235», репортажи с завода телевизоров, о жизни колхозников и небольшого городка в Западной Белоруссии, о культуре Советской Белоруссии [3, д. 304, л. 150].

Учитывая запросы редакции, ВОКС направлял для журнала довольно значительный материал. Например, в 1950 г. неоднократно посылались статьи и иллюстрации к ним, а также различные фотоподборки [3, д. 266, л. 8, 100, 166]. Так, были получены статьи, частично использованные также и в культурно-просветительной работе ОПСД: «Стахановки М. Рожнева и Л. Кононенко — инициаторы соревнования за экономию сырья», «Сельская электрификация на Украине», «Бюджет семьи Заикиных», «Детский сад завода „Арсенал“», материалы о второй Всесоюзной конференции сторонников мира [3, д. 253, л. 16; д. 268, л. 105, 140]. В 1952 г. были направлены статьи и фотографии о XIX съезде КПСС, в 1955 г. — фотоматериалы: к 100-летию со дня рождения И. В. Мичурина, механизация сельского хозяйства Советского Союза, на целинных землях Казахстана, фотографии о фестивале польских фильмов, состоявшемся 3—9 октября 1955 г. в Москве, материалы о некоторых торжественных вечерах, собраниях и выставках, организованных в Советском Союзе в связи с 100-летней годовщиной со дня смерти А. Мицкевича и т. п. [3, д. 307, л. 38; д. 306, л. 49; д. 308, л. 8, 64].

Укреплению связей ВОКС и редакции «Пшиязнь» способствовали и личные контакты. В этом отношении показателен приезд в Советский Союз в апреле 1955 г. группы работников редакции для ознакомления с работой советских журналов и обмена опытом в вопросах их полиграфического оформления [3, д. 305, л. 75—77].

Печатный орган ОПСД пользовался большой популярностью у читателей. Отвечая на проводимую журналом анкету «Что ты получаешь от чтения „Пшиязни“?», один из читателей написал: «Чем больше я читаю „Пшиязнь“, тем больше я знакомлюсь с Советским Союзом, страной социализма, тем большим другом его я становлюсь... Я осознал, что дела советских людей могут научить нас работать, любить нашу страну и выполнять свой долг в отношении ее».

Принимая меры к повышению уровня издания журнала, редакция подчеркивала значение советских источников, высоко оценивала помощь ВОКС, который со своей стороны принимал меры к совершенствованию работы в этом направлении [3, д. 301, л. 53].

Таким образом, связи и сотрудничество ВОКС и ОПСД, осуществляемые в различных формах, способствовали выполнению задач, стоявших перед этими обществами в области политико-просветительной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майорова О. Н. Сотрудничество ВОКС и ОПСД в области пропаганды советского производственного и научного опыта в Народной Польше. Советское славяноведение, 1980, № 5.
2. Archiwum ZG TPPR.
3. ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 17.
4. Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. X. М., 1980, 552 с.
5. Akademia w Warszawie. — Trybuna Ludu, 1955, 21 IV.
6. Десятилетие Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Народной Республикой. — Правда, 1955, 21 апр.
7. W oparciu o przyjaźń ZSRR budujemy lepszą przyszłość. Uroczysty wieczór w Warszawie z okazji inauguracji Miesiąca Pogłębienia Przyjaźni Polsko-Radzieckiej oraz w 10-lecie TPPR. — Trybuna Ludu, 1954, 14 IX.
8. Lewandowski St. Z doświadczeń Miesiąca. — Przyjaźń, 1953, № 6, s. 3.
9. Orłowska E. Doświadczenia i zadania. — Przyjaźń, 1953, № 48.
10. Трудящиеся Москвы отмечают праздник польского народа. — Правда, 1954, 21 июля.
11. Торжественный вечер, посвященный десятилетию возрождения Польши. Правда, 1954, 22 июля.
12. Крепнет дружба советского и польского народов. — Правда, 1954, 20 июля.
13. Выставка, посвященная десятилетию Польской Народной Республики. — Советская Белоруссия, 1954, 20 июля.
14. Братская дружба между народами Советского Союза и Польши. — Правда, 1955, 21 апр.
15. Вечер польско-советской дружбы. — Советская Белоруссия, 1955, 2 окт.
16. Открытие выставки «10 лет народной Польши». — Советская Белоруссия, 1955, 12 окт.
17. Matuszewski S. Rola TPPR w umocnieniu przyjaźni polsko-radzieckiej. — Trybuna Ludu, 1954, 27 IX.
18. Wystawa objazdowa TPPR obrazująca bohaterską walkę Armii Radzieckiej. — Trybuna Ludu, 1950, 22 II.
19. Wystawa ku czci Feliksa Dzierżyńskiego. — Trybuna Ludu, 1951, 19 VII.
20. Месячник польско-советской дружбы. — Правда, 1951, 15 окт.
21. Społeczeństwo polskie manifestuje na cześć przyjaźni polsko-radzieckiej. — Trybuna Ludu, 1951, 15 X.
22. Basiński E. Polska — ZSRR. Kronika faktów i wydarzeń. 1944—1971. Warszawa, 1973, s. 158, 159.
23. Выставка о хозяйственном и культурном строительстве в Польше. — Известия, 1951, 21 апр.
24. Польская выставка в Москве. — Славяне, 1951, № 5, с. 63.
25. Smirnowa O. The exhibition of new Poland. — Biuletyn WOKS, 1951, № 68, p. 92—95.
26. ЦГАОР УССР, ф. 5110, оп. 1, д. 295, л. 14.
27. Выставка об успехах народной Польши. — Известия, 1955, 23 июля.
28. Gundorow A. Pozdrowienie przyjaciołom w Polsce. — Przyjaźń, 1950, № 51, s. 3.
29. Wizyta przyjaźni. — Przyjaźń, 1951, № 45, s. 3.
30. Matuszewski S. Miesiąc przyjaźni i braterstwa. — Przyjaźń, 1951, № 49, s. 3.
31. Месячники дружбы с Советским Союзом. — Правда, 1952, 10 ноября.
32. Towarzysz Bierut przyjął delegację WOKS. — Trybuna Ludu, 1954, 1 VIII.
33. Bogaty plon Miesiąca Przyjaźni Polsko-Radzieckiej. — Trybuna Ludu, 1954, 16 X.
34. Widzieliśmy w Moskwie socjalizm. — Przyjaźń, 1950, № 8, s. 4.
35. Breza T. Moskwa — Rostów nad Donem — Leningrad. — Przyjaźń, 1951, № 41, s. 10.
36. Прибытие в Москву делегации Общества польско-советской дружбы. — Правда, 1952, 5 дек.
37. Doświadczenia jednego Miesiąca. Rozmowa z Wacławem Barcikowskim, Zastępcą Przewodniczącego Rady Państwa, kierownikiem delegacji TPPR do Związku Radzieckiego. — Przyjaźń, 1954, № 44, s. 3.
38. Крепнет советско-польская дружба. — Славяне, 1954, № 11, с. 61.
39. Хроника. — Славяне, 1954, № 11, с. 62.
40. Trzy tygodnie w Związku Radzieckim. Rozmowa z ministrem Szkół Wyższych i Nauki Adamem Rapackim. — Przyjaźń, 1951, № 41, s. 5.
41. Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. IX, М., 1976, 520 с.
42. Kowalski Wł. — Trybuna Ludu, 1950, 6 XII.
43. Po zjazdach korespondentów «Przyjaźni» w Gdańsku i Opolu. — Przyjaźń, 1951,
44. Korespondent — to przede wszystkim aktywista. — Przyjaźń, 1953, № 14, 22.

Г. М. СЛАВИН

НАРОДНЫЙ ФРОНТ ЮГОСЛАВИИ В БОРЬБЕ ЗА УКРЕПЛЕНИЕ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

В 1941—1945 гг. Коммунистическая партия Югославии выступила как организатор и руководитель Единого народно-освободительного фронта (ЕНОФ), который внес большой вклад в дело освобождения страны от фашистских поработителей. Главным требованием, предъявлявшимся к каждому члену ЕНОФ, к каждой присоединившейся к нему политической группе было: всемерно и активно содействовать победе над общим врагом. Однако лидеры довоенных буржуазных политических партий и групп, выдававшие себя за поборников демократии, на деле оказались такими же противниками вооруженной борьбы, такими же пособниками оккупантов, как и незамаскированные коллаборационисты. Поэтому попытки КПЮ, взявшей с первых дней оккупации курс на создание единого антифашистского фронта, договориться с упомянутыми лидерами о совместных действиях не имели успеха. Поэтому Единый народно-освободительный фронт в Югославии был создан не «сверху», а «снизу», путем объединения трудящихся города и деревни, всех подлинных патриотов и антифашистов под руководством рабочего класса во главе с Коммунистической партией.

«Народный фронт, — отмечал в 1947 г. один из руководителей КПЮ Э. Кардель, — стал огромной единой боевой организацией народа, не действовавшей и не действующей на основе коалиции или на основе паритетных комитетов, а действующей на основе единых низовых массовых организаций фронта. Такое развитие Народного фронта, как отдельной, но единой массовой организации всех подлинно народных, демократических, патриотических сил нашей страны под руководством рабочего класса сыграло решающую роль в мобилизации масс на освободительную войну против оккупантов и прислуживавшей им внутренней предательской реакции» [1].

За 35 лет, минувшие после провозглашения Югославии Федеративной Народной Республикой, ее историки — и не только историки — написали тысячи монографий и статей об освободительной войне и революции. Естественно, во многих из них говорится о ЕНОФ и значении его деятельности. Но работ, посвященных собственно истории образования и развития ЕНОФ пока еще очень немного. Из монографий можно назвать только труд д-ра Д. Живковича [2]. Автор начинает с 1935 г., с поворота в политике Коминтерна и попыток создания Народного фронта в 1935—1939 гг. во Франции, Испании, Чили, в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Но основное внимание он сосредоточивает на событиях в Югосла-

вии, на борьбе КПЮ за создание и укрепление Единого народно-освободительного фронта в 1941—1945 гг. Этой монографии предшествовала другая работа Д. Живковича [3], в которой он также касается деятельности Народного фронта, связанной с революционными переменами в Югославии после вооруженного восстания в 1941 г.

Для освещения истории ЕНОФ большое значение имеют работы профессора Белградского университета Б. Петрановича, исследовавшего по-существу первым из югославских историков наиболее важные стороны деятельности ЕНОФ в завершающий период освобождения Югославии и первый период строительства нового, социалистического государства. Имеются в виду его монографии, в которых дан анализ политического положения в стране весной, летом и осенью 1945 г., когда у власти находилось Временное правительство Демократической Федеративной Югославии [4], а также после провозглашения ФНРЮ, в первый период восстановления [5]. Интересные факты о деятельности ЕНОФ можно почерпнуть также из работы Б. Петрановича об Антифашистском вече народного освобождения Югославии, вышедшей в 1976 г. [6].

В 1966 г. Институт истории рабочего движения в Белграде провел симпозиум, в результате которого был издан сборник статей [7]. Статьи П. Морачи, М. Апостольского, Г. Ладжевича, М. Соболевского в этом сборнике дают представление о роли КПЮ как организатора и руководителя борьбы народных масс за национальное и социальное освобождение, о деятельности Народного фронта на всей территории Югославии, а также в таких ее землях, как Сербия, Хорватия, Македония. Югославские историки опубликовали несколько работ, в которых идет речь и о ЕНОФ, также и в советской печати [8—10].

Само собой разумеется, что ни один исследователь, изучающий вопросы истории Народного фронта в Югославии, не может обойтись без речей и статей руководителей Коммунистической партии и югославского государства И. Броз Тито, Э. Карделя, Б. Кидрича и других. Особого внимания в этом смысле требуют сборники [11, 12] и изданные в 1956 г. в Любляне сочинения Б. Кидрича [13].

Один из видных деятелей КПЮ и руководителей Социалистического союза трудового народа Югославии (в который был преобразован ЕНОФ в 1953 г.) Д. Петрович-Шане выступил как публицист, написав книгу [14], в которой прослеживает боевой путь, пройденный Народным фронтом. Необходимый материал, характеризующий борьбу ЕНОФ за укрепление народно-демократического государства, содержится в изданиях [15—17].

1944—1945 гг. — период, когда завершилось освобождение Югославии и шла борьба за окончательную ликвидацию монархии и утверждение нового строя, еще недостаточно освещен и советской югославистикой. Как отмечали академик А. Л. Нарочницкий и проф. Ю. А. Писарев [18], предметом исследования советских историков была расстановка классовых сил в Югославии в указанный период, борьба КПЮ с опиравшейся на империалистическую поддержку буржуазной оппозицией, программы политических союзов и Народного фронта, стратегия и тактика КПЮ. Здесь можно назвать ряд работ Л. Я. Гибианского, прежде всего его исследование [19, с. 307—389]. Эта проблематика нашла также отражение в работах [20—23] и других.

Но история образования и развития Единого народно-освободительного фронта в Югославии только недавно стала разрабатываться советскими учеными. Предыстория ЕНОФ (1935—1939) изложена в обстоятельной статье М. М. Сумароковой [24], а также в ее монографии [25]. Сотрудниками Института славяноведения и балканистики АН СССР подготовлена

коллективная монография «Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». Надлежащее место в ней заняла и история ЕНОФ. Раздел из этой, пока неопубликованной, монографии предлагается вниманию читателя.

Югославия вышла из войны как свободное народно-демократическое государство. Хотя до ноября 1945 г. она еще формально считалась монархией, но фактически новый строй уже одержал победу. В ходе освободительной борьбы против фашизма и реакции возникли по инициативе Коммунистической партии Югославии народно-освободительные комитеты (НОК), которые превратились в представительные органы государственной власти. Новая, народная власть, опиралась на союз рабочего класса и трудового крестьянства, ей оказывали поддержку значительная часть городской и сельской мелкой буржуазии, прогрессивная интеллигенция. По своему характеру новое государство являлось своеобразной формой диктатуры пролетариата.

Коммунистическая партия Югославии, длительное время действовавшая в условиях подполья, в годы освободительной войны завоевала огромный авторитет и стала правящей партией, ни с кем не делившей власть. КПЮ возглавляла Единый народно-освободительный фронт, в рядах которого постепенно объединились миллионы патриотически, антифашистски, революционно настроенных трудящихся. Большинство их являлось членами таких массовых организаций, как Единый союз рабочих и служащих Югославии (ЕСРСЮ), Объединенный союз антифашистской молодежи (ОСАМЮ), Антифашистский фронт женщин (АФЖ).

В период войны ЕНОФ под руководством КПЮ внес большой вклад в дело освобождения страны от оккупантов и установления народной власти. После победы, в условиях мира, КПЮ нацеливала Народный фронт на решение новых задач. Главными из них были: активное участие в строительстве и укреплении нового, народно-демократического государства, в восстановлении, коренном преобразовании и развитии его экономики на основе единого народно-хозяйственного плана.

К моменту освобождения страны ЕНОФ, как общенародная политическая организация, уже располагала опорными пунктами и руководящими центрами по всей стране, начиная от деревень и поселков до краевых комитетов в Сербии, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговине, Черногории, Македонии, а также Воеводине и Косове. Комитеты ЕНОФ тесно сотрудничали с НОК, осуществлявшими на местах государственную власть, оказывая им всестороннюю помощь и содействие. Центральную власть представляло Временное (до намеченных на осень 1945 г. выборов в Учредительную скупщину) правительство Демократической Федеративной Югославии (ДФЮ), в котором большинство министерских постов занимали члены КПЮ и сторонники НОФ.

КПЮ и правительство ДФЮ, решая неотложную задачу создания нового государственного аппарата, который обеспечил бы закрепление революционных завоеваний трудящихся и действовал в их интересах, кадры для этого аппарата черпали из НОК, приобретших за годы войны значительный политический опыт и состоявших в большинстве из людей, выдвинутых организациями ЕНОФ.

Осуществление мероприятий народной власти по восстановлению экономической жизни также было начато успешно благодаря активному участию членов Народного фронта. В то время как КПЮ с помощью ЕНОФ мобилизовала трудящихся на решение многочисленных социальных, экономических, культурных и других проблем, реакционные силы внутри Югославии пытались использовать послевоенные трудности для

того, чтобы вызвать недовольство масс, расколоть ЕНОФ, воспрепятствовать окончательной ликвидации монархии и коренным социальным преобразованиям. Хотя поражение югославской крупной буржуазии в ходе народно-освободительной войны и революции являлось очевидным — она утратила и политические, и экономические командные позиции, — однако контрреволюция еще далеко не капитулировала. Более того, господствовавшая до войны буржуазия усилила враждебную народной власти деятельность. Целью внутренней реакции было добиться восстановления режима старого типа, слегка либерализованного в духе «западной демократии». Контрреволюционные силы рассчитывали при этом на поддержку международного империализма, в первую очередь правящих кругов США и Англии.

Свои расчеты враги нового строя связывали с возможностями легальной политической деятельности, которые в соответствии с ноябрьским (1944) соглашением Тито — Шубачич, дополненным соглашением от 7 декабря 1944 г., открылись перед остатками старых буржуазных партий и групп при условии, если они не сотрудничали с оккупантами. Многие из этих партий и групп возобновили свою деятельность на заключительном этапе освободительной войны и в первые месяцы после победы: одни в рамках Единого народно-освободительного фронта, другие — вне его.

В Сербии к ЕНОФ присоединились югославская Республиканская партия (ЮРП), Союз земледельцев (СЗ), Независимая демократическая партия (НДП) и некоторые другие. ЮРП, до войны представлявшая немногочисленные круги либеральной интеллигенции, активно поддерживала программные положения Единого народно-освободительного фронта. Союз земледельцев вступил в ряды ЕНОФ после того, как на партийной конференции осудил прежнее реакционное руководство во главе с М. Гавриловичем, активно поддерживавшее четников — пособников оккупантов. СЗ охватывал некоторую часть среднего крестьянства Сербии. Один из членов нового руководства Союза Васо Чубрилович (впоследствии известный историк, академик) получил в правительстве ДФЮ пост министра сельского хозяйства.

НДП во Фронте представляла ту небольшую часть антифашистски настроенной сербской буржуазии, которая присоединилась к народно-освободительному движению. Партия распространяла свое влияние и на некоторые слои сербского населения Хорватии, Боснии и Герцеговины. Генеральный секретарь НДП С. Косанович порвал с эмигрантским правительством и, возвратившись на родину, вошел в правительство ДФЮ. Кроме него министерские посты в этом правительстве получили еще два лидера НДП — С. Вукосавлевич и Р. Прибичевич. В то время как большинство партийного руководства стояло за вхождение во Фронт, группа деятелей НДП во главе с Д. Бошковичем выступила против участия представителей партии в правительстве и осудила ее присоединение к ЕНОФ [4, s. 176—177].

Повысила свою активность и Народно-крестьянская партия (НКП), возглавляемая Д. Йовановичем, который еще в 1941 г. высказался за сотрудничество с КПЮ в рядах Народного фронта, но по сути дела ничего не предпринял для участия сторонников партии в народно-освободительном движении. Лишь после освобождения Белграда, только в конце 1944 г., восстановленная НКП вошла в ЕНОФ. Теперь, ориентируясь на зажиточные слои деревни, Д. Йованович стремился добиться поддержки более широких крестьянских масс.

О приеме во Фронт ходатайствовало и руководство Югославской национальной партии (ЮНП), но его просьба была отклонена, так как большинство активных деятелей партии замятало себя сотрудничеством с ок-

купантами и четниками. В то же время члены ЮНП, показавшие себя как патриоты и антифашисты, могли беспрепятственно вступать в организацию ЕНОФ.

В Хорватии восстановление деятельности Хорватской крестьянской партии началось на завершающем этапе войны, после того, как часть руководства ХКП решительно порвала с ее лидером, коллаборационистом В. Мачеком и включилась в народно-освободительное движение. Исполнительный комитет возрождавшейся на новых, демократических, основах партии, решил в 1945 г., что она должна, как это было в начале 20-х годов, именоваться Хорватской республиканской крестьянской партией, ибо «хорватский крестьянский народ никогда не отрекался от республиканских взглядов» [4, с. 176—177]. Партию в правительстве ДФЮ представляли министр юстиции Ф. Фрол и министр здравоохранения З. Сремец.

Программные установки новой ХРКП привлекли часть трудового крестьянства, ремесленников и мелких торговцев, а также интеллигентов, осуждавших политику Мачека. Руководство ХРКП признало руководящую роль КПЮ в народно-освободительном движении, выразило согласие с федеральным принципом государственного устройства Югославии. Оно полностью одобрило политику Фронта, присоединилось к нему и ориентировало свои местные организации в Хорватии, а также Боснии и Герцеговине на активное сотрудничество с его организациями.

Итак, вышеназванные буржуазные и мелкобуржуазные партии включились в ЕНОФ, а их руководители заявили о намерении действовать в его рамках. Только две партии, принадлежавшие в довоенной Югославии к правящим — Демократическая (ДП) и Радикальная (РП), также возобновившие свою деятельность после войны, открыто заявили о своем желании присоединиться к ЕНОФ. В этом не было ничего удивительного. Политика Народно-освободительного фронта была неприемлемой для лидера ДП М. Грола, в прошлом занимавшего министерские посты в нескольких югославских правительствах, в том числе эмигрантском, и М. Трифуновича, бывшего одно время премьером этого антинародного правительства и теперь возглавившего РП. Вокруг Грола и Трифуновича группировались реакционные элементы из старых ДП и РП. Именно поэтому на руководство этих партий, прежде всего на М. Грола, введенного после соглашения Тито — Шубашич в правительство ДФЮ в качестве заместителя премьера, делали ставку правящие круги Англии и США как на человека, который мог бы подобно С. Миколайчику в народной Польше, объединить контрреволюционные силы в Югославии.

Что касается двух других ставленников международной реакции в правительстве ДФЮ — министра иностранных дел И. Шубашича и министра без портфеля Ю. Шутея, то они на первых порах не демонстрировали своего отрицательного отношения к ЕНОФ, а Шубашич даже высказывался в пользу сохранения «духа единства», созданного в годы освободительной войны [16, с. 280] и в первые послевоенные месяцы в какой-то степени сотрудничал с Фронтом.

Следует указать, что буржуазные и мелкобуржуазные партии, и вошедшие в ЕНОФ, и отвергавшие сотрудничество с ним (ДП и РП) могли (за исключением ХРКП) лишь формально называться партиями (чтобы получить разрешение на возобновление деятельности, достаточно было представить министерству внутренних дел ДФЮ временные программу и устав партии). В действительности же это были более или менее крупные группировки довоенных сторонников этих партий, а также некоторых буржуазных политиков, желавших с помощью партий влиться в Народно-освободительный фронт, приобрести влияние в массах и попасть на госу-

дарственные посты. Часть из них действительно одобряла политику ЕНОФ и поддерживала курс на революционные преобразования, а другая часть, наоборот, ставила целью, находясь в рядах НОФ, воспрепятствовать этим преобразованиям. Имелась также прослойка колеблющихся элементов.

Ни одна из этих партий, — отмечает югославский исследователь Б. Петранович, — не располагала ни значительным числом членов, ни широкой сетью партийных организаций [4, s. 178].

Наряду с возобновлением деятельности некоторых буржуазных партий завершился и их окончательный раскол — в зависимости от позиции их бывших членов в отношении ЕНОФ. Так, в то время как ДР Грола и РП Трифуновича враждебно относились к Фронту, часть бывших сербских демократов и радикалов также оформилась в партии — Демократическую и Радикальную, — включились в ЕНОФ и осудили враждебную Фронту линию Грола и Трифуновича. Вошедшую во Фронт ДП возглавил священник В. Зечевич, приобретший большую популярность в годы войны как пропагандист антифашистского единства народов Югославии. Зечевич был министром внутренних дел ДФЮ. Руководителем новой РП стал Б. Димович.

Таким образом, в течение первой половины 1945 г. ряды Народно-освободительного фронта пополнились в результате присоединения к нему нескольких мелкобуржуазных и буржуазных партий, вернее группировок. Но это не могло привести и не привело к существенным переменам ни в политике ЕНОФ, ни в его структуре. Дело в том, что значительное число членов этих партий участвовали в народно-освободительном движении и уже являлись сторонниками Фронта независимо от своей партийной принадлежности в прошлом. Изменилось и политическое лицо руководства этих партий — в ходе войны реакционные лидеры скомпрометировали себя, партийный курс теперь определяли люди, показавшие на деле свой демократизм.

Не превратился Фронт и в верхушечную партийную коалицию — его органы по-прежнему формировались не на паритетной основе, а независимо от партийной принадлежности, хотя некоторые, несущественные коалиционные черты появились — имеется в виду стремление к возможно более широкому представительству партий и организаций, входивших в ЕНОФ, в его высших органах [4, s. 179].

Расширение рамок ЕНОФ и превращение его в многопартийную политическую организацию не означало умаления руководящей роли КПЮ, хотя, несомненно, это входило в планы ряда буржуазных политиков, в частности Д. Йовановича. Во-первых, слишком велик был авторитет КПЮ, которая привела народные массы к победе над иностранными поработителями и завоеванию власти; во-вторых, соотношение классовых сил в стране коренным образом изменилось в пользу сторонников революционного переустройства общества, народные массы поддерживали выдвинутую КПЮ программу глубоких социально-экономических и политических преобразований, в то время как контрреволюционные силы уже начали борьбу против нее; в-третьих, массовые организации, насчитывавшие уже в общей сложности миллионы членов: Объединенные профсоюзы, Союз молодежи, Фронт женщин — костяк ЕНОФ — безоговорочно признавали руководство КПЮ, а работу всех его организаций на местах, как правило, по-прежнему направляли коммунисты. К тому же КПЮ была единственной всеюгославской партией, имевшей свои ячейки и комитеты по всей стране, тогда как буржуазные партии действовали главным образом только в пределах той или иной национальной области (земли), хотя закон предоставлял им право деятельности на всей территории ДФЮ.

Руководящая роль КПЮ в Народно-освободительном фронте, как отмечал Д. Петрович-Шане, обеспечивалась проведением ее правильной линии в ЕНОФ. КПЮ постоянно боролась за то, чтобы и политическая платформа Народно-освободительного фронта, и его организация были настолько широки, чтобы они могли привлечь все действительные патриотические силы и служить, таким образом, политической основой народно-освободительного движения и новой, народной власти [14, с. 46—47].

С той же уверенностью в прочности своих позиций и в поддержке народных масс, с какой КПЮ одобрила соглашение Тито — Шубашич, партия теперь встречала некоторые его последствия. В присоединении к ЕНОФ мелкобуржуазных и буржуазных партий (группировок) КПЮ видела и положительные стороны. Напомним, что соглашение Тито — Шубашич было введено в действие по рекомендации Крымской конференции руководителей трех держав. Англия и США связывали с его осуществлением выполнение некоторых своих обязательств перед Югославией, в частности, экономических. Теперь претензии по поводу якобы запрета деятельности других партий, кроме КПЮ, становились беспредметными.

Что касается влияния на внутривнутриполитическое положение, то присоединение ряда некоммунистических партий к ЕНОФ препятствовало попыткам создать единый фронт контрреволюционных сил. Более того, многие члены некоммунистических партий искренно переходили на позиции Фронта. Тех же, кто был настроен против новых порядков, пребывание в рядах ЕНОФ политически на некоторое время нейтрализовало.

Положительная сторона подключения мелкобуржуазных и буржуазных партий (группировок) к Фронту заключалась и в том, что КПЮ получила возможность оказывать влияние на колеблющиеся элементы этих партий с целью приобрести их поддержку при проведении коренных социально-экономических преобразований [5, с. 93].

Определяя задачи, которые стояли перед КПЮ, как руководящей силой ЕНОФ, Э. Кардель, выступая в июле 1945 г. на Первой конференции Коммунистической партии Сербии, подчеркивал, что коммунисты во Фронте должны не только сотрудничать со всеми демократическими силами, но и делить с ними ответственность за все успехи и неудачи, а главное — продолжать бороться за массы, привлекать их на свою сторону. Одновременно, — указывал Э. Кардель, — необходимо постоянно искать способы мобилизации масс, разоблачать вражеские утверждения, вести и дискуссию и борьбу против реакционных партий и групп, их подрывной деятельности (Политика, 1980, 26 I).

К июлю 1945 г. реакционные партии и группы, противостоявшие Фронту, представляли собой довольно значительную контрреволюционную силу. Опорой так называемой оппозиции являлась Демократическая партия Грола, вокруг которой объединились все противники народно-демократического государства. К группировке Грола присоединились фракции и некоторые деятели Независимой демократической партии, Союза земледельцев, Радикальной партии, а также ряд сторонников других довоенных буржуазных партий. Кроме того, в партии Грола нашли также укрытие многие еще неразоблаченные коллаборационисты и четники. Если учесть, что в первые месяцы после окончания освободительной войны в стране еще продолжали разбойничать и терроризировать население около 800 банд, насчитывавших до 12 тыс. четников, усташей и прочих врагов новой Югославии [26], то станет ясно, что Грол располагал известными резервами внутри страны. Но в основном оппозиция рассчитывала на помощь и прямое вмешательство западных империалистических держав и стремилась создать для этого повод. Таким поводом должно было послужить выдвинутое против правительства маршала Тито обвинение в не-

выполнении условий соглашения с Шубашичем и рекомендаций Крымской конференции. Речь шла не об участии различных политических группировок в общественной жизни ДФЮ (этот вопрос уже был снят), а о содержащемся в Декларации правительства ДФЮ (март 1945 г.) обязательстве принять в кратчайший срок все меры для расширения Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) за счет включения в него членов последней югославской довоенной скупщины, не скомпрометировавших себя сотрудничеством с врагом, а также представителей прогрессивных политических демократических групп [27]. Расширенное таким образом Антифашистское вече должно было решить ряд важных политических и экономических вопросов и прежде всего рассмотреть и принять законы о порядке подготовки и проведения выборов в Учредительную скупщину, которой предстояло окончательно ликвидировать монархию и провозгласить Югославию федеративной республикой. Понятно, что КПЮ и ЕНОФ, с одной стороны, а с другой — представители буржуазных партий в правительстве ДФЮ, в первую очередь Грол, придавали первостепенное значение соотношению сил в расширенном АВНОЮ. Еще в феврале 1945 г. АВНОЮ было пополнено путем кооптации и делегирования ряда сторонников Фронта из Македонии, Сербии, Косова и Метохии, по объективным причинам не принявшим участия во Второй сессии Веча в ноябре 1943 г. Это пополнение существенно укрепило революционное, рабоче-крестьянское большинство в АВНОЮ.

С апреля 1945 г. начал действовать Специальный комитет по расширению АВНОЮ, однако в результате серьезных разногласий между его членами, среди которых находился и Грол, работа затянулась до середины июля 1945 г. Как раз в то время должна была состояться Потсдамская конференция руководителей СССР, США и Англии, и Грол решил использовать это обстоятельство, чтобы спровоцировать вмешательство США и Англии во внутренние дела Югославии под предлогом невыполнения ею рекомендаций Крымской конференции. Лидер ДП полагал, что под нажимом западных держав правительству маршала Тито придется согласиться на такое пополнение АВНОЮ, которое существенно повлияет на характер его основополагающих решений. В противном случае Грол, сговорившись с Шубашичем, Шутеем и некоторыми другими министрами, угрожал вызвать правительственный кризис, что осложнило бы в тот момент международное положение Югославии.

16 июля 1945 г., накануне открытия конференции в Потсдаме, Грол в качестве вице-преьера ДФЮ представил маршалу Тито меморандум, в котором заявил, что останется в правительстве только лишь при условии, если будет достигнуто соглашение по вопросам о расширении АВНОЮ, о принятии новой скупщиной законов о свободе печати, слова, благоприятных для оппозиции и др. Одновременно Грол поставил в известность о своем ультиматуме западные державы [28].

В свою очередь и Шубашич пытался, используя обстановку, вынудить руководство КПЮ и ЕНОФ пойти на превращение Фронта из единой всенародной политической организации, признающей руководство Коммунистической партии, в многопартийную коалицию.

Приглашенный принять участие в организации и проведении I съезда ЕНОФ, который должен был состояться в начале августа 1945 г., он потребовал реабилитации прежних руководителей Хорватской крестьянской партии, сбежавших вместе с усташскими фашистскими главарями в конце войны из Югославии. Получив, разумеется, отпор, Шубашич отказался принять участие в подготовке съезда ЕНОФ и поставил об этом в известность американское посольство в Югославии. Во второй половине июля западная печать стала муссировать слухи о предстоящей отставке Грола,

Шубашича и Шутея [19, с. 366—368], выступивших против «коммунистической диктатуры».

Как свидетельствуют документы Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.), Трумэн и Черчилль, а также сменивший последнего Эттли, ссылаясь на якобы нарушение правительством ДФЮ своих обязательств по расширению АВНОЮ и проведению выборов в Учредительную скупщину, стремились оказать сильный нажим на народно-демократическую Югославию [29]. Характеризуя несколько позднее, на V съезде КПЮ в 1948 г., этот нажим западных держав, Генеральный секретарь КПЮ И. Броз Тито говорил: «От нас требовали пойти на неприемлемые уступки в пользу класса буржуазии в Югославии: выдвигалось настойчивое требование о введении некоторых прав, присущих западной демократии, что, по существу, означало бы предоставление буржуазии возможности развязать гражданскую войну, вновь ввергнуть страну в хаотическое и бедственное положение. Это были попытки, создававшие угрозу завоеваниям освободительной борьбы...» [15, с. 106].

Тито отметил, что в период, когда западные державы осуществляли давление на новую Югославию, Советский Союз помог ей, оказав полную поддержку [31, с. 106]. В частности на Потсдамской конференции трех держав глава советской делегации И. В. Сталин заявил, что Югославия — союзная страна, в которой установлено законное правительство, и что решения Крымской конференции выполняются этим правительством «полностью и целиком» [29].

Советский Союз сорвал попытки спровоцировать империалистическое вмешательство во внутренние дела Югославии и применить против нее санкции. Убедившись в нереальности расчетов на эффективное противодействие США и Англии закреплению революционных завоеваний народов Югославии, Грол, Шубашич и Шутей решили повременить с демонстративной отставкой и продолжали политическую борьбу, оставаясь в правительстве. Будучи министрами, они сохраняли возможность добиваться включения возможно большего числа своих сторонников в АВНОЮ, вопрос о расширении которого окончательно решался в конце июля — начале августа 1945 г.

Несмотря на усилия буржуазной оппозиции, АВНОЮ было пополнено таким образом, что значительный перевес, которым располагали коммунисты и сторонники ЕНОФ, сохранился. Предательское поведение большинства членов довоенной скупщины в период оккупации лишило их возможности претендовать на кооптацию в АВНОЮ. Поэтому было рекомендовано всего 36 человек. При этом Совет министров предложил пополнить АВНОЮ и представителями ряда политических партий и группировок, а также видными общественными деятелями, из которых многие выступали с позиций единого фронта [17, с. 559—561]. Однако среди представителей буржуазных политических партий и группировок, ставших депутатами АВНОЮ, находилось немало и открытых и тайных приверженцев оппозиции.

5—7 августа 1945 г. в Белграде состоялся I съезд Народно-освободительного фронта Югославии, подготовка к которому развернулась задолго до его созыва. Оформившиеся еще на завершающем этапе освободительной войны краевые организации ЕНОФ вели большую агитационную работу среди населения, активно участвовали в восстановлении жизненно важных объектов, проводили различного рода политические мероприятия. В комитетах ЕНОФ ядро составляли коммунисты, комсомольцы, представители профсоюзов, передовой молодежи, женщин. Готовясь к съезду, организации Фронта на местах усилили борьбу за проведение в жизнь революционных социально-экономических преобразований, одновремен-

но давая отпор защитникам старого строя, их попыткам дискредитировать народную власть и новые демократические порядки [2, s. 411—412].

Главные комитеты ЕНОФ руководили деятельностью фронтовских организаций каждый в пределах своего края, но назрела необходимость в конституировании Фронта как общегюгославской организации, принятии программы и устава, избрании центрального руководства, обмене накопленным опытом и т. п. С этой целью и был созван I съезд ЕНОФ. Делегаты съезда избирались на сельских, районных, городских, фабричных и других конференциях организаций Фронта. В Сербии, например, в выборах приняли участие около миллиона человек. Было избрано 340 делегатов, в Хорватии — 310, Боснии и Герцеговине — 200, Словении — 150, Македонии — 100, Воеводине — 100, Черногории — 35, всего 1235 человек [4, s. 182].

Члены буржуазных и мелкобуржуазных партий и группировок, подключившихся к Фронту, приняли участие в выборах. Даже значительное число членов не вошедшей во Фронт Демократической партии Грола присутствовало на предсъездовских конференциях организаций ЕНОФ. Многие из них отмежевались от позиции лидера ДП в отношении Фронта [4, s. 182].

С докладом «Характер, политика и задачи Народного фронта Югославии» (НФЮ — так был переименован ЕНОФ на съезде) выступил Э. Кардель. Из данной им характеристики программы Фронта вытекало, что она в конечном счете, нацелена на осуществление социалистических преобразований, хотя этот термин не был употреблен. КПЮ учитывала недостаточную подготовленность масс к принятию четко сформулированной социалистической программы, колебания мелкобуржуазных слоев населения, а также трудности, связанные с враждебной позицией западных держав [19, с. 360—362].

Однако курс Народного фронта на коренное преобразование страны был ясно определен: НФЮ должен был укреплять у трудящихся масс сознание того, что они теперь работают на себя, для своего народного государства. НФЮ призван был разъяснить массам перспективы развития новой, народно-демократической Югославии. В области экономики от сторонников Фронта требовалось всемерно способствовать ее восстановлению, повышению производительности труда. При этом в докладе рекомендовалось руководствоваться примером советских людей, тесно связывать интересы и труд каждого с интересами и результатами труда всего общества [12, s. 94—100].

Важнейшими задачами Фронта являлись, с одной стороны, помощь органам народной власти в их работе, а с другой — демократический контроль за деятельностью отдельных представителей власти, пресечение нарушения закона, бюрократизма и т. п.

В заключение доклада Э. Кардель от имени руководства КПЮ поставил вопрос о взаимоотношениях различных политических партий в рамках Фронта. Он подчеркнул, что Фронт не препятствует нормальной организационной деятельности партий, вошедших в его состав, но многочисленность и сложность стоящих перед НФЮ задач в деле восстановления страны и переустройства общественной жизни требует от Фронта единства действий. Обычная коалиция партий не может обеспечить такого единства и мобилизовать массы, ибо существует лишь благодаря компромиссам в верхах. КПЮ отвергает такую коалицию и считает, что единство НФЮ необходимо не потому, что идет на пользу той или иной партии или группе, а потому, что дает возможность мобилизовать их на дело строительства подлинного отечества трудового народа [12, s. 101].

Для политического и организационного укрепления НФЮ большое

значение имело принятие его программы и устава. Проект программы содержал 32 пункта. Народный фронт ставил своей задачей защиту территориальной целостности и независимости ДФЮ, братства, единства и равноправия ее народов. Выступая за мир на Балканах и во всем мире, НФЮ подчеркивал важность дружбы и сотрудничества с великим Советским Союзом.

Фронт рассматривал народную власть как мощное оружие в борьбе за благосостояние и лучшее будущее трудящихся масс и выступал за республиканскую форму правления, за ликвидацию монархии. Важное значение имел пункт 13 программы, в котором указывалось, что НФЮ считает необходимым для укрепления демократического строя в стране «не только развитие демократических форм, но и сохранение материальных средств власти и в дальнейшем в руках трудовых слоев народа».

НФЮ выступал за переход к плановому ведению народного хозяйства, проведение электрификации и индустриализации, укрепление государственного сектора экономики, развитие широкого и массового кооперативного движения среди крестьян, ремесленников и средних слоев населения.

Одно из основных требований НФЮ состояло в том, чтобы обеспечить, укрепить и расширить политические, экономические и социальные права, завоеванные рабочим классом в борьбе за освобождение и объединение народов Югославии.

В своей политике в отношении крестьянства НФЮ поддерживал принцип аграрной реформы: «Земля тем, кто ее обрабатывает», требовал, чтобы основное бремя налогов приходилось на богатых крестьян. При этом Фронт предупреждал, что не допустит попытки создать картели и другие монополистические объединения, которые бы эксплуатировали трудовое крестьянство и обещал содействие развитию сельскохозяйственной кооперации. НФЮ декларировал также свою поддержку средним слоям общества и их защиту от эксплуатации монополистическим капиталом. Этим же слоям была обещана помощь в их хозяйственной деятельности и «во всех областях, где частная инициатива приносит полезные результаты» [30, с. 10]. В отдельном пункте программы шла речь о важности сотрудничества между народной интеллигенцией и рабочими и крестьянами.

Таким образом, программа НФЮ строилась с учетом революционных требований, выдвинутых КПЮ, учитывала и отражала интересы прежде всего рабочего класса, стремившегося к ликвидации капиталистической собственности на средства производства, к их обобществлению, к укреплению и расширению государственного сектора в экономике и созданию фундамента для строительства социализма. Программа НФЮ позволяла привлечь к социалистическому строительству мелкобуржуазные слои города и деревни, еще не определившие в принципе своего отношения к социализму или, во всяком случае, нейтрализовать их возможное сопротивление обобществлению средств производства.

Вслед за программой на I съезде был обсужден проект устава НФЮ, определившего характер и цели Фронта. Рассматривая НФЮ как единую политическую организацию, устав подчеркивал, что Фронт представляет собой основную политическую силу, цель которой — сохранение и укрепление демократических завоеваний освободительной борьбы и строительства новой Югославии [30, с. 23]. Членами НФЮ могли быть отдельные граждане, политические партии и группы, массовые организации при условии признания ими программы и устава Фронта и участия в его работе. Устав предусматривал (§ 16), что во всех народных представительствах их делегаты — члены НФЮ — образуют Клуб делегатов Народного фронта. Хотя в уставе не упоминалась в качестве члена НФЮ Югославская Народная Армия, ее главнокомандующий И. Броз Тито в своем

выступлении на съезде заявил, что она находится в рядах Фронта, увеличивая его мощь [31].

Съезд избрал высшие руководящие органы НФЮ — Союзный комитет, его Секретариат и Исполнительный комитет, в состав которых вошли представители КПЮ, Объединенного Союза антифашистской молодежи, Антифашистского фронта женщин, Хорватской республиканской крестьянской партии, Союза земледельцев и других партий (группировок).

С принятием программы и устава НФЮ окончательно оформился как единая политическая общенародная организация, в которой объединились демократические силы страны, готовые и к созидательной работе, и к отпору внутренней и международной реакции.

Эти оба своих главных качества НФЮ сразу же после I съезда продемонстрировал на III сессии АВНОЮ, открывшейся 7 августа 1945 г. в Белграде. В расширенном составе АВНОЮ сторонники Фронта, располагавшие большинством мандатов, образовали Клуб делегатов НФЮ. Только что принятая программа Фронта пользовалась поддержкой широких трудящихся масс. Они видели в народной власти гарантию установления справедливого социального порядка. Законопроекты, представленные на рассмотрение сессии АВНОЮ, — об избирательных списках и выборах народных депутатов, о гражданских правах, об аграрной реформе и другие являлись дальнейшими шагами по пути установления такого порядка.

Буржуазная оппозиция во главе с Гролом намеревалась на сессии АВНОЮ дать бой и правительству, внесшему эти законопроекты, и НФЮ, участвовавшему в их разработке. Но ей приходилось при этом учитывать слабость своих позиций в расширенном АВНОЮ. Даже если бы все дополнительно кооптированные делегаты примкнули к группировке Грола, то и тогда она охватывала бы менее трети всего состава Веча [4, с. 142]. Оппозиция должна была считаться также с опасностью окончательно оттолкнуть от себя те мелкобуржуазные слои, которые еще находились в известной мере под влиянием демагогии лидеров оппозиции, но уже начинали склоняться в сторону НФЮ.

10 августа 1945 г., одобрив отчет о деятельности правительства, сессия приняла решение о преобразовании АВНОЮ во Временную народную скупщину и продолжала свою работу уже в этом качестве. Временная скупщина должна была подготовить все мероприятия по выборам в так называемую Конституанту — Учредительную скупщину, которой предстояло, в соответствии с Декларацией правительства ДФЮ, решить вопрос об «окончательном внутреннем устройстве» Югославии. Фактически этот вопрос был уже решен на II сессии АВНОЮ (ноябрь 1943 г.), но оппозиция еще не теряла надежды на то, что ей удастся при поддержке западных держав повлиять на исход выборов в Конституанту и если не сорвать, то по крайней мере, оттянуть законодательное утверждение федеративного республиканского строя [16, с. 136, 309]. С этой целью Грол и его сторонники пытались добиться выгодных для них изменений в проектах закона об избирательных списках и других законов, связанных с выборами в Учредительное собрание. Грол, например, утверждал (и таково было мнение всей его группы), что критерии предлагаемых законов «слишком широки», «растяжимы», что существующим народным комитетам (прежним НОК) нельзя доверить их толкование и т. п., ибо они могут допустить ошибки, определяя, кто такие фашисты, оккупанты, их пособники и т. д., что эти понятия необходимо «уточнить». И ряд других законов, представленных скупщине, М. Грол и прочие представители оппозиции бесосновательно критиковали как якобы «недемократические» и «ограничивающие гражд-

данские права» и отказались за них голосовать [16, с. 502—504, 603—604, 634, 650—651, 673—674].

Но все маневры оппозиции, или, как ее именовали в протоколах скупщины, «меньшинства», натолкнулись на решительное противодействие Народного фронта. Выступая от имени НФЮ, председатель Клуба делегатов НФЮ, член ЦК КПЮ С. Жуйович, а также другие представители НФЮ опровергли измышления группы оппозиционеров, доказали, что новые законы полностью обеспечивают права граждан. «Законы не дают никаких преимуществ кандидатам Народного фронта на будущих выборах, — заявил один из делегатов. — Преимуществом является лишь их борьба за демократические права и национальную свободу наших народов» [16, с. 192].

Оппозиционная группа потерпела полное поражение во Временной скупщине. Ее провал был подчеркнут отставкой М. Грола с поста заместителя премьер-министра, о которой он попросил еще до окончания работы скупщины. Однако это отнюдь не означало, что противники новой Югославии смирились с поражением [10, с. 538—539]. Министры Шубашич и Шутей, не выступившие открыто вместе с Гролом и не подавшие вслед за ним в отставку, на деле были на его стороне и намеревались продолжить политическую борьбу. Они рассчитывали под новыми предложениями все же спровоцировать действенное вмешательство США и Англии, добиться переноса срока выборов в Учредительное собрание, назначенных на 11 ноября 1945 г., с тем, чтобы они состоялись в более благоприятной для контрреволюционных сил обстановке.

Оппозиция, стремясь предстать перед массами и действовать против НФЮ как организованная политическая сила, опубликовала 20 сентября 1945 г. сообщение так называемых «Объединенных оппозиционных партий» (имелись в виду демократы, радикалы и земледельцы)¹, в котором они заявляли о своем отказе участвовать в выборах. При этом «объединенная оппозиция» утверждала, что подготовка к выборам проходит «под давлением» и что поэтому Учредительная скупщина якобы будет неправомочна решать кардинальные проблемы страны [4, с. 197—198]. Одновременно с группой сербских оппозиционеров выступили хорватские клерикалы во главе с епископом А. Степинацем, пытаясь натравить верующих на народную власть.

Атаки внутренней реакции сочетались с активизацией югославских эмигрантских групп в Англии и США, обратившихся 10 сентября 1945 г. к лондонской сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) союзных держав с меморандумом, направленным против правительства Народного фронта. В меморандуме содержались предложения, рассчитанные на прямое вмешательство США и Англии в югославские дела. Западная печать использовала все эти выступления, чтобы охарактеризовать Народный фронт, как «коммунистическую диктатуру», нарушающую соглашение Тито — Шубашич [4, с. 191—192].

Стремясь подтвердить эти обвинения и дать повод для англо-американского вмешательства, Шубашич и Шутей в октябре 1945 г. подали в отставку. Их примеру последовали Т. Янчикович, Ф. Гажи и некоторые другие буржуазные деятели, занимавшие различные государственные посты. Налицо была еще одна попытка реакции накануне выборов в скупщину вызвать правительственный кризис.

В открытом письме, адресованном И. Шубашичу, И. Броз Тито писал 13 октября 1945 г., что момент для отставки избран Шубашичем потому,

¹ «Объединенная оппозиция» на деле представляла собой группу политиков из упомянутых партий, присоединившихся к Гролу, а не коалицию партий. Так, Союз земледельцев еще в марте 1945 г. присоединился к Народно-освободительному фронту.

что оппозиция и буржуазные круги стремятся любым путем создать такое положение в стране, которое послужило бы поводом для иностранного вмешательства. «Все эти антинародные стремления и фантазии не осуществляются, ибо народы Югославии умеют защищать свою независимость и свободу... от любой попытки вмешательства со стороны» [32].

И действительно, намерение Англии и США добиться отсрочки выборов в Югославии оказалось невыполнимым — Советский Союз на лондонской сессии СМВД сумел защитить интересы демократических [правительств балканских стран [33].

Маневры и происки внутренней реакции, связанные с выборами в Учредительное собрание, провалились благодаря активности НФЮ и мобилизации его сил. Исполнительный комитет НФЮ 11 сентября 1945 г. обратился к народам Югославии с воззванием, призывая голосовать за его кандидатов. Аналогичные воззвания опубликовали все общественно-политические организации и партии, входившие во Фронт. Единный союз рабочих и служащих Югославии ко времени выборов уже имел в своих рядах до 700 тыс. членов [5, с. 109]. Кандидаты Фронта могли рассчитывать на их голоса. Многие члены ЕРСЮ, занятые в промышленности, государственных учреждениях, торговле и т. п. выступали как агитаторы и пропагандисты, разъясняя его политику.

Объединенный союз антифашистской молодежи к ноябрю 1945 г. насчитывал 1 374 тыс. членов [5, с. 95]. Настроенная по боевому, кровно заинтересованная в закреплении революционных порядков молодежь оказывала большую помощь НФЮ в проведении избирательной кампании.

АФЖ после своего II съезда в июне 1945 г. превратилась в основную организацию, через которую КПЮ осуществляла влияние на женщин — работающих и неработающих — вела их политическое просвещение. Хотя сказывались массовая неграмотность и религиозные препоны, миллионный АФЖ был важным фактором в борьбе за победу Фронта на выборах.

Во всех федеральных единицах действовали избирательные комитеты, в которых было представлено большинство входящих во Фронт организаций и партий. Они контролировали правильность составления списков избирателей, разоблачали вымыслы реакции относительно якобы имевшего место «ограничения избирательных прав граждан». В действительности из списков исключили лишь тех, кого лишил права голоса закон о выборах — 2,3% от общего числа избирателей, составившего 8 236 тыс. человек [4, с. 189]. Народный фронт на выборах выступал с общим списком кандидатов, в котором каждая федеральная единица была соответственно представлена. Выдвижение кандидатов производилось на собраниях и конференциях Народного фронта, причем не от входивших в него организаций, а от его имени.

Буржуазная оппозиция, чтобы подтвердить заявления о «диктатуре партии», опорочить результаты всенародного голосования, решила не выставлять своего списка. Однако руководство НФЮ свело на нет этот маневр. По его инициативе перед выборами был принят закон, предусматривавший наличие на избирательных участках так называемой «урны без списка». В нее имели возможность опустить избирательные шары те избиратели, которые не желали голосовать за кандидатов Народного фронта. Таким образом, у оппозиционной группировки была выбита почва из-под ног. Отказываясь выставить свой список, она не решилась призвать к бойкоту «урны без списка», надеясь, что этой возможностью воспользуется внушительное число избирателей.

На предвыборных собраниях и конференциях, проведенных повсеместно, кандидаты НФЮ разъясняли его программу, отвечавшую народным

интересам, подчеркивали, что он представляет собой союз рабочих, крестьян, народной интеллигенции и всех других трудящихся страны. «Наш Народный фронт,— заявил в своем предвыборном выступлении И. Броз Тито,— неразрывно и очень тесно связан с нашими народными властями и, наоборот, наши народные власти являются только исполнительным органом великого народного объединения, Народного фронта» [11, с. 406—407].

11 ноября состоялись всеобщие, прямые, при тайном голосовании выборы в Учредительную скупщину Югославии. Накануне выборов реакция прибегла к запугиванию избирателей, к распространению антиправительственных листовок, террористическим актам. В выборах приняло участие 7 432 469 избирателей — 88,66% от их общего числа. За список Народного фронта голосовало 6 725 047 человек — 90,48%, а в «урну без списка» опустили шары 707 422—9,52% голосовавших [34].

Народный фронт одержал убедительную победу. Даже в таких краях как Сербия, где длительное время действовали четники Д. Михайловича и реакция надеялась на благоприятный для нее исход выборов, избиратели рассеяли эти надежды — всего лишь 11,41% воспользовались «урной без списка». Следует также отметить высокий процент женщин, участвовавших в голосовании во всех краях Югославии. Их активность была результатом работы организаций НФЮ.

Победа Народного фронта на выборах свидетельствовала о широкой поддержке, которую нашла у трудящихся масс его программа, об их стремлении окончательно ликвидировать остатки монархического строя, утвердить новый, республиканский строй.

29 ноября 1945 г., ровно два года спустя после II сессии АВНОЮ, Учредительная скупщина на первом заседании единогласно одобрила Декларацию о провозглашении Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ). Династия Карагеоргиевичей была лишена всех ее привилегий, с монархией было навсегда покончено.

Ликвидация монархии и законодательное оформление народно-демократического строя в Югославии закрепили революционные достижения ее народов, завоеванные в освободительной борьбе Народным фронтом во главе с КПЮ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kardel E.* Problemi naše socijalističke izgradnje. Knj. I. Beograd, 1954.
2. *Živković D.* Narodni front Jugoslavije 1935—1945. Beograd, 1978.
3. *Živković D.* Postanak i razvitak narodne vlasti u Jugoslaviji 1941—1942. Beograd, 1969.
4. *Petranović B.* Političke i pravne prilike za vreme privremene vlade Demokratske Federativne Jugoslavije. Beograd, 1964.
5. *Petranović B.* Politička i ekonomska osnova narodne vlasti u Jugoslaviji u vreme obnove. Beograd, 1969.
6. *Petranović B.* AVNOJ — revolucionarna smena vlasti 1942—1945. Beograd, 1976.
7. *Narodni front i komunisti.* 1938—1945. Beograd, 1968.
8. *Марьянович И.* Освободительная война и народная революция в Югославии. М., 1956.
9. *Живкович Д.* Некоторые вопросы создания нового югославского государства.— Советское славяноведение, 1971, № 3.
10. *Морача П.* Коммунистическая партия и социалистическая революция в Югославии в 1941—1945 гг. — В кн.: Из истории Великого Октября и последующих социалистических революций. М., 1978.
11. *Броз Тито Ј.* Говори и чланци. Књ. II. Загреб, 1959.
12. *Kardel E.* Put nove Jugoslavije 1941—1945. Beograd — Zagreb, 1946.
13. *Kidrič B.* Zbrano delo, knj. II. Ljubljana, 1959.
14. *Petrović-Šane D.* Narod u revoluciji. Beograd, 1978.
15. V конгрес Комунистичке партије Југославије. Стенографске белешке. Beograd, 1949. |

16. Треће заседање Антифашистичког већа народног ослобођења Југославије и заседање Привремене народне скупштине. Београд, 1945.
17. Законодавни рад Претседништва Антифашистичког већа народног ослобођења Југославије и Претседништва привремене народне скупштине ДФЈ. (19 новембра 1944—27 октобра 1945). Београд, 1951.
18. *Нарочницкиј А. Л., Писарев Ю. А.* Итоги и перспективе изучения истории Югославии в СССР.— Вопросы истории, 1975, № 7.
19. *Гибианский Л. Я.* Развитие югославской революции в ходе народно-освободительной войны и борьба за окончательное утверждение новой Югославии.— В кн.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
20. *Зеленин В. В.* Важная историческая веха (к 30-й годовщине II сессии АВНОЮ).— Советское славяноведение, 1973, № 6.
21. *Касаткин В. К.* вопросу о социалистической революции в Югославии.— Уч. зап. Пермского ун-та, 1971, № 53.
22. *Романов В. Е.* Политико-дипломатическая поддержка Советским Союзом борьбы югославских трудящихся за новую Югославию.— В кн.: Внешняя политика СССР и проблемы послевоенного урегулирования в Европе. М., 1978, с. 83—115.
23. *Славин Г. М.* Освободительная война в Югославии. М., 1965.
24. *Сумарокова М. М.* Коммунисты Югославии в борьбе за единство рабочего класса и сплочение прогрессивных сил страны.— В кн.: VII конгресс Коминтерна и борьба за создание Народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 332—362.
25. *Сумарокова М. М.* Демократические силы Югославии в борьбе против реакции и угрозы войны. М., 1980.
26. *Мораба Р., Bilandić D., Stojanović S.* Istorija Saveza komunista Jugoslavije. Београд, 1976, с. 176.
27. *Petranović B., Štrbac Č.* Istorija socijalističke Jugoslavije. Dokumenti, knj. 2. Београд, 1977, с. 42—43.
28. *Nešović S.* Diplomatska igra oko Jugoslavije. Zagreb, 1977, с. 164—165.
29. Тегеран — Ялта — Потсдам. Сборник документов. 2-е изд. док. М., 1970, с. 240—242.
30. Програм и Статут Народного фронта Југославије. Београд, 1945.
31. Основна организациона начела Народного фронта Југославије. Београд, 1945, с. 84.
32. Борба, 1945, 13 X.
33. История дипломатии. Т. V, кн. I. М., 1974, с. 31—32.
34. Zasedanje Ustavotvorne skupštine. 29 november 1945—1 februar 1946 godine. Stenografske beleške. Београд, б. г., с. 14.

А. Ф. НОСКОВА

К ВОПРОСУ ОБ АГРАРИЗМЕ И КРЕСТЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В межвоенный период страны Центральной и Юго-Восточной Европы оставались аграрными или аграрно-промышленными государствами со средним уровнем развития капитализма¹. Промышленности этих стран были присущи низкие темпы индустриализации и однобокость, значительная доля вложений иностранного капитала в ее отдельные звенья, зависимость от внешних рынков и крупных империалистических держав. Наиболее развитыми отраслями являлись: перерабатывающая, добывающая, легкая. Ведущий сектор экономики региона — сельское хозяйство — отличалось относительно слабым развитием капиталистических отношений, препятствием на пути которых стояли остатки феодализма как в форме земельной собственности и характере эксплуатации определенных категорий крестьянства, так и в способах производства и обмена. Незавершенность буржуазно-демократических революций наиболее остро проявлялась именно в аграрно-крестьянском вопросе.

Но не только отставанием по сравнению с уровнем передовых капиталистических стран, например, Западной Европы, отличалась экономика государств ее центральной и юго-восточной части, но и уродливостью процесса развития капитализма. Была деформирована структура хозяйства, где в среде с неизжитыми еще элементами докапиталистической формации или времени раннего капитализма (например, широкое распространение мелкого, зачастую ремесленного предпринимательства в городе, помещичьего землевладения и постфеодальных производственных отношений в деревне) появлялись картели, монополистические объединения в определенных отраслях промышленности, в финансовом хозяйстве, что свидетельствовало о переходе к эпохе империализма. Развивались и государственно-монополистические процессы, причем в ряде стран, несмотря на их экономическую отсталость, а, может быть, именно в следствие этой отсталости, довольно интенсивными темпами [2]. Монополии не только появлялись. Опираясь на свою экономическую мощь, они по сути дела захватывали и подчиняли себе все хозяйство стран региона.

Состояние экономики определяло и социальный состав населения стран Центральной и Юго-Восточной Европы, где крестьянство и мелкая бур-

¹ Исключение составляла Чехословакия, но и здесь с капиталистически развитыми Чешскими землями соседствовала отсталая сельскохозяйственная Словакия [1].

жуазия города были значительными, а в некоторых странах подавляющими по численности социальными группами. Это порождало не только особую глубину, но и специфику социальных противоречий в регионе — чрезвычайную остроту столкновения интересов крупного капитала и широких мелкобуржуазных масс города и деревни. В общественно-политическом движении этих масс появлялся качественно новый элемент — антимонополистическая направленность. Значительная роль сельского хозяйства, преобладание крестьянства в социальной структуре населения государств региона определили высокую общественную значимость проблемы аграрных отношений и вопроса о положении крестьянства. Эти же причины обозначили важное место крестьянского движения в жизни указанных стран, а непрерывный рост подчинения сельскохозяйственного производства монополистическому капиталу, нарастание «прямой и косвенной эксплуатации деревни городом через контролируемые крупным капиталом кредиты, снабжение техникой и удобрениями, сбыт сельскохозяйственной продукции и т. п.» делали устойчивой формирующуюся и растущую оппозиционность широких крестьянских масс монополиям и институтам, с ними связанным [3, с. 49]. Это открывало возможность присоединения к пролетариату в его борьбе против господства капитала многомиллионной, стоящей между пролетариатом и буржуазией, массы крестьян и мелких буржуа города. Проведенные после первой мировой войны в условиях мощного подъема революционного, прежде всего рабочего движения ограниченные общественные реформы, центральное место среди которых занимали аграрные преобразования [4], существенно не изменили ситуации. В подавляющем большинстве стран не было ликвидировано помещичье землевладение. Крайне незначительными были перемены в общественном положении крестьянства. Иными словами, сохранялся существовавший и ранее источник социально-политической активности всех слоев крестьянства. Требования модернизации аграрных отношений, повышения роли крестьян в жизни общества, обеспечения широкой доступности образования и культуры становились все более грозными для правящих кругов: в борьбу за их осуществление включались новые отряды крестьянства, от бедноты до кулачества включительно, росло значение организованного крестьянского движения. Это вынуждало стоящие у власти политические силы идти на определенные уступки.

В конкретной исторической обстановке межвоенного времени, в условиях затяжного экономического кризиса [5] и постепенного сдвига вправо политической системы государств Центральной и Юго-Восточной Европы, выдвигавшиеся крестьянством требования свидетельствовали как о неисчерпанных еще прогрессивных функциях крестьянского движения и о заложенной в нем значительной доле демократического содержания, так и о потенциальной возможности существования здесь среди зажиточной части деревни базы для правых общественных настроений. Вопрос состоял в том, каким путем, какими методами, в союзе с какими силами (и в союзе ли), под чьим руководством, на основании каких идейных принципов и программ бороться за реализацию поставленных задач.

Великая Октябрьская революция, ленинский Декрет о земле, революционные аграрные преобразования в России, осуществлявшиеся партией большевиков, дали пример успешного практического решения аграрной проблемы в интересах широких масс трудового крестьянства [6]. Оформившийся после Октябрьской революции авангард рабочего движения — компартии стран Центральной и Юго-Восточной Европы, — исходя из марксистско-ленинского учения и опыта Октября, в межвоенный период разрабатывали стратегию и тактику решения аграрно-крестьянского вопроса применительно к конкретным условиям каждой страны.

Свой ответ на этот вопрос пытались давать многочисленные в регионе крестьянские партии и группировки, возникшие в основном в конце XIX — начале XX в. Довольно быстро они выросли в массовые легальные крестьянские по основному социальному составу политические организации. Это были польские людовские партии, объединившиеся затем в Стронництво людове (СЛ), Республиканская партия земледельцев и мелких крестьян в Чехословакии², венгерская Независимая партия мелких сельских хозяев (НПМСХ), румынские царанисты (затем Национал-царанистская партия — НЦП), Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС), Хорватская республиканская крестьянская партия (ХРКП), сербский Союз земледельцев.

Социальная неоднородность деревни рождала общественно-политическую неоднородность крестьянского движения, в котором преобладали вышеназванные организации, объективно выражавшие интересы в первую очередь зажиточных крестьян, капиталистической части села, хотя и претендовавшие на представление общественных потребностей всей деревни. Эти партии приняли самое активное участие в проведении реформ в странах региона после первой мировой войны, были правящими или соправящими, находились в активной оппозиции, т. е. играли существенную роль в жизни общества. Каждая из них в межвоенное время переживала значительную политическую эволюцию. Одни представляли крупную сельскую буржуазию, финансовый и промышленный капитал (как аграрная партия), служили опорой буржуазно-помещичьих кругов и инструментом управления мелкобуржуазной массой в руках последних (как национал-царанисты), другие в определенной мере отражали интересы мелких собственников (как людовцы или БЗНС), порой занимая левый фланг буржуазного политического лагеря.

Существование антагонистических противоречий среди различных групп крестьянства, прогрессирующее расслоение деревни свидетельствовали о том, что ведущее положение этих партий в движении не монопольно и преходяще. Левые группы, группировки и партии никогда не исчезали с крестьянского горизонта. В первой половине 20-х годов значительными позициями в ХРКП располагало именно левое крыло, возглавляемое Ст. Радичем. В этот период левые были сильны и в БЗНС, они активизировались среди «земледельцев» во время борьбы коммунистов за антифашистский народный фронт. В начале 30-х годов в Земледельческой партии Югославии заметную роль играли левые во главе с Д. Йовановичем. На рубеже 1932—1933 гг. в Румынии возникла массовая демократическая организация «Фронт земледельцев», работавшая в контакте с компартией. Немного позднее от НЦП откололась левая группа. Во второй половине 30-х годов в ПМСХ активизировались левые, сторонники рабоче-крестьянского союза и антифашистского народного фронта, которые пытались добиться, чтобы ПМСХ защищала интересы трудящегося крестьянства. Левыми настроениями в это время были охвачены некоторые низовые организации СЛ и молодежной крестьянской организации «Виць» [7, с. 96—97; 8; 9, с. 55, 66, 89, 90, 102, 225, 293—294]. В истории польского крестьянского движения в конце 20 — начале 30-х годов заметный след оставили несколько массовых крестьянских партий [10], функционеры которых в отличие от традиционных представителей мелкобуржуазного крестьянского движения межвоенного времени признавали такие требования, которые говорили о симпатиях к самому прогрессивному мировоззрению XX в. — к коммунизму.

² Первоначальное название — «Объединение чешских земледельцев»; в литературе принято называть эту партию аграрной.

Судьба левых в крестьянском движении была трудной, так как правящие круги во всех странах жестоко расправлялись с реальными и потенциальными сторонниками коммунистического движения. Основная масса крестьянства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы отдавала предпочтение в межвоенный период правым и центристским силам в крестьянском движении. На сохранение и упрочение массовой базы крестьянских партий, состоявшей в значительной степени из среднего, мелкого и даже безземельного крестьянства, были рассчитаны откровенные установки, идейные обоснования, лозунги и программы, остававшиеся в 20—30-е годы более или менее устойчивыми.

Практически все крестьянские партии стран региона за основу своих идейно-теоретических платформ взяли аграризм³. Эта общественно-политическая доктрина возникла в бурно развивавшихся государствах Западной Европы в конце XIX — начале XX в. Она появилась в условиях первого глубокого экономического кризиса капитализма. Перепроизводство промышленной продукции, остановившиеся фабрики, тысячи безработных наводили буржуазных экономистов на мысль о том, что крупная промышленность, достигнув апогея, исчерпала себя, что возникла необходимость приостановить ее развитие. В отличие от промышленности, сельское хозяйство способно, считали они, в условиях аграрного протекционизма бороться с экономическими потрясениями. И эта его способность заложена в мелком «родовом», т. е. семейном хозяйстве. Поселив рабочего в деревне, сделав его полужемледельцем, обрабатывающим свой маленький участок, «станет легко и возможно согласовывать периоды безработицы с периодами земледельческого труда» [11, с. 143]. «Уравновесить» социально-экономический баланс капиталистического общества, облегчить течение периодов кризиса, убрать «причины» социальных потрясений, вырвать почву у «аграрных социалистов» — главное назначение доктрины аграризма.

Но одного возвращения рабочего в деревню недостаточно. Нужно обеспечить в национальной экономике подобающее место сельского хозяйства в целом. Как полагали «апостолы» аграризма — Ж. Мелин, Г. Руланд, А. Шефле (автор термина «аграризм»), П. Казио, Э. Лаур, Ж. Готье, земледелие, этот «корень общественного блага» [11, с. 190; 12, с. 111], задавлено развитием крупной промышленности и нуждается в защите. Здесь — центральный мотив аграристских концепций переустройства общества. Сторонники аграризма разработали и предложили программу содействия развитию сельского хозяйства: кредиты, уменьшение налогов, ликвидация «ножниц» цен, уничтожение посредничества, широкое развитие «кооперативной ассоциации» — «примирительницы различных интересов», «орудия освобождения сельского хозяйства» [11, с. 71—73, 83].

Особое внимание обращалось на мелкое крестьянское производство, которое «всегда может извлечь доход из своего капитала», т. е. экономически устойчиво. Создание «родовых» хозяйств не только решит, по мнению теоретиков аграризма, проблему занятости, но и обеспечит рабочей силой крупные земельные хозяйства, создаст «наиболее надежную гарантию общественного мира» [11, с. 113]. Такова была в общих чертах схема «усовершенствования» капиталистического общества, которую предлагали идеологи аграризма развитых стран Западной Европы. Не трудно заметить, что смысл всей схемы сводился к попытке защитить существующий строй от глубоких экономических и социальных потрясений, найти способ «мирного сосуществования» крупных собственников (и города и де-

³ В статье использованы материалы по истории аграризма, любезно предоставленные автору советскими исследователями М. М. Горановичем и М. Д. Ереценко.

ревни) и широких трудящихся масс, преградить путь распространению социалистической идеологии.

На рубеже веков и в первые десятилетия XX в. доктрина аграризма получила довольно значительное распространение как в промышленно развитых, так и в отсталых аграрных странах Европы. Причем, в одном случае аграризм стал орудием в руках заинтересованных в протекционизме крупных земельных собственников, стремившихся приспособить эту доктрину к своим нуждам (прежде всего законсервировать существующие формы и размеры собственности), и оформился как одно из направлений буржуазной общественной мысли, призванной способствовать сохранению и упрочению их общественных позиций⁴. Это направление в аграризме можно было бы назвать буржуазным.

Своеобразный универсализм аграризма, декларированная «защита» сельского хозяйства в целом, без признания социальных противоречий, присущих деревне, как и городу, привлекали к аграризму внимание представителей различных социальных слоев села. Программу «опеки» земледелия с успехом мог считать своей не только крупный помещик, сельский буржуа, но и середняк или малоземельный крестьянин. Естественно, что в аграризме оформилось и мелкобуржуазное направление⁵, представители которого ратовали за передел земли, за спасение и поддержку мелкого крестьянского хозяйства, считая именно его основой экономики. Это направление получило большое распространение в относительно слабо развитых странах Центральной и Юго-Восточной Европы, хотя и здесь аграризм был представлен самыми разными течениями⁶: от откровенно буржуазных (например, М. Годжа в Чехословакии, В. Грабский в Польше, Ю. Маниу и другие лидеры в НЦП в Румынии) и даже профашистских до лево-радикальных, опирающихся на общедемократические элементы аграризма. В поле зрения этого последнего направления в аграризме находилась проблема крестьянско-рабочего союза в борьбе за лучшую долю крестьян [7, с. 107—113; 14, с. 281—285; 12, с. 141; 15, с. 58—59; 16, с. 125]. Именно в 30-е годы сторонники такого союза высказывались в пользу предложенной коммунистами концепции Народного фронта [9].

Основу для широкого распространения мелкобуржуазного варианта аграризма в этом регионе Европы составляло численное преобладание мелкого хозяйства в земледелии. Бесспорное влияние оказывало и то, что процессы перераспределения земли и концентрации производства в большинстве стран протекали сравнительно медленно, уровень развития капитализма (особенно в сельском хозяйстве) был невысок, а острота чисто классовых противоречий в крестьянской среде была ниже степени недовольства всей деревни своим положением изгоя общества, перекрывалась тяжестью эксплуатации ее помещиком, капиталистическим городом, финансовым капиталом, государством. В деревне, как следствие недоразвитости здесь классовых антагонизмов, складывалось своеобразное единство, которое создавало благоприятную почву для восприятия всеми прослойками крестьянства аграристских концепций.

Аграризм был не только воспринят, но и в каждой из стран региона приспособлен к конкретным национально-государственным условиям,

⁴ Польский исследователь Я. Зембинский считает, что первоначально аграризм понимался как своеобразная программа юнкерства [12, с. 111].

⁵ М. М. Горанович называет его мелкокрестьянским [7, с. 6].

⁶ Большой радикализм и большую раздробленность В. И. Ленин считал сутью малой буржуазии [13, т. 10, с. 393].

к ситуации в сельском хозяйстве и к требованиям крестьянства [17, с. 190—191, 341—342; 18, с. 9—10; 19, с. 440; 8, с. 35—40; 20, с. 151; 21, с. 74, 91, 110; 22; 23]. Постепенно выкристаллизовалась определенная концепция «преобразования» существующего строя на основе постулатов аграризма, бытовавшая в различных национальных вариантах и отраженная в программах, прессе и публицистике БЗНС, людовцев, ХРКП, царанистов, ПМСХ, аграрной партии Чехословакии. Причем концепционные построения сторонников аграризма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы не находились в застывшем состоянии. В практической деятельности крестьянских партий на передний план выдвигались то одни, то другие элементы концепции. Имели место не только эволюция политики этих партий в межвоенное время (в одном случае — в сторону левого радикализма, в другом — поворота направо), но и определенная динамика самой концепции. Авторами программ крестьянских партий в исследуемом регионе были не только теоретики аграризма, но и политики. С. Милковский, В. Грабский, С. Игнар, Ю. Нечко в Польше, А. Швегла, О. Франкенбергер в Чехословакии, А. Стамболийский, Р. Даскалов в Болгарии, В. Маджару, И. Михалаке, Н. Лупу в Румынии, Г. Гаал, Т. Экхардт, Э. Байчи-Жилински, З. Тилди в Венгрии, С. Радич, У. Стаич, М. Попович в Югославии, — всё это политические деятели, которые строили свои концепции, исходя из местных условий, подчиняя их решению наиболее актуальных (с их точки зрения) задач.

Главными положениями в этой концепции были: утверждения о неизбывности и господстве крестьянской частной собственности на землю, лозунги единства деревни, крестьянский сословный сепаратизм, претензии на общественную гегемонию крестьянства, противопоставление города и села, тезис о второстепенной роли промышленного сектора экономики, идеализация экономической функции кооперации, отрицание идей научного социализма и антикоммунизм⁷. В ряде стран концепция имела определенную националистическую окраску [17, с. 92, 210; 24; 14, с. 316—317; 25].

На основе этих положений предлагалась модель «нового» общественного строя, получившая название «третьего» — крестьянского пути развития общества (в отличие от буржуазного — капитализма и пролетарского — социализма)⁸. Идеальным вариантом считалась «крестьянская кооперативная республика», где власть принадлежит народу, т. е. крестьянству, но обеспечена «сословная демократия» [7, с. 54—58]. Постепенный, без потрясений переход от капитализма к некоей крестьянской экономической и политической демократии планировалось осуществить через выполнение крестьянских требований широких и неотложных мер для развития и подъема крестьянского хозяйства и завоевание власти крестьянскими партиями парламентским путем [27]. Такова была в общих чертах концепция общественного переустройства, которую предлагали сторонники мелкобуржуазного направления в аграризме вместо диктатуры промышленной буржуазии, взамен свержения капитализма и диктатуры пролетариата⁹. Видя (с позиций мелкого земельного собственника) пороки

⁷ Один из идеологов царанистов И. Михалаке определял царанизм как антипод коммунизма [26, с. 34].

⁸ В 1919 г., критикуя позицию меньшевика Мартова, В. И. Ленин писал: «Претензия Мартова встать „выше“ обеих крайностей: буржуазии и пролетариата, обеих диктатур... Суть этой претензии = мелкие буржуа...» [13, т. 39, с. 445].

⁹ В межвоенный период была дана развернутая критика и оценка этих концепций с марксистских позиций в работах В. Коларова, М. Горова, Г. Димитрова, Ф. Филиповича, Т. Домбала, В. Бронковского. См., например [28].

и язвы капитализма, эксплуатацию крестьянина финансовым, торговоростовщическим и промышленным капиталом, сторонники этого направления в аграризме порой резко критиковали капитализм, даже «отрицали» его. Но объективно предлагаемые преобразования, включая самые демократические, не взрывали, а лишь «улучшали», «подправляли», «демократизировали» власть и экономическое господство буржуазии. В свое время В. И. Ленин, имея в виду рассуждения русских либеральных народников, писал, что «... проектируемые мероприятия (все эти кредиты, кооперации, мелиорации, расширения землевладения) не выходят из рамок *существующего* буржуазного общества». Их суть — «... кротко-либеральное штопанье современных порядков...» [13, т. 8, с. 77, т. 1, с. 264].

Наиболее антиисторичным и реакционным в концепции аграризма было отведение пролетариату второстепенной роли в развитии общества. Отсюда вытекали аграристский взгляд на город, промышленность, рабочий класс, призванных якобы обслуживать потребности сельского хозяйства, отрицание союза пролетариата и крестьянства [29, с. 273, 274]. Это, в свою очередь, демонстрировало утопичность целей аграристов и означало нереальность планов радикального переустройства общества. «Пытаться спасти крестьянство защитой мелкого хозяйства и мелкой собственности от натиска капитализма,— писал В. И. Ленин,— значило бы бесполезно задерживать общественное развитие, обманывать крестьянина иллюзией возможного и при капитализме благосостояния, разъединять трудящиеся классы...» [13, т. 4, с. 432]. Наиболее левые сторонники аграризма постепенно, в процессе формирования революционного крыла в крестьянском движении, под воздействием объективных и субъективных факторов подходили к осознанию общности интересов рабочих и крестьян [30, с. 49—50, 62—66, 83]. С точки зрения перспективы развития крестьянского движения это было чрезвычайно важное явление, это был шаг на пути к марксистско-ленинскому пониманию рабоче-крестьянского союза.

Мелкобуржуазное направление аграризма в странах региона существенно отличалось от первоначальной западноевропейской доктрины, что объяснялось различиями социально-экономических и политических условий и находило выражение в разных моделях будущего преобразованного общества. Модель, намечавшаяся сторонниками аграризма в указанном регионе, базировалась на реконструкции (в разных странах в различной мере) существующей аграрной структуры. Сторонники этой модели изображали крестьянина как мессию, призванного обновить мир, а крестьянскую собственность как панацею от социальной несправедливости. Был ли это «самобытный» вариант проявления мелкобуржуазной идеологии, присущий только странам Центральной и Юго-Восточной Европы?

Несмотря на различные национальные «оттенки» аграризма в 20—30-е годы, можно выделить ряд общих коренных черт, которые свидетельствуют о его определенном родстве с идеологией крестьянской демократии в России — народничеством (на эту связь уже обращали внимание исследователи [31; 12, с. 118]). Это — идеализация облика и роли крестьянина, идея о возможности некапиталистического пути перехода к обществу социальной справедливости (в сочетании с отрицанием научного социализма), ненависть к самодержавию или личной власти, буржуазно-помещичьему государству, лозунги о наделении крестьян землей и защите мелкотоварного производства, столкновение кооперации как способа соединения всех выгод крупного и мелкого производства и устранения всех негативных их сторон [32, с. 7—9].

Речь может идти о родственности с народничеством не столько с революционным 60—70-х годов XIX в., сколько с либеральным 80-х годов, перешедшим на позиции буржуазного реформизма, и с более поздним его направлением, оформленным в политическую партию, — с эсерами [33, гл. 1; 34, с. 195]. Русских народников и сторонников мелкобуржуазного направления в аграризме роднит ядро их программы — идея крестьянской демократии. Аграризм как доктрину характеризуют почти те же элементы, которые видел в народничестве В. И. Ленин, а именно: «элементы демократии + утопический социализм + мелкобуржуазные реформы + реакционность мелкого буржуа» [35, с. 21—22]. Лишь определенное сочетание этих элементов, выделение на первый план того или иного из них определяет и национальные варианты аграризма и его течения.

Наиболее яркими радикальными представителями мелкобуржуазного направления в аграризме были в 20-е годы А. Стамболийский в Болгарии, в 30-е — людовцы, точнее, члены «Вицы» [36, предисловие; 37, с. 372; 38, с. 106]. А. Стамболийский жил в монархической Болгарии, где главным источником зла для крестьянства был ростовщик, экономическая эксплуатация ассоциировалась с капиталистическим городом, а крупный капитал, как полагали в БЗНС, вел свое происхождение от экономических махинаций, особенно периода балканских войн и первой мировой войны. Против этих главных зол и искал республиканец-демократ Стамболийский противоядие. Пытаясь найти ответ на наиболее злободневные для крестьянских масс социальные, экономические и политические вопросы, Стамболийский резко и беспощадно критиковал капиталистический строй, олицетворением которого он считал монополии, иностранный капитал и связанный с ними институт монархизма, а также ростовщичество, выступавшие наиболее жестокими эксплуататорами болгарской деревни. Будучи общепризнанным руководителем и идеологом БЗНС, А. Стамболийский выражал демократические настроения мелкого и среднего крестьянства Болгарии, составлявшего большинство членов этой партии [39, с. 60].

Центральное место в социально-политической концепции БЗНС занимала так называемая сословная теория, отрицающая классовое деление общества, утверждающая антагонизм между рабочими и крестьянами и декларирующая решающие позиции крестьянства в обществе. Только это сословие считалось способным очистить мир от тех пороков, какие принесли крупный капитал, картели, «паразитирующие прослойки» [36, с. 55, 226, 231; 40]. Самостоятельное крестьянское правительство, которое гарантирует применение наиболее демократических положений конституции и обеспечит права и свободы, создаст-де условия для подлинного народовластия [36, с. 177, 222—226].

В основе экономической концепции Стамболийского лежал тезис о «вражде» города и деревни, отрицалась крупная собственность, устанавливался ее максимальный размер для города и деревни, главной формой объявлялась частная средняя и мелкая земельная трудовая собственность¹⁰ при допущении ее государственной, общинной и кооперативной форм. Обеспечить их взаимодействие должна кооперация, «при которой устраняются отрицательные стороны индивидуального и общественного хозяйства и одновременно эффективно развиваются их лучшие стороны» [36, с. 233]. Лишь кооперация способна-де ликвидировать «зависимость»

¹⁰ Наделенный землей крестьянин демонстрирует, считал Стамболийский, «...идеальное положение, т. к. труженик обладает собственностью, а собственник участвует в труде» [36, с. 231—232].

села от города. Таким образом «будет достигнуто коренное социальное переустройство, которое внесет справедливость и удовлетворит массы» [36, с. 233—234, 236].

Рассматривая эту концепцию, следует ее квалифицировать как утопическую, объективно не угрожающую существованию капиталистического строя, хотя и содержащую определенные, что часто декларировалось БЗНС, антикапиталистические (точнее — антимонополистические) акценты, покушающуюся в некоторой степени на интересы крупного капитала [41, с. 17—18]. Острая критика Стамболийским капитализма была направлена, главным образом, на доказательство необходимости его «усовершенствования» путем ликвидации крупной собственности и политической власти ее представителей [42]. Следует подчеркнуть, что Стамболийский отвергал социализм, идею рабоче-крестьянского союза и рабоче-крестьянской власти, он жил иллюзиями о самостоятельной власти крестьян. Попытку осуществить широкие экономические и социальные реформы, отвечающие интересам крестьянских масс, БЗНС предпринял в годы своего пребывания у власти в Болгарии, «дав истории пример первого чисто крестьянского правительства» [43, с. 333]. Этот пример вскрыл весь идеализм и утопичность рассуждений Стамболийского, верившего в возможность «чисто крестьянского управления без и даже против пролетариата» [44, с. 243].

Социально-экономические и политические «эксперименты» режима БЗНС в определенной мере (необходимой и достаточной с точки зрения мелкого собственника) были явным покушением на всемогущество крупного капитала и политической реакции¹¹. Они вызвали такую реакцию сильных мира сего, которая привела (в условиях изоляции крестьянского движения от рабочего) к устранению силой правительства Стамболийского наиболее правыми кругами болгарского общества, к гибели этого крупнейшего национального политического деятеля. Представители монополистического капитала в Болгарии были так напуганы действиями правительства БЗНС, что пошли на установление в стране диктатуры крайне реакционных террористических сил [8]. «И этот итог, — писал Т. Живков в связи со 100-летием со дня рождения великого крестьянского трибуна, — завирированный кровью Стамболийского, недвусмысленно свидетельствует о том, что трудовое крестьянство способно защитить свои интересы и успешно бороться против эксплуататоров и наступления реакции лишь в тесном союзе с рабочим классом» [45]. К пониманию этой великой идеи марксизма А. Стамболийский приблизился только в минуту гибели «земледельческого» правительства.

Единомышленники Стамболийского были в крестьянском движении Югославии, среди царанистов [7, с. 58, 71, 161]. Но, пожалуй, ближе всего к Стамболийскому (по степени отражения в программных постулатах интересов мелкобуржуазных масс) стояли людовцы середины 30-х годов, когда значительными позициями в движении располагали деятели «Вицы» — вичажи. Они были сторонниками левого направления в польском аграризме [46, с. 76] и сыграли важную роль в дальнейшей истории людовского движения.

Вичажи выступали как наиболее горячие приверженцы аграризма. Именно они придали определенную законченность (с точки зрения аграристских концепций) идейным принципам СЛ, зародившимся еще в конце

¹¹ Напомним об усилиях Стамболийского, направленных на установление контактов с Советской Россией.

ХІХ в. Основные положения аграризма (или часть из них) можно обнаружить практически во всех программах людювских партий в первые десятилетия XX в.¹² Но термин «аграризм» внедрился в людювское движение в 30-е годы. Довольно быстро выявились различные направления в польском аграризме, общим для которых была идея классового мира в деревне, идеализация польского села и его жителей: «крестьянская сила является основой жизни, основой народа и государства... — провозглашала людювская пресса. — ... Крестьянин является господином земли, а следовательно и господином государства...». «...Крестьянин... более, чем кто-либо другой, способен указать путь выхода из сегодняшней ситуации»¹³. «Людювская идеология, — писал А. Залеский, — провозглашает культ земли, вызывая возврат центра общественной жизни из города назад в деревню; провозглашает справедливый раздел имущества..., уважение труда... сотрудничество вместо борьбы» [24, с. 15—16].

Польские исследователи считают представителями правого крыла аграризма в Польше В. Грабского и А. Залеского, которые ограничивались проектами умеренных социально-экономических преобразований с целью укрепления основ капитализма. Левые аграристы (Я. Дец, Ст. Милковский, Ю. Нечко) ратовали за более радикальные реформы, но опять же в рамках существующего строя. Условие для реализации этих реформ они видели в получении политической власти представителями крестьянства, которое «... и по своей численности, и по своей моральной и физической силе, простирающейся из связи с землей, а также ввиду своей национальной и государственной ценности имеет право считать себя естественным хозяином Польши» [29, с. 249].

Основные идейные принципы и экономическую программу радикального аграризма сформулировал в 1934 г. Ст. Милковский в работе «Аграризм как форма перестройки общественного строя» [48]. Создателями польского левого аграризма были видные деятели людювского движения Ю. Нечко, Ст. Игнар, И. Соляж [49, с. 168; 38, с. 117—118]. Отличительной чертой радикального варианта польского аграризма являлось резко негативное отношение к действительности, к капитализму вплоть до лозунгов «свержения капитализма» [29, с. 226—236, 243—254]. В 30-е годы на переднем плане оказывался именно этот элемент аграризма, несколько в тени оставались принимавшиеся и левыми и правыми аграристами его идеалистические и реакционные установки, по которым выстраивался образ будущего общества и предлагались средства, ведущие к его достижению: классовая солидарность деревни и крестьянский сепаратизм; эволюционное развитие через «экономическую демократию»; крестьянство — политический руководитель общества; «третий путь» общественного развития¹⁴, базирующийся на самостоятельном, рентабельном крестьянском хозяйстве, разумно сочетающем в себе «элемент труда и капитала». Особо следует отметить антисоциалистическую, антикоммунистическую и объективно определенную антирабочую направленность польского аграризма, его националистические тенденции.

То, что предлагали польские теоретики аграризма, как они считали, вместо или после капитализма, вовсе не означало уничтожение капиталистического строя. Свой идеал они видели в «свободной Народной Польше»,

¹² См., например, программу 1926 г. партии «Пяст» [14, с. 265—269].

¹³ Piast, 1933, 8 X; Wyzwolenie, 1933, 21 X. Цит. по: [47, с. 197—198].

¹⁴ «Если аграризм должен выполнить историческую роль, если должен вернуть равновесие, его следует отдалить как можно дальше от социализма и капитализма. Чем дальше окажется аграризм как третья точка опоры от крупной промышленности, тем прочнее и крепче восстановит равновесие...» [24, с. 17].

господствовало мнение о возможности самостоятельного обретения (через выборы) и удержания власти крестьянством, выстраивалась модель некой «кооперативной республики» как «формы экономической, культурной и тому подобной жизни», базирующейся на частной собственности на землю и на «самостоятельном крестьянском хозяйстве». Достижение этой цели мыслилось через «постепенное, но постоянное и целенаправленное строительство общественно-экономической и культурной жизни» [38, с. 116—117]. В действительности же речь шла о буржуазно-демократической республике, где решающие позиции займет «польский народ», т. е. крестьянство¹⁵. Социально-классовая суть программы вуалировалась утверждениями о крестьянине — корне земли польской, о крестьянском труде — источнике благ земных и т. п. [14, с. 157, 163, 164, 148].

Второй полюс в людовских программах был представлен проектами социально-экономического переустройства, которые разрабатывались несколько подробнее, чем в БЗНС. Отказывая капитализму, который «имеет единственную цель — эксплуатацию, в способности «разрешить современные экономические трудности», людовцы высказывались за такой экономический строй, который сочетал бы право собственности «с общественным интересом» и не допускал эксплуатации человека человеком (Программа СЛ 1935 г. [29, с. 250—251]). Центральное место в людовских планах социально-экономической реконструкции занимала аграрная реформа в интересах крестьянства (раздел помещичьей земли без выкупа) [14, с. 148, 161, 165], а также проблема кооперации как средства, гарантирующего стабильность мелкой собственности, рентабельность крестьянского хозяйства и «удовлетворяющего на демократических принципах экономические потребности ее членов»¹⁶. Промышленный сектор рассматривался только как отрасль экономики, призванная обслуживать нужды сельского хозяйства и крестьянства. Поэтому планировалось оказывать поддержку отраслям, работающим на национальном сырье и перерабатывающим сельскохозяйственную продукцию, а также произвести национализацию ряда отраслей и наладить строжайший государственный контроль за финансовой системой страны [14, с. 163, 186; 52, с. 16]. Людовцы с симпатией относились к рабочему классу, считали его, как и крестьянство, миром труда, оказывали декларативную поддержку пролетарским экономическим требованиям. Но, исходя из положения о примате крестьянства в общественной жизни страны, отказывали пролетариату в признании как его ведущей роли в производстве материальных ценностей, так и его преобразующей общественной функции. Довольно распространенным среди радикальных людовцев было отношение к рабочему классу как подчиненному, в лучшем случае равноправному союзнику. В людовском движении в целом пролетариат пока не рассматривался в качестве решающего и ведущего союзника в борьбе против эксплуатации и насилия, отрицалась его революционная идеология. И все-таки в ходе острых классовых столкновений в стране возникало понимание общности интересов рабочих и крестьян [53, с. 9]. Некоторые группы людовцев подходили к признанию исторической миссии пролетариата и идеи рабоче-крестьянского союза.

¹⁵ Об этом характерном для мелкой буржуазии взгляде на общество писал К. Маркс: «Демократ, представляя мелкую буржуазию, т. е. *переходный класс*, в котором взаимно притупляются интересы двух классов, — воображает поэтому, что он вообще стоит выше классового антагонизма. Демократы допускают, что против них стоит привилегированный класс, но вместе со всеми остальными слоями нации они составляют *народ*. Они стоят за *народное право*; они представляют *народные интересы*. Поэтому им нет надобности... исследовать интересы и положение различных классов» [50, с. 151].

¹⁶ «Закономерно развивающаяся кооперация уменьшает объем собственности капиталистического строя» [51, с. 177].

Мелкобуржуазная доктрина аграризма находила широкий отклик у крестьянства стран Центральной и Юго-Восточной Европы, завоевывала многочисленных и стойких сторонников среди различных слоев общества. Именно она, положенная в основу политических программ крестьянских партий, как магнит, притягивала и удерживала в их рядах трудящееся крестьянство. В этом плане исключительную роль играло «отрицание» капиталистической эксплуатации, «защита» мелкого, бессильного перед монополиями земельного собственника, а также отстаивание общественных интересов крестьянства, его прав на лучшую долю. В конкретных условиях ряда стран региона мелкобуржуазный аграризм выполнял позитивную функцию: призывы к борьбе против существующих порядков, за демократизацию общественно-политической жизни находили многочисленных сторонников среди всех слоев крестьянства. Наиболее отчетливо это проявилось в Болгарии и Польше.

Совсем по-иному должны быть нами оценены классово-социальное содержание и политическая роль мелкобуржуазного аграризма в межвоенный период. Завладев умами миллионов крестьян (и не только их), он служил преградой распространению идей научного социализма в деревне¹⁷. Антисоциалистическая и антикоммунистическая направленность аграризма открыто декларировалась в программах и находила свое подтверждение в практике¹⁸. Аграризм сдерживал процесс революционного воспитания пролетарских и полупролетарских масс деревни, препятствовал формированию столь важного союзника пролетариата, как крестьянство.

Исходные постулаты мелкобуржуазного направления аграризма надолго, правда с определенными коррективами, вызванными рядом факторов, закрепились в программах крестьянских партий, составлявших часть буржуазного лагеря стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Буржуазные группировки в аграрном и крестьянском движении ловко использовали доктрину аграризма в своих интересах, а именно с целью захвата и удержания руководства широкими массами деревни. Они паразитировали на идеалистической вере этих масс в возможность создания «крестьянского государства».

Нарастание тенденций к блоку, к союзу с господствующими силами, явный отказ от борьбы за общедемократические требования широких крестьянских масс, открытый переход в лагерь буржуазии — все это было присуще практике почти всех крестьянских партий и являлось подтверждением ленинского положения о несамостоятельности мелкой буржуазии, о неспособности ее к независимой деятельности, о возможности ее политического существования под руководством или пролетариата или буржуазии [13, т. 38, с. 135—138]. В склонности к отказу от борьбы за программные демократические принципы содержалась потенциальная реакционность мелкой буржуазии и ее политического руководства. Смещался вправо после свержения правительства А. Стамболийского БЗНС, где получила влияние сильная центристско-правая группировка [54, с. 21—22]. Но идейное наследие Стамболийского тщательно «оберегалось» (а точнее эксплуатировалось) его правыми преемниками в 20—30-е годы [55,

¹⁷ Например, руководство СЛ в апреле 1935 г. в качестве одного из аргументов своего отказа от совместной с коммунистами борьбы с «санацией» выставило именно аграризм, который, как пропасть, разделяет людовцев и коммунистов [29, с. 222].

¹⁸ Создание Зеленого интернационала было подчинено задаче, используя аграризм, противопоставить крестьянское движение революционному пролетариату, подчинить это движение руководству буржуазии [7].

с. 16—18]. Так же эволюционировали ХРП и сербский Союз земледельцев [21, с. 155, 170]. Активной составной частью буржуазного лагеря были людовцы.— соучредители буржуазной республики [56, с. 59, 60, 88—99, 187; 10, с. 151]. В первой половине 30-х годов на правые позиции быстро перешла НПСХ в Венгрии. Руководство аграрных партий, реально поступаая многими из демократических требований, стремилось сохранять «крестьянский» идейный облик партийных программ, основанных на постулатах мелкобуржуазного аграризма¹⁹. Эти постулаты присутствовали и тогда, когда партия превращалась в откровенного выразителя интересов крупной сельской буржуазии, буржуазно-помещичьих кругов или даже монополистического капитала. Наглядно это можно, пожалуй, продемонстрировать на примере НЦП и НПСХ [58; 59; 57; 60; 22]. Новое появление на арене общественно-политической жизни Венгрии НПСХ было следствием недовольства существующим положением широких крестьянских масс, представители которых и воссоздали НПСХ. Партийная программа, выработанная на рубеже 20—30-х годов, содержала требования о земельной реформе, избирательном праве, демократических свободах, выражала протест против засилья ростовщиков, банков, картелей, отвергала высокие цены на промышленные товары. Вместе с тем, составители программы исходили из признания незыблемости капиталистического строя, не затрагивали основы этого строя — частной собственности, стремились лишь доказать необходимость упорядочения функций и институтов капиталистического общества [57, с. 241—243; 20, с. 151; 22, с. 253—254]. Руководство партией скоро оказалось в руках правых сил. Сохранявшаяся «привлекательность» программных постулатов для крестьянских (и мелкобуржуазных в целом) масс, а также оппозиционное положение партии мелких хозяев обеспечили рост рядов этой политической организации [57, с. 245].

Национал-царанистская партия Румынии, хотя и вела за собой значительные массы крестьянства [61, с. 231], была к середине 30-х годов прямым выразителем интересов буржуазно-помещичьих кругов (что национал-царанисты демонстрировали на практике, находясь у власти или в оппозиции). В 1935 г. партия приняла новую программу, которая существенно отличалась от соответствующих документов 1921 и даже 1926 гг., когда произошел сдвиг вправо. Тем не менее она была пронизана идеей «крестьянского государства», требованиями «крестьянской демократии», заявлениями о примате этого сословия и защите его интересов [62, с. 197; 63, с. 48], т. е. в определенной степени сохранялся основной «багаж» раннего царанизма.

Царанизм как политическая доктрина появился в Румынии сразу после 1918 г., но главные его идеи были сформулированы еще в конце XIX — начале XX в. попоранистами или румынскими народниками [63, с. 47; 19, с. 409—423]. Один из лидеров партии — В. Маджару в начале 20-х годов определял царанизм как «политическое движение крестьянского класса против всей системы эксплуатации и экономического господства капиталистического общества» [64, с. 86]. Согласно царанистской доктрине, крестьянство составляет класс, который играет «определяющую и доминирующую роль в румынском аграрном обществе» [64, с. 79], румынская деревня живет-де своей особой жизнью, не ущемляющейся в рамки ни капиталистического, ни социалистического строя. Среди румынского

¹⁹ В условиях все большего политического подчинения крестьянского движения руководству буржуазных группировок в программах некоторых партий исчезали отдельные для буржуазии лозунги «самостоятельной крестьянской власти», «трудовой земельной собственности», «кооперативной республики» [7].

крестьянства, социально неоднородного (что признавали царанисты), идет процесс формирования «представительного типа» — «независимого крестьянина, который не является ни эксплуататором, ни эксплуатируемым», так как собственными силами обрабатывает собственный участок земли [63, с. 48]. Такой крестьянин и должен составить основу царанистского кооперативного государства, где кооперация «станет фактором социального преобразования, основанного на сохранении трудовой собственности» [63, с. 47]. Причем, в отличие, например, от людовцев, царанисты вовсе не ратовали за уничтожение крупной земельной собственности. Ей отводилась особая общественно-экономическая роль в пропагандировании новейшей техники и методов ведения хозяйства. Таким «безболезненным» способом решалась проблема сохранения и обеспечения «существования» крупного и мелкого землевладения. Что касается промышленного сектора, то и здесь как конечную цель царанисты видели существование и взаимодействие двух форм собственности: государственной, охватывающей крупные предприятия, картели, и частной — мелкие ремесленники, торговцы, предприниматели. Таким образом, считали теоретики НЦП, возникнет «новый тип государства», обеспечивающего не диктатуру или тиранию, а особую роль крестьянства, «солидарного и сотрудничающего с другими классами и группами» [63, с. 46]. Принцип «солидарности всех социальных классов» уже в 1926 г. вытеснил из программы НЦП ранее развивавшиеся царанистами идею борьбы всех трудовых классов за «новый социальный строй», тезис о существовании «глубоких антагонизмов между крестьянством и классом капиталистов» [65, с. 3; 66, с. 47; 64, с. 80]. Открытым оставался вопрос чрезвычайно существенный: каким путем может быть осуществлен переход к «царанистскому типу государства?» И это весьма показательно, поскольку царанизм как политическая доктрина с самого начала выражал и отстаивал интересы деревенской буржуазии, сельских капиталистических элементов, вовсе не стремившихся к радикальным общественным переменам, но желавших иметь руководящие позиции в жизни аграрной Румынии. С помощью той же схемы, пропагандируемой НЦП, достигался искомый эффект — на сторону национал-царанистов привлекались различные прослойки крестьянства (и не только его), удавалось сориентировать мелкобуржуазные массы Румынии в сторону буржуазии, под ее политическое руководство и «покровительство».

Таким образом, мелкобуржуазная доктрина аграризма, положенная в основу идейно-политических платформ практически всех крестьянских партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, служила одним из рычагов (возможно — важнейшим), обеспечивавших «существование» в этих организациях при их политической многоликости различных социальных сил, «поддерживавших» стабильность их классово разнородной массовой базы, делавших эти партии реальной политической силой в странах региона.

Между тем, уже в межвоенный период полностью выявились абсолютная нереальность «третьего пути» и по сути дела авантюризм (именно так определял В. И. Ленин политику, «говорящую неправду» [35, с. 38]) политической практики партий, именовавших себя крестьянскими. История чехословацких аграриев явила наиболее законченный пример трансформации самой партии в основную политическую представительницу крупного капитала Чехословакии, а проверка на практике мелкобуржуазных «крестьянских» теорий дала обычный вариант социально-экономических отношений капиталистического общества периода империализма.

Аграрная партия была основана представителями сельской буржуазии,

но для защиты «крестьянского сословия». В начале XX в. она превратилась в организацию, объединявшую крестьянство всех слоев. Правда, 80% ее членов составляли малоземельные, безземельные крестьяне и сельскохозяйственные рабочие [67, с. 145], что внешне придавало партии характер мелкокрестьянской организации. В буквальном смысле слова содержание партийных программ (особенно программы 1919 г., принятой в условиях революционного подъема в стране и массовой борьбы крестьянства за землю) определяла мелкобуржуазная доктрина аграризма: «деревня — одна семья», «защита» крестьянского сословия, «охрана» крестьянской собственности, соответственно истолкованная роль кооперации, протекционизм в отношении сельского хозяйства, определяющего-де прогресс всего общества [68, с. 266—267, 271—272, 280]. Все это было сознательно рассчитано на восприятие этих «идей» всеми слоями сельского населения, отдававшего свои симпатии аграрной партии. Кроме того, влияние партии в деревне серьезно усилила проведенная в соответствии с ее планами аграрная реформа, которая частично утолила земельный голод малоземельных и средних крестьян и одновременно создала крупные хозяйства капиталистического типа [69, с. 116—117].

Дальнейшее «сплочение» деревни под руководством аграрной партии осуществлялось различными способами: от экономических рычагов, которые были здесь решающими, до всевозможных спортивных, культурных, молодежных организаций, плотной сетью которых была опутана деревня Чехословакии [70, с. 196]. Политическая линия аграрной партии, находившейся у власти в Чехословакии в межвоенный период²⁰, всегда была ориентирована на капиталистические элементы деревни, но те крохи экономических выгод и общественных благ, которые получал мелкий земельный собственник, участвуя во всевозможных хозяйственных объединениях и организациях²¹, подчиненных аграрной партии, создавали иллюзорное представление о том, что она является выразителем крестьянских интересов, и привязывали деревню к партии в политическом отношении.

На самом деле все обстояло иначе. Аграрная партия осуществила цепь таких мероприятий, организовала такие институты (прежде всего экономические), которые обеспечивали благоприятные условия для складывания и роста так называемого аграрного капитала, представленного руководителями кооперативных союзов, кредитных обществ, крупных промышленных предприятий (и не только перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию), наконец, высшим финансовым органом — Аграрным банком. Именно эта экономическая олигархия была подлинным хозяином аграрной партии, которая срослась с крупным аграрным, финансовым и промышленным капиталом страны [71, с. 589]. В 30-е годы это была уже самая влиятельная правая буржуазная сила, удерживавшая в сфере своего воздействия подавляющее большинство мелких и средних земельных собственников. От выражения экономических потребностей крестьянских масс (до некоторой степени) и вынужденной фиксации радикальных политических требований крестьянства в первые годы независимости аграристские концепции привели аграрную партию (а вслед за ней и деревню) на правый фланг буржуазного политического лагеря Чехословакии [71, с. 551]. «Третий путь» обернулся экономическим и политическим всевластьем крупного капитала. Законы капитализма оказались непреодоли-

²⁰ Людовцы расценивали правящие позиции аграрной партии как власть крестьян, которые в Чехословакии находятся «... в том счастливом положении, что, получив однажды власть в государстве, держат ее крепко в руках» [52, с. 6].

²¹ К 1936 г. партия руководила 15 тыс. сельскохозяйственных кооперативов, насчитывавших более 1,4 млн членов [7, с. 75].

мы с помощью аграризма и его моделей общественного переустройства. В деревне произошло лишь усиление капиталистической прослойки.

В годы второй мировой войны силы, связанные с выше упомянутыми партиями стран Центральной и Юго-Восточной Европы, занимали различные национально-политические позиции. Одни из них политически и экономически сотрудничали с оккупантами (как сторонники аграрной партии Чехословакии или ХРКП), другие нашли свое место в антифашистском лагере Сопротивления (как людовцы), третьи маневрировали, боясь утратить руководящие общественные позиции (как национал-царанисты). В новых условиях, созданных прямой нацистской оккупацией или нарастающей зависимостью ряда стран от гитлеровской Германии, аграристская доктрина в одном случае не стала помехой для коллаборации (как политического явления), а в другом — потеряла в значительной степени свое общедемократическое звучание. Коммунисты стран региона выработали конкретный и оптимальный вариант решения аграрно-крестьянского вопроса. Встав во главе всех демократических сил, борющихся против фашизма за национальное освобождение и за социальное преобразование общества, они поддержали демократические программные требования крестьянских партий и отвергли утопические и консервативные элементы аграризма.

В середине 40-х годов под руководством коммунистов началось осуществление революционных аграрных преобразований в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Крестьянское движение переживало тогда сложный период идейно-политической борьбы.

Привлекая левые круги этого движения на свою сторону, рабочий класс, ведомый своим политическим авангардом, в борьбе с реакционными и контрреволюционными силами, пытавшимися использовать аграризм как средство сохранения влияния на крестьянские массы (особенно в Болгарии [41, с. 27], Венгрии и Польше²²), сумел претворить в жизнь идею рабоче-крестьянского союза и приступить к строительству нового общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bauch V. Výchvin slovenského poľnogospodárstva a roľníctva od roku 1918 do Košického vládneho programu.* — *Historický časopis*. 1980, s. 2.
2. *Гришина Р. П.* К вопросу о государственно-монополистическом капитализме в Болгарии. — Кризис политической системы капитализма и его проявление в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М. (в печати).
3. *Классовые союзы и политические блоки.* — *Проблемы мира и социализма*, 1980, № 10.
4. *Murgescu C., Hurezeanu D.* Les réformes agraires en Europe après la première guerre mondiale. — XVe Congrès Internationale des sciences Historiques. Bucarest, 1980, Rapports II.
5. *Горанович М. М.* Аграрный кризис и распад Аграрного блока. 1930—1933. М., 1971, разд. 1,2.
6. *Милиц И. И.* История Великого Октября. В 3-х томах. М., 1977.
7. *Горанович М. М.* Крах Зеленого Интернационала. М., 1967.
8. *Гришина Р. П.* Возникновение фашизма в Болгарии. 1919—1925. София, 1976.
9. VII Конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
10. *Zarys historii polskiego ruchu ludowego.* T II. Warszawa, 1970.
11. *Мелин Ж.* Назад к земле. М., 1914.
12. *Ziembinski J.* Z zagadnień genezy i podstawowych założeń ideowopolitycznych agrarizmu w Polsce. — *Roczniki dziejów ruchu ludowego*, 1960, № 2.

²² Вспомним «опыт» эсеровских правительств в период Октябрьской революции и Гражданской войны в России [72; 73].

13. Ленин В. И. Полн. собр. соч., М., 1958—1965.
14. Lato S., Stankiewicz W. Programy Stronnictw Ludowych. Warszawa, 1969.
15. Dogan M. Analiza statistica a democratiei burgheze din România. București, 1945.
16. Simion N. Observatii privind compositia sociala a Partidului Tarănesc (1918—1937) — Analele Stiin. ale Univ. «Al'J. Cuza». Serie nouă. Sect. III, Istorie. Jasi. 1973, T. 19, fasc. 1.
17. Писарев Ю. А. Образование Югославского государства. М., 1975.
18. Покивайлова Т. А. Царанистская партия в идейно-политической борьбе в Румынии после Октябрьской революции. — Материалы конференции «Великая Октябрьская социалистическая революция и революционное движение в Румынии». М., 1974.
19. Виноградов В. Н. Очерки общественно-политической мысли в Румынии. М., 1975.
20. Вида И. Политика Независимой партии мелких сельских хозяев в 1944—1945 гг. — Acta Historicae Academiae Scientiarum Hungaricae, 19, 1973.
21. История Югославии. Т. II, М., 1963.
22. История Венгрии. Т. III. М., 1972.
23. Rek T. Drogi rozwoju ruchu ludowego do Polski Ludowej. — RDRL, 1962, № 4.
24. Zaleski A. Agraryzm. Warszawa, 1933.
25. Curentul, 1935, 27 IV.
26. Mihalache I. Discurs d—lui I. Mihalache ținut la Câmpulung — Muscel în Zina de 27 iulie 1936. Bucuresti, 1936.
27. Ziemiński J. Problem władzy i ziemi w koncepcjach społeczno — politycznych ruchu ludowego w Polsce w okresie międzywojennym. — 70 lat ruchu ludowego. Warszawa, 1967.
28. Коларов В. «Аграризм» как теория социального мира. — Коммунистический Интернационал, 1928, № 19—20.
29. Materiały źródłowe historii polskiego ruchu ludowego. T. III, Warszawa, 1966.
30. Wybór publicystyki Niezależnej Partii Chtopskiej. Warszawa, 1975.
31. Покивайлова Т. А. Некоторые черты буржуазных партий и группировок в Румынии в конце XIX — начале XX веков (в сопоставлении с Россией). — Доклад на заседании Комиссии историков СССР и СРР. Фрунзе, 1979 (рукопись).
32. Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Идеологи русского народничества. Л., 1966.
33. Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975.
34. Паитин И. К. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973.
35. Ленин В. И. Тетради по аграрному вопросу. М., 1969.
36. Стамболийски А. Избрани произведения. София, 1979.
37. Borkowski J. Wizje społeczne i zmagania wiciarczy. Warszawa, 1966.
38. Rek T. Ruch ludowy w Polsce. T. III, Warszawa, 1947.
39. Танчев П. Доклад на торжественном собрании, посвященном 100-летию со дня рождения А. Стамболийского. — Информационный бюллетень ЦК БКП. София, 1979, № 3.
40. Стамболийски А. Политически партии или съсловни организации? София, 1909.
41. Игнатиева Т. В. Эволюция мелкобуржуазных представлений об общественно-экономическом развитии Болгарии. — Советское славяноведение, 1979, № 4.
42. Маковецкая Т. Ф. Кризис буржуазного парламентаризма в Болгарии и режим БЗНС. — Кризис буржуазной общественно-политической системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период (коллективный труд, рукопись).
43. Расширенный пленум ИККИ. Протоколы заседаний. М. — Л., 1925.
44. Димитров Г. Избранные произведения. Т. 2 (1939—1949). София, 1968.
45. Живков Т. Приветственное письмо участникам Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Стамболийского. — Работническо дело, 1979, 7 VI.
46. Gataj D. Chłopski ruch polityczny w Polsce. Warszawa, 1969.
47. Политические партии в Польше, Западной Белоруссии, Западной Украине. Минск, БАН, Комиссия по изучению Западной Белоруссии, 1935.
48. Miłkowski S. Agraryzm jako forma przebudowy ustroju społecznego. Kraków, 1934.
49. Guzicki L., Zurawski S. Historia polskiej myśli społeczno - ekonomicznej. 1914—1945. Warszawa, 1974.
50. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М., т. 8, 1957.
51. Thugutt S. Spółdzielczość. Zarys ideologii. Warszawa, wyd. 2, 1937.
52. Dąbski J. Ideologia chłopska. Warszawa, 1929.
53. Mikołajczyk Z. Przeobrażenia ideowo-programowe ruchu ludowego w Polsce. — RDRL, 1975, № 17.
54. Радулов С. Участие на Българския земеделски народен съюз в Народния фронт. София, 1976.
55. Гергиев В. Буржоазните и дребно-буржоазните партии в България. 1934—1939. София, 1971.

56. История Польши, т. III, М., 1958.
57. *Доби И.* Исповедь и история. Воспоминания. М., 1967.
58. *Ornea Z.* Țărănismul. Studii sociologic. București, 1969.
59. *Scurtu I.* Din viața politică a României. Intemeierea și activitatea partidului țărănesc. (1918—1926). București, 1975.
60. *Savu Al.* Sistemul partidelor politice din România (1919—1940). București, 1978.
61. *Pătrășcanu L.* Probleme de bază ale României. București, 1945.
62. История Румынии. 1918—1970. М., 1971.
63. ЦГАОР, ф. 4459, (ТАСС), оп. 27/1, д. 4413.
64. *Madgearu V.* Doctrina țărănistă. — Doctrinile partidelor politice. București, 1924.
65. Partidul Național — Țărănesc. Principiile programul și statutul. Votate de Congesele extraordinare pentru ratificarea fuziunii partidelor național și țărănesc la 10 oct. 1926 in București. București, 1926.
66. Proiect de program al Partidul Țărănesc din România, Supus și aprobat de Congresul general din noiembrie 1921. București, 1921.
67. *Kučera E., Kučerova Z.* O agrárnický stát. Praha, 1955.
68. *César J., Černý B.* O ideologii československého agrarizmu. — Československý časopis historický. (далее — ČСН), 1959, № 2.
69. *Uhliř D.* Dva směry v československém agrárním hnutí a rozchod Karla Praška s republikánskou stranou. — Sborník historický, 18.1971.
70. *Uhliř D.* Republikánska strana lidu zemedělského a maloroľnického ve vládě pánské koalice. — ČСН, 1970, № 2/3.
71. *Uhliř D.* Konec vlády pánské koalice a republikánská strana v roce 1929. — ČСН, 1970, № 6.
72. *Гармиза В. В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970.
73. *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. I. М., 1980.

Л. Н. БУДАГОВА

ЧЕШСКАЯ И СЛОВАЦКАЯ ПОЭЗИЯ 70-Х ГОДОВ

В одной статье трудно дать полную картину состояния чешской и словацкой поэзии последнего десятилетия¹. Период этот столь важен и продуктивен, насыщен интересными произведениями авторов разных поколений, что материал заслуживает целой книги. Задача данной статьи — осветить лишь некоторые, представляющиеся наиболее важными тенденции рассматриваемого этапа, сузив при этом круг авторов и привлекая в первую очередь лишь произведения, характерные для этих тенденций.

Особенности поэзии 70-х годов определяются как внутренними закономерностями развития социалистического искусства, имеющего свою биографию, переживающего в своем развитии разные стадии, так и своеобразием общественно-политической ситуации в стране.

Последнее десятилетие для Чехословакии — время интенсивного преодоления последствий политического кризиса 1968—1969 гг., период консолидации общества, укрепления и развития социалистических отношений. Это отразилось на состоянии поэзии и во многом определило ее функции и характер.

В годы кризиса делались попытки ослабить контакт между поэзией и социалистической идеологией, представить ее как автономный, не зависящий от общества организм, превратить ее в рупор ревизионистских идей, в лабораторию формальных экспериментов. Приверженцы «эстетического субъективизма» пытались нарушить естественный ход и ритм литературного процесса, его социалистическую направленность, создать философскую и психологическую почву для возрождения сюрреалистических, экзистенциалистских и тому подобных тенденций. Негативные последствия этих попыток сказались далеко не во всей поэзии: произведения Л. Новомеского и В. Завады, И. Тауфера и А. Плавки, М. Валека, И. Кайнара, И. Скалы, В. Мигалика, М. Флориана и др. нейтрализовали ошибочные тенденции, обеспечивали на практике непрерывность линии социалистического искусства. Поэзия Чехословакии и в годы кризиса не стала трибуной выражения антисоциалистических настроений, сферой разгула идеалистических взглядов и концепций.

Тем не менее, удержавшись на материалистических позициях, противопоставив пропаганде модернистских принципов мощное течение реалистического искусства, чешская и словацкая поэзия в целом отчасти ослабила внимание к гражданской, политической проблематике. В конце 60-х и самом начале 70-х годов поэзия отличалась некоторой камерностью, явным преобладанием пейзажной и любовной лирики. Поэты предпочитали исследовать внутренний мир человека, решать вопросы сугубо

¹ Частично автор касался этой проблематики в своей статье [1].

нравственные. В какой-то мере это было реакцией на слабости известной части политической поэзии 50-х годов, страдавшей поверхностностью, подменявшей подлинно художественное воплощение актуальной проблематики дежурным пафосом, расхожими штампами. Но, безусловно, оказывала свое воздействие и атмосфера кризисных лет. Стараниями некоторых литературоведов и философов, активно проявлявших себя в конце 60-х годов, была снижена престижность гражданской темы в искусстве, а обращение к ней не вызывало энтузиазма критиков.

В 70-е годы происходит изменение ситуации вокруг поэзии, благодаря чему поэзия вернула себе репутацию искусства масштабного, политически остро, бдительно следящего не только за миром человеческой души, но и за судьбами человечества. Одна из ярких черт этого периода — подъем гражданской поэзии. Обращает на себя внимание та стремительность, с которой она набирала силу в последнее десятилетие, что имеет свои причины.

С нормализацией положения в литературе были устранены препоны, мешавшие притоку важного жизненного материала, который теперь занял в искусстве значительное место. Поэзия будто стремилась вернуть себе широту дыхания, наверстать упущенное, ликвидировать тот вакуум, который наметился в освещении социально-исторических процессов. От этого выигрывала и поэзия, как бы заново открывая для себя один из самых мощных источников творческого возникновения. От этого выигрывало и общество, обретавшее в поэзии серьезного союзника в борьбе за укрепление социалистического строя в стране.

Поэзия Чехословакии вновь становится летописью современной истории, отражая такие ее вехи, как Октябрьская революция, борьба с фашизмом, Словацкое национальное восстание, Майское восстание в Праге, Февраль 1948 года (К. Беднарж «Незабываемое время», 1971; А. Плавка «Не умер на коне», 1974, В. Гонс «Февраль», 1973, «Тогда на земле был май», 1975, «Ленин», 1977 и др.). В нее возвращается открытый пафос борьбы за мир и социализм (И. Скала — поэма «Жажда», 1975; поэмы П. Койша «Вечное лето», 1973, «Если бы», 1975 и др.). Большое место в поэзии 70-х годов занимает тема СССР (П. Койш «Есть такой человек», 1972; В. Райсел сборник «Очи и березы», 1972; И. Тауфер поэма «Я люблю», 1975 и др.). Поэзия чутко реагирует на все, что происходит на нашей планете, что требует защиты или решительного протеста. Она поднимает голос против фашистского мятежа в Чили (стихотворения Я. Скалы, В. Гонса, П. Койша и др. в сборнике «Мы с тобой, Чили!», 1974), говорит свое решительное «нет» нейтронной бомбе, осуждает политику расовой дискриминации (поэмы И. Тауфера «Йес энд ноу», опубликованная в «Творбе», 1978, «Индияния», тоже в «Творбе», апрель 1979). Полет Владимира Ремяка стал новым стимулом в развитии космической темы. Поэты откликнулись на это событие молниеносно, в первые месяцы и даже дни после старта своего соотечественника (М. Флориан «Матери космонавтов»; А. Краус «Космическая песня»; В. Гонс «Тридцать роз» и «Космическое притяжение» — все в «Руде право», 1978).

Определенный импульс развитию гражданской поэзии дали, безусловно, юбилеи, которыми богаты 70-е годы. Они стали естественным поводом оглянуться назад, осмыслить пройденный путь, подвести итоги достигнутому. Они облегчили литературе соприкосновение с материалом, способным оказать на нее самое благотворное воздействие, усилить ее общественную отдачу, ее боеспособность. Но внешний повод совпадал с внутренней готовностью поэзии отреагировать на требования момента. Назрела необходимость заново утвердить многие бесспорные истины, поколебленные в годы кризиса; раскрыть, освободив от ревизионистских искажений,

смысл таких понятий, как «социалистическая революция», «классовая борьба», «коммунизм» и т. д.

Поэма Павола Койша «Вместе» (1971) знаменовала возвращение в ли-терагуру темы коммунистической партии. Она прозвучала как присяга поэта, подошедшего к сорокалетнему рубежу, на верность идеалам своей юности, совпавшей с юностью республики, которая делала свои первые шаги на пути к социализму. Уже в те годы поэт нашел свое место среди людей, «преданных делу», «опаленному огнем коммуны, смертью фучиков и кошевых». Автор раскрывает не только их идейную убежденность, но и высокие нравственные качества, способность проникаться болью других, чувствовать и ценить красоту жизни. («Коммунист — никогда не подведет. Он понимает тихие печали стариков, знает, какого цвета глаза у серны»). Может быть, прибегая к несколько прямолинейным и наивным образам, поэт разрушал догматические представления о коммунистах, как об аскетах и фанатиках, возвращал их отражению в поэзии человечности и теплоту.

В творчестве И. Скалы эта тема возникает в связи со стремлением осмыслить события 1968—1969 гг. В сборнике «Что я беру с собой в дорогу» (1975) Скала воссоздает тяжкую атмосферу времени, когда «в глазах рябило от масок и блесток, от извлеченных откуда-то черносотенных знамен», когда «волчий вой заполнял все вокруг», а «к микрофону пускали вещать слепых младенцев, лжепророков, дезертиров» (стихотворения «Грабеж», «Весна 1968», «Уже пришли» и др.). Осуждая тех, кто отшатнулся тогда от партии, и приравнивая это к подрывным действиям против республики («положили партбилет, как солому кладет поджигатель к горящему отчому дому»), Скала напоминает о героизме настоящих партийцев, которые никогда «не уклонялись ни от работы, ни от борьбы», оставаясь в строю до конца («Положили партбилет»).

Как бы внутренне полемизируя с эстетам и снобами, поэзия 70-х годов не стесняется участвовать в своеобразном идеологическом «ликбезе», иллюстрируя и разъясняя положения марксистской философии. Одно из стихотворений К. Боушека так и называется «Из лекций по философии» и посвящено соотношению понятий «толпа» и «класс» (сб. «Колокола в лесу», 1974).

О том, как возрос престиж гражданской темы в искусстве, свидетельствует вступление П. Койша к сборнику «Вместе» (1976), который он назвал «вкладом в дискуссию о политической поэзии»: «Политическое стихотворение — нелегкая работа. Легче овладеть своими субъективными ощущениями или выразить отношение к природе. Создавая политическое стихотворение, надо разбираться в политике, идти вместе с кем-то против кого-то. . . Настоящая поэзия должна быть многосторонней и многострунной. Она начинает страдать от авитаминоза, если в ней нет гражданской, политической лирики и эпики» [2].

В русле гражданской поэзии сходятся представители разных поколений, художники разных судеб и склада. Произведения чешского автора В. Гонса (род. в 1938) свидетельствуют о стремлении писателей, сформировавшихся в послевоенный период, и как бы унаследовавших социалистические завоевания, заново осмыслить новейшую историю страны, мысленно пройти тот путь, который прошел их народ, подтвердить плодотворность этого пути. В поэмах «Февраль» (1973), «Тогда на земле был май» (1975) прослежены вызревание февральской революции, ее закономерность и смысл, показана революционная и антифашистская борьба, освобождение Чехословакии Советской Армией и его значение для судеб народа. А в своей поэме «Ленин» (1977), написанной к 60-летию Октября, автор, по словам рецензента газеты «Руде право», не только раскрыл

«жизнь и судьбу великого вождя революции, но и средствами поэзии подчеркнул, что дело Ленина пронизывает нашу современность, наш сложный и противоречивый мир, прогрессивные силы которого вступили на путь осуществления ленинских идей» [3].

Если Вацлав Гонс раскрывает в своих произведениях нашу эпоху, ее социальные процессы, то словацкий поэт Мирослав Валек (род. в 1928) в поэме «Слово» (1976) отражает душу человека этой эпохи, его нравственное и творческое кредо. Программная поэма Валека, где «обретают голос» взгляды поэта, его идейные убеждения, отличается редким психологизмом, умением показать истоки и мотивы этих убеждений, ту корневую систему, из которой они вырастают. Поэт ощущает наше время как время борьбы правды с ложью, время борьбы коммунистов с «господами генералами», и не хочет стоять в стороне от этих сражений. Он сделал свой выбор, осознавая все его благотворное влияние на нравственный облик человека. Не допуская никакой уклончивости, не страшась высоких слов», потому что это искренние слова, поэт связывает все лучшее в себе с партией:

И за то, какой я,
кого благодарить?
Коммунистическую партию, которая учит меня
человеком быть

(Перевод П. Казаковой)

Автор меньше всего склонен делать из жизни схему, а из человека — безгрешного героя. Поэму пронизывает интерес к самому обычному человеку, к которому обращено живое слово Валека:

Человека хочу, который как ты
из крови и плоти!
Не ангел и не робот —
боже мой! —
Пусть, как ты, он радуется и злится,
если случится оступиться,
если проиграет бой...

(Перевод Р. Казаковой)

Чешский поэт Иржи Тауфер (род. в 1911) относится к тем, кто обогащает чешскую литературу «опытом поколения, всегда стоявшего на революционных позициях и никогда не изменявшего своему „любимому классу“. . .» [4]. В творчестве Тауфера — видного деятеля мировой социалистической культуры, ярко проявился интернационализм поэзии Чехословакии, ее интерес к судьбам народов мира. Тауфер чаще других исходит в своих стихах из событий международной жизни, поднимает интернациональную проблематику, отталкивается от зарубежных впечатлений. Одно из самых сильных произведений Тауфера последних лет — поэма «Индия» (1979) — печальная сага об исконных жителях американского континента и обвинительный акт колониализму и его современным последователям — империалистам. Всю свою ненависть обрушивает поэт на поработителей. Всю любовь отдает «красным братьям», обращая к ним пролетарский призыв к сплочению:

Соединяйтесь со своими красными братьями, с рабочими
всех цветов кожи, всех континентов и стран,
с ними вы станете на волны морские похожи
на Великий,
или Тихий, но неукротенный океан.

(Перевод автора)

Произведения на актуальные темы пишутся отнюдь не «по долгу службы», «под давлением сверху» — уже простой экскурс в историю чешской и словацкой литературы, еще в 20-е годы поддерживавшей в лице своих лучших представителей идеалы пролетарской революции, подтверждает всю неслучайность, всю закономерность ярко выраженной общественной направленности поэзии Чехословакии нынешнего этапа. А качество создаваемых произведений, пронизывающая многие из них интонация личного, выстраданного отношения авторов к поднимаемым вопросам, характер поэтической аргументации, основывающейся как на уроках истории, так и на личном опыте художника, убеждает в искренности поэтического слова, за которым стоит жизнь. Слишком многое было пережито народом и поэзией, чтобы произведения о борьбе за мир и социализм, против капитала и фашизма, носили бы формально-отписочный характер. Ведь многие из активно работающих сейчас писателей знают эксплуататорский строй и войну не понаслышке, не только из газет и учебников истории. Это придает произведениям высокой гражданской темы взволнованность исповеди, непосредственность личного свидетельства, конкретность воспоминаний. Осуждая, например, буржуазную республику, Д. Шайнер в «Оде на старое и новое» (сб. «Окинуть взором», 1973) вспоминает школьных товарищей, вечно голодных детей бедняков, чье трудное детство говорит о пороках старой системы выразительнее, чем многие общие слова:

Елену похитили, но это неправда,
У нее пятеро братьев и сестер, а мать умерла, я знаю...
Вчера она плакала от голода. Я гладил ее по голове.
И больше ничем я ей помочь не могу. Она мне очень нравится.
Я дал ей кусок хлеба.

(Подстрочный перевод автора)

Не все, разумеется, в гражданской поэзии 70-х годов равноценно. От слабых произведений не застраховано ни одно литературное течение или период. Но 70-е годы отличает повышенная требовательность к художественному уровню социалистической литературы, неприятие скидок на политическую актуальность. В своем докладе на II съезде Союза чешских писателей (1977) Ян Козак — нынешний председатель Союза чехословацких писателей, говорил: «Некоторые наши поэты не только младшего, но и среднего поколения отличаются какой-то горячечной поспешностью. Они извергают из себя стихи и сборники, как бы стараясь ничего не упустить. Уметь контролировать собственное творчество, уметь понимать самого себя, найти свою собственную манеру — это один из принципов ответственного отношения к искусству, к обществу. Особенно много в газетах и журналах появляется так называемых стихов „на случай“, посвященных разным событиям и годовщинам. Весьма поверхностные, они не достигают своей цели даже при самых добрых намерениях их авторов. Они являются как бы зарифмованной публицистикой и создают ошибочную и вредную иллюзию, что все актуальное — хорошо. Политическая поэзия уже со времен Неймана, Волькера, Незвала, Библа, со времени Маяковского, Элюара, Пабло Неруды, Назыма Хикмета или Брехта — это поэзия больших художественных достоинств, высокой требовательности к себе, подлинной вдохновенной патетики. В настоящем искусстве действует закон: чем значительнее тема, тем совершеннее, выскателнее должно быть ее художественное воплощение. Здесь менее, чем где-либо возможна скидка, если мы не хотим, чтобы неудачное произведение действовало бы в направлении, обратном нашему замыслу» [5].

Гражданская поэзия — даже в своих лучших образцах — должна с усиленной энергией завоевывать себе читателя, ибо в ее взаимоотноше-

ниях с обществом наметился в настоящее время известный парадокс. Рассчитанная на массовую аудиторию, она иногда труднее находит путь к людям, чем поэзия камерная, сугубо лирическая. Ее путь к читателю затруднен разными причинами, в том числе спекулятивными, конъюнктурными злоупотреблениями некоторых литераторов актуальной темой, приводящими к ее девальвации. Определенное недоверие к гражданскому искусству воспитывает и эстетствующая критика, хотя и потерявшая свои позиции в Чехословакии, но не исчезающая полностью.

Восстановив свой авторитет в литературной среде, гражданская поэзия должна утвердить его и среди читателей. В этой ситуации забота о качестве приобретает первостепенное значение. Ведь слабость пейзажного или любовного стихотворения скомпрометируют лишь репутацию его автора. Слабость политического стихотворения может исказить, скомпрометировать идею, вызвать стойкое равнодушие к гражданской теме. И наоборот, талантливое поэтическое слово способно раскрыть новые глубины, показать неисчерпанность того материала, который связан с общественным бытием, с историческими процессами. Ведь это — важные стороны жизни, исследование которых запрограммировано познавательной функцией искусства.

И гражданская поэзия 70-х годов все чаще отказывается от «шумной, лобовой риторики», дежурного оптимизма, от облегченных решений актуальных проблем. Гражданственность все активнее проявляется как «внутреннее качество стиха» (выражение В. Бокова), что по-настоящему возможно лишь в том случае, когда она становится свойством личности писателя. На службу гражданской теме ставится и тонкий психологический анализ, и высокая культура стиха, и виртуозное владение пером. Для всей атмосферы 70-х годов глубоко неслучайно, что, например, один из самых острых политических поэтов И. Тауфер уделяет в своих выступлениях большое место вопросам мастерства, требуя от поэтов высокого профессионализма, досконального знания родного языка. «Бедный словарь убивает образность, бедная же образность не стремится к языковому богатству, оно ей ни к чему», — говорил он в докладе на симпозиуме о поэзии (1979) [6]. Освобождая гражданскую поэзию от излишнего аскетизма, он очень часто прибегает в своих стихах к каламбурам, игре слов, что не является в его творчестве самоцелью, а помогает заинтересовать читателя, интересно обыграть и развить мысль.

Акцентирование общественно-политической проблематики на ведет к редуцированию всех прочих тем и проблем. Круг интересов поэзии 70-х годов — это широкий круг интересов современного человека со всеми его переживаниями и надеждами, которые раскрывает не только гражданская, но и философская, пейзажная, интимная лирика — произведения В. Завады (сб. «На дороге», 1970; «Спасибо, жизнь», 1977), М. Руфуса (сб. «Стол бедных», 1972; «Музыка форма», 1977); М. Флориана (сб. «Инициалы», 1972; «Верхом на кузнечике», 1974; «Лазурь неба», 1976; «Рябины», 1977) и других поэтов. При общем чрезвычайно высоком жизненном тоне и почти солнечном колорите, поэзия охватывает широчайшую гамму красок и эмоций. Наряду с пронизанными историческим оптимизмом произведениями И. Тауфера, излучающими радость жизни стихами И. Скалы, возникают окрашенные в грустные тона книги П. Горова (сб. «Глубинная река», 1972; «Ассонансы», 1976), полная драматизма поэзия Завады, которая «не избегает тягот жизни, потому что содержит в себе силу, способную все преодолеть» [7]. Помогая извлечь все сумрачное и тревожное из душевных глубин на свет прожекторов искусства, она облегчает душу, помогает преодолеть страх смерти, отчаяние неутомимо надвигающейся старости, тоску и т. д., повышает человеческую сопро-

тивляемость невзгодам. Именно в этом общественная функция и гуманистический смысл суровой и мужественной лирики В. Завады, элегической поэзии П. Горова.

Еще в 50-е годы, обосновывая широту собственного творчества вселилем поэтического слова, Незвал писал: «Нет такой мысли, обстоятельности, нет такой вещи на свете, которые не могли бы стать предметом поэзии, ее темой и наполнением» [8]. Лапо Новомеский выводил широту интересов социалистической поэзии из ее глубоко гуманистической сути: «Когда-то на заре нашей социалистической поэзии я думал, к примеру, что любить Аполлинера — значит предавать Маяковского, коммунизм. Но коммунизм — это простор для человека, и к нему относится все, что человеку необходимо» [9]. Здесь можно вспомнить и строки советского поэта Евг. Винокурова, который видит в «разнообразии» закон жизни, закон природы: «Природа боится однообразия! . . . Разнообразие — принцип, лежащий в основе жизни» («Разнообразие», начало 60-х годов).

Искусство, связанное с жизнью, не может не воспринять один из «лежащих в ее основе принципов», и это ярко демонстрирует поэзия 70-х годов. На данной стадии развития социалистической литературы убеждение в необходимости ориентации на человека во всей его сложности, на жизнь во всем ее многообразии вошло в плоть и кровь, в теорию и практику литературного процесса. Прежде пуждавшееся в защите, высказываемое нередко как догадка, как прозрение талантливых художников, — теперь оно стало истиной, не подлежащей сомнению, доступной и понятной каждому.

Широта проблемно-тематического диапазона осознается ныне как типичное свойство зрелого искусства социалистического реализма. И оно проявляется, как в пределах всей поэзии, так и в творчестве отдельных художников, что нередко затрудняет их классификацию. Так, у П. Койша, который страстно выступит за политическую поэзию, есть прекрасные лирические стихи (сб. «Зачем человеку дом», 1974), перекликающиеся своим виталистическим пафосом, умением ценить маленькие радости жизни с поэзией В. Солоухина (в частности, со стихами из сб. «Имеющий в руках цветы», 1960). В интимно-лирической поэзии М. Флориана очень сильна гражданская нота («Кардиограмма», «Пиночету», «Коляда для Николаса Гильена» и т. д.).

Роберт Рождественский, автор предисловия к книге И. Скалы «Утренний поезд надежды» (М., 1976), возражая против однозначного определения его творчества и называя Скалу «интимным поэтом», «философским поэтом», «поэтом-публицистом», «гражданским поэтом», — по сути дела подметил особенность многих современных авторов, сочетающих в себе разные амплуа. Их многогранность — следствие полнокровного восприятия жизни, потребности отразить ее разные сферы и оттенки, а также проявление тех возможностей, которые дает их творческий материал. Поэтому неслучайно, что самым распространенным типом поэтического сборника 70-х годов является сборник «политематический», охватывающий большой круг разнообразных мотивов.

Богатейший проблемно-тематический регистр современной поэзии Чехословакии сочетается с жанрово-стилистическим многообразием, смелостью в художественном решении различной проблематики. Если в 40—50-е годы преимущественное развитие и теоретическую поддержку получали стиливые течения, идущие от реализма XIX в. и от поэзии Маяковского, если в последующие десятилетия наметилась тенденция к вытеснению «традиционного» стиха, то в настоящее время поэзия Чехословакии отличается творческой раскованностью, разветвленностью стиливых потоков. Рафинированный стих, возникший на волне напряженных эстети-

ческих поисков, характерных для искусства XX в., сочетается с вечно живым фольклорным, народно-песенным началом. Строгий сонет, пришедший из колларовских времен, и столь необходимый «разговорившимся поэтам» (Новелла Матвеева), ибо дисциплинирует художника, обуздывает его инстинкты, мирно уживается с верлибром, способным передать усложненный ход поэтической мысли, или с широкой «аполлинеровской» строфой, позволяющей излить поток захлестывающих поэта впечатлений. Стилевой полифонизм проявляется как в масштабах всей поэзии Чехословакии, так и в пределах индивидуального творчества поэтов, чей слог и стиль ярко отражает «синтезирующую силу» (выражение Д. Ф. Маркова) социалистического искусства, его склонность к художественному синтезу. Этот синтез происходит на разных уровнях. Так, например, в творчестве чешского поэта В. Гонса он происходит на уровне структуры, композиции крупноформатных произведений — поэм, в которых отчетливо просматриваются разные стилевые пласты, напоминающие о поэтике как реализма, так и символизма, сюрреализма, экспрессионизма. Его многоплановая поэма «Февраль» (1973), повествующая о смысле февральских событий 1948 г., подготовленных всем ходом исторического развития страны, напоминает ораторию, где сливаются в хоры и ансамбли, расходятся в дуэты и монологи голоса разных инструментов, декламаторов, певцов. Не прибегая к ремаркам и пояснительным текстам, автор варьированием разных шрифтов регулирует звук, подсказывает тональность и темп речи. Почти каждая тема, каждая партия и мотив имеют свой стилевой рисунок. Строгий язык исторического документа сочетается с сильными эмоциональными всплесками. Развивая, например, трагическую тему страдания угнетенных во время буржуазной республики или тему войны, поэт прибегает то к «бестелесной» символистской образности, то к кричащим краскам экспрессионизма, то к лихорадочно-нервному стиху, напоминающему технику письма сюрреалистов.

Если у Гонса ощущались «швы» между разными стилевыми слоями, то творчество таких поэтов, как Завада, Тауфер, Валек демонстрируют синтез на более тонком, как бы «биомолекулярном» уровне. И результатом его является не усложненная структура произведения, а неповторимый, индивидуальный стиль этих поэтов, трудно поддающийся механическому разъятию на составные элементы.

В дискуссии о современной советской поэзии, которая развернулась несколько лет назад на страницах «Литературной газеты», звучали высказывания, свидетельствовавшие о жажде поиска, тоске по новым глубинам и горизонтам поэзии. Со статьей под красноречивым названием «Четырехстопный ямб мне надоел» выступил поэт Ю. Левитанский. Критик Ал. Михайлов, возражая читателю, призывавшему следовать прежде всего пушкинской традиции и обвинявшему советских поэтов в том, что они «перешли грань разумного новаторства», писал: «Вот уже второй десяток лет русская поэзия в подавляющей количественной и качественной тенденции ориентируется на классику, на традиции, на Пушкина, и учеников за это время появилось немало... Поэзии наших дней не хватает страсти, современного масштаба мышления, не хватает пушкинской жажды обновления... Поэзия словно бы замирает перед пугающей новизной мира и отступает в давно обжитые пределы прекрасного. И никакое самое прилежное ученичество у самых высоких учителей не выведет ее из состояния летаргии, пока не возгорится пламя страсти к покорению этой новизны» [10].

Далеко не во всем соглашаясь с мнением Ал. Михайлова о современной советской поэзии, следует, однако, отметить, что в поэзии Чехословакии 70-х годов как раз пламенеет эта «страсть», а «жажда обновления»,

направляя практические усилия поэтов, во многом остается удовлетворенной.

Поиски нового ведутся при активном использовании уже накопленных ресурсов. Современная поэзия Чехословакии — это поэзия, преодолевшая многие крайности — как боязнь новизны, недоверие к новому, непривычному, так и пренебрежительное отношение к эстетическим традициям прошлого. Последнее, быть может, особенно важно. Ведь в годы кризиса делались попытки нарушить закон преемственности в развитии литературы, ослабить животворную связь с демократическим искусством прошлого. А это всегда грозит снижением эстетического уровня, потерей качества. Ведь вопрос традиций — во многом вопрос поэтической культуры, эрудиции современного художника, вопрос оснащенности его палитры всем спектром уже открытых искусством красок. Обращение к традициям, их актуализация расширяет возможности искусства, увеличивает, в конечном итоге, творческую свободу художника, делает более плодотворным его поиск. Открыть и создать «новое» легче тому, кто знает и ценит «старое».

Поэзия 70-х годов гордится своей родословной, открыто демонстрирует свою связь с искусством минувших времен. Его опыт присутствует в ней и в «растворенном» виде и в многочисленных реминисценциях из классики, которых много в поэзии И. Кайнара (реминисценции из Махи, Челаковского, словацких народных песен — в сб. «Последние известия», 1971), И. Скалы (вариации на темы поэзии Махи — «Маховское»; посвящения стихов Я. Врхлицкому — «Та, из-за которой ты страдал»), молодого поэта И. Слоуки (из Эрбена в тихих альманаха «Зеленые светлячки») и др. Характерно обращение М. Руфуса, А. Плавки, В. Мигалика к образам и мотивам славянского фольклора (В. Мигалик — сб. «Диалоги», 1974; А. Плавка — сб. «Не умер на коне», 1974; сб. «Завещание», 1976). Как бы отвечая тем, кто в 60-е годы пытался ослабить воздействие творчества Незвала на поэзию, современные авторы нередко подхватывают и развивают незваловские интонации и мотивы. Очень много образных, сюжетных, интонационных реминисценций из Незвала в сб. «Скалы. Что я беру с собой в дорогу» (стихотворения «Болезнь», «Ты, город», «Что я люблю», «Родной край»). «Письмо к Незвалу» помещает в сборник «Мост, это я» (1977) словацкий поэт Вильям Турчаны. Воссоздавая интонационно-ритмический рисунок «Эдисона», вводя в ткань своего стиха незваловские образы («Наши жизни — будто ночь и день»), он обращает к Незвалу горячее слово любви и признательности за «поэму поэм XX века», за неустанные поиски новых звезд, которые «обращают в прах радость бытия и смерти страх». О Незвале вспоминает П. Койш в стихотворении «Приземление в Праге». В ключе незваловских «100 сонетов в честь спасительницы вечного студента Роберта Давида» рассказывает о своей «последней первой любви» (одноименный сборник 1978 г.) В. Мигалик. С Незвалом его роднит не только форма — цикл сонетов, воссоздающих историю одной любви, — но и предельная искренность, бесстрашное обнажение душевных глубин, умение показать противоречивость испытываемых чувств.

Чехословацкую литературу 70-х годов отличает бережное и умное отношение к традициям как далекого, так и недалекого прошлого. Пожалуй, ни одна ценная, перспективная тенденция не забыта, не потеряна, все они введены в современность. Этому способствуют работы критиков и литературоведов (Л. Штолла, К. Розенбаума, В. Достала, Г. Грзаловой, С. Шматлака, Я. Дворжака, М. Благинки, Ш. Влашина и др.), которые помогают выработать правильное отношение к сложным периодам развития чехословацкой литературы, переосмыслить как отрицатель-

ный, так и положительный ее опыт. Этому способствует и авторитет творчества Л. Новомеского и В. Незвала, фигур сложных, синтетических, суммирующих в своей поэзии опыт разных течений, соединяющих в себе как бы разные литературные эпохи. Их искусство — великолепный пример неестественности социалистического писателя в выборе художественных средств. Оно помогает осознать и значение «традиционного» начала, и заряжает новые поколения писателей ценным творческим беспокойством, жаждой поиска.

Свою роль играет и широкая концепция социалистического реализма, объясняющая и стимулирующая стремление современного искусства к проблемно-тематической полноте, к художественному многообразию и синтезу. Сформулированная советскими учеными, она находит поддержку за рубежом, в том числе в Чехословакии, так как во многом опирается на опыт чехословацкой литературы XX в.; перекликается с воззрениями на социалистический реализм чешской и словацкой марксистской критики. Опираясь на реальные потребности творческой мысли, на объективные законы развития искусства, она стимулирует расширение кругозора писателя, сферы контактов современного художника с самыми различными эстетическими пластами и периодами, учитывает и обуславливает возможность притока в литературу социалистического реализма приемов и навыков, выработанных в русле разных художественных направлений.

В свете этой концепции проблемно-тематический и стилиевой полифонизм, который демонстрирует поэзия Чехословакии 70-х годов, воспринимается не как случайно сложившееся качество, а как закономерность развитого искусства социалистического реализма, проступающая особенно отчетливо, когда его принципы находят последовательное и творческое проявление.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Будагова Л. Н.* Слово, за которым стоит жизнь. О поэзии Чехословакии 70-х годов. — В кн.: Литература Чехословакии на современном этапе (в печати).
2. *Kouř P.* Spolu. Bratislava, 1976, s. 7.
3. *Tomáš J.* Báseň o Leninovi. Rudé právo, 1978, 27 I.
4. *Hrzalová H.* Poezie, která dala výhost smrtce. Rudé právo, 1979, 8 XII, s. 5.
5. Literární měsíčník, 1976, № 10, s. 77.
6. *Taujer J.* Co je a co není poezie. Tvorba, 1979, 10 V, s. 16.
7. *Ríha B.* Tvorba, 1978, 15 III.
8. *Nezval V.* Moderní poezie. Praha, 1958, s. 94.
9. Tvorba, 1972, 11 I.
10. Литературная газета, 1977, 1 VI, с. 5.

М. Л. БЕРШАДСКАЯ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СЛОВЕНСКОГО И ХОРВАТСКОГО ОБЩЕСТВА КОНЦА XVIII—НАЧАЛА XIX В. В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. ЛИНХАРТА И Т. БРЕЗОВАЧКОГО

За последние годы в работах советских ученых неоднократно говорилось о необходимости комплексного изучения национальных культур эпохи перехода от феодализма к капитализму, о задачах рассмотрения наиболее значительных литературных произведений того времени в связи с процессом формирования наций и национального самосознания. В настоящей статье нам хотелось бы на конкретном локальном материале показать, какие вопросы возникают перед историками и литературоведами при разработке проблем, связанных со взаимодействием литературных и социально-экономических процессов.

С этой целью в статье излагаются некоторые наблюдения над отражением социальной структуры словенского и хорватского общества конца XVIII — начала XIX вв. в произведениях словенского драматурга Антона Томажа Линхарта (1756—1795) и хорватского комедиографа Тито Брезовачкого (1757—1805).

Антон Линхарт был наиболее радикальным представителем словенского национального движения, возникшего в последней трети XVIII в. Как и другие деятели этого движения, группировавшиеся вокруг кружка мецената барона Жиги Цойса, Линхарт боролся за изучение родного языка, за введение обучения на нем в школах, за создание словенской национальной литературы, за разработку проблем отечественной истории. Словенский просветитель был не только горячим патриотом, но и последовательным демократом, сочувствовавшим идеям французской революции.

Этот патриотизм и демократизм Линхарта ярко проявился не только в его историческом исследовании «Опыт описания истории Крайны и других земель южных славян Австрии» (1788, 1791), но и в художественном творчестве, прежде всего в его комедиях «Старостина Мицка» и «Веселый день или Матичек женится».

Как и многие просветители, Линхарт уделял большое внимание развитию отечественного театра. Ему удалось организовать любительскую труппу, которая, начиная с 1787 г., неоднократно выступала на подмостках тогдашнего немецкого театра в Любляне с постановкой немецких пьес. Однако Линхарт стремился к созданию словенского национального репертуара и с этой целью написал в 1789 г. комедию «Старостина Мицка», стоящую у истоков словенского национального театра.

Комедия эта не является оригинальным произведением. Она была переработкой малозначительной пьесы второстепенного австрийского дра-

матурга Йозефа Рихтера «Сельская мельница», постановку которой Линхарт видел в Вене. Венский драматург рассказывает в своей пьесе историю обедневшего дворянина, обрученного с богатой молодой вдовой. Последнее, однако, не мешает ему волочиться за хорошенькой дочерью сельского старосты и даже делать вид, что он намерен жениться на ней. В тот момент, когда подкупленный им пьянчужка-писарь готов дать фальшивое свидетельство о помолвке, обман раскрывается, а обманщик вынужден выступить в роли свидетеля на подлинной помолвке Мицки с крестьянским парнем, глубоко и преданно любящим ее.

За небольшими исключениями Линхарт оставляет неизменной фабулу пьесы, однако переносит ее действие в горную словенскую деревушку, дает героям-крестьянам словенские имена, сохраняя при этом немецкие имена и фамилии у героев дворянского лагеря. Таким образом в пьесе тема феодального угнетения сливается с темой инационального дворянства.

В соответствии со своими демократическими убеждениями драматург призывает словенских крестьян отказаться от слепого и рабского подчинения чужеземному гнету, вспомнить о своем человеческом и национальном достоинстве. Этот протест против бесправия и угнетения крестьянства звучит у Линхарта гораздо сильнее, чем у Рихтера, который был сторонником умеренных реформ Марии-Терезии и Иосифа II. О свободомыслии Линхарта, о его боли за судьбы словенского народа свидетельствует и сцена, рисующая неграмотность крестьянства.

Весьма значительно то, что словенская речь впервые прозвучала с театральных подмостков в 1789 г. и что этот революционный для словенской культуры факт совпал с событиями Великой французской революции.

О связи Линхарта с идеями французской революции свидетельствует и его вторая пьеса «Веселый день или женитьба Матичека», являющаяся переработкой знаменитой комедии Бомарше «Безумный день или женитьба Фигаро». Линхарт привлекал мятежный дух этой пьесы, направленной как против конкретной политической ситуации Франции 70-х годов, так и против власти феодализма в целом.

По сравнению с французским источником комедия Линхарта содержит — как это установил словенский литературовед А. Гспан [1] — 14 новых и 40 в большей или меньшей степени измененных сценических явлений (и только 20 являются прямым переводом из Бомарше). Внесенные Линхартом изменения касаются как художественной структуры, так и непосредственно интересующих нас проблем.

Обращаясь к острой политической пьесе Бомарше, Линхарт сохраняет ее революционный дух, который находит особенно яркое выражение в монологах главного героя Матичека. Вместе с тем Линхарт делает пьесу верным отражением словенской действительности конца XVIII в. Это достигается последовательным «ословениванием» социальной проблематики, внесением значительного количества реалий, передающих местный колорит.

Место действия комедии Линхарта — Словения; все действующие лица занимают общественное положение, соответствующее социальному устройству тогдашней Словении, где почти не было крупного дворянства. В соответствии с этим граф Альмавива превращается в барона, а Фигаро, изучавший «химию, фармацевтику, хирургию», перепробовавший профессии ветеринара и драматурга, экономиста и банкюмета, журналиста и цирюльника, — в обыкновенного словенского крестьянина, ставшего — по воле барона — его садовником и домоправителем. Аналогичные изменения происходят и с другими героями.

Словенский колорит придан не только именам героев и их социальному положению, но и самой социальной критике, касающейся уже не Франции 70-х годов, а административных, судебных и налоговых реформ габсбургских властей. Так, в восьмой картине третьего действия адвокат Змешнява и писарь Будала, два представителя реакционной идеологии, являющиеся объектом жестокой критики со стороны Линхарта, выступают против созданных в 1747—1749 гг. провинциальных управлений, которые хотя бы до некоторой степени защищали крестьян от произвола дворянства. Этот произвол ярко показан Линхартом в сцене судебного разбирательства.

Выступает Линхарт и против указа Иосифа II от 1784 г., по которому немецкий язык во всей империи должен был стать единственным языком государственного управления и общественной жизни Австрийской империи. Когда Матичеку читают постановление суда на немецком языке, он протестует против этого. Интересно, что в протесте Матичека содержится и весьма ценное свидетельство об уровне тогдашнего национального самосознания, носившего в тот период еще провинциальный характер. Матичек требует, чтобы постановление суда было зачитано ему «по-краински», а не по-словенски, так как чувствует себя крайнем, а не представителем единого словенского народа.

Очень интересное воплощение находит социальная структура хорватского общества конца XVIII — начала XIX вв. в комедиях талантливейшего хорватского драматурга этого периода Тито Брезовачкого, значительно расширившего социальный круг героев художественной литературы, представившего самые различные слои тогдашнего хорватского общества.

В отличие от Линхарта, изображавшего в своем творчестве словенское село, Брезовачки уделяет преимущественное внимание жизни города, отразив некоторые начальные этапы урбанизации общественно-политического и экономического развития в Хорватии. В условиях распада дворянства и усиления отдельных крестьянских семей хорватские города (в данном случае — Загреб) становились средоточием наиболее предприимчивых крестьян, откупившихся от феодальной зависимости и отправлявшихся в город на поиски новой жизни, а также разорившихся дворян, вынужденных поступать на службу. Брезовачки очень хорошо почувствовал, что его время создает чрезвычайно интересный тип предприимчивого человека, ничем не брезгующего во имя достижения материальных благ, независимо от того, является ли этот «рыцарь первоначального накопления» безграмотным выходцем из крестьянства или разорившимся дворянином, облаченным в пышную судейскую мантию блюстителя отживающего феодального порядка.

Сложнейшие социальные процессы городской действительности и стали материалом для двух комедий Брезовачкого — «Матияш, чародей-ученик» (1804) и «Диогенеш» (эта комедия, видимо, была написана Брезовачки менее года спустя).

Первая из них посвящена проделкам молодого и энергичного студента Матияша, выдающего себя за «начинающего чародея». Матияш издевается над сапожником Смолко, который одержим жаждой разбогатеть, над обедневшим дворянином — юристом Юговичем, мечтающим поправить свои дела женитьбой на дочери состоятельного скорняка Вуксана, над жадными и беспутными чиновниками, существующими за счет взяток и шулерства.

Сатирические портреты всех этих персонажей оттеняют образ главного героя, в котором воплощен просветительский идеал образованного и разумного человека, ненавидящего праздность, жадность и суеверия.

Дух смелого протеста, которым проникнуты речи Матияша, судьба

дворянина Юговича свидетельствуют о том, что по косности сословного государства — и в реальной действительности, и в общественном сознании — уже нанесен страшный удар и что Хорватия стоит на пути духовного раскрепощения, являющегося прямым следствием падения сословных перегородок.

Об этом говорит и вторая комедия Брезовачкого — «Диогенеш». В центре комедии — ловкий и умный слуга Диогенеш и подобный Матияшу студент Змекниреп, беспощадно срывающие маски с представителей всех сословий тогдашней Хорватии.

В сатирических тонах изображает Брезовачки дворянина Светлогласа, королевского советника, который получает огромную плату за несколько должностей сразу, между тем как всю работу за него выполняют многочисленные, нищенски оплачиваемые секретари. Написанный с нескрываемым сарказмом, этот образ свидетельствует о ненависти Брезовачкого к бюрократическому аппарату, стоящему на службе дворянских привилегий.

Рядом с фигурой Светлогласа стоит Себирад, управляющий богатым имением, который за несколько лет службы сумел построить себе дом и собрать весьма значительную сумму денег. Диогенеш открыто заявляет Себираду, что он смог достичь этого только благодаря тому, что обкрадывал своего господина. Сатирическая тональность присутствует и в обрисовке образов доктора Похаби (т. е. калечащего своих пациентов), цирюльника Гулибрада.

Более сложно отношение автора к торговцам Шундибунди и Пазаровичу. Людей этой профессии Брезовачки также критиковал, утверждая, что «торговля и истина несовместимы». Вместе с тем, сознавая пользу деятельности торговцев, Брезовачки относился к ним с некоторой долей симпатии, чего нельзя сказать о его отношении к дворянству.

Однако полное сочувствие и понимание драматург проявляет лишь к хорватскому крестьянству, задавленному бесчисленными налогами и податями (например, крестьяне Загорья, родного края Брезовачки, платили более тридцати податей в пользу государства, феодалов и церкви). По сути дела комедия «Диогенеш» была первым в хорватской литературе произведением, в котором крестьяне изображались не как шутовские карнавалы, а как достойные уважения и сочувствия люди.

Брезовачки очень точно отражал не только социальную, но и этносоциальную структуру общества. Неслучайно один из его торговцев носит типично хорватскую (Пазарович), а второй — юмористическую, инонациональную фамилию (Шундибунди), что отражает соотношение национальных и инонациональных элементов в торговом сословии.

Таким образом Брезовачки описал все социальные слои своего времени (дворянство, мелкую буржуазию, ремесленников, чиновничество, торговцев, крестьян), показал процесс разложения дворянства и его последствия, дал ценные сведения о путях создания бюрократического аппарата, о взаимоотношениях отдельных социальных слоев между собой, о торговых связях Хорватии с другими землями.

Вместе с тем было бы неправильно считать произведения Брезовачкого или Линхарта простой иллюстрацией к историческим процессам той эпохи. Создавая яркое и целостное представление о социальной структуре общества своего времени, они вместе с тем могут стать одним из источников для выяснения спорных, нерешенных проблем, связанных с процессом формирования наций и развития национального самосознания.

Укажем лишь на некоторые моменты, доказывающие, на наш взгляд, справедливость подобного утверждения.

В. И. Злыднев справедливо говорит о том, что в «период раннего этапа национального Возрождения все силы передовых представителей народа были устремлены на утверждение национального самосознания, самобытности и развития просвещения..., объединяя различные слои общества. В этих условиях культура выступает важным фактором общественной жизни. Социальная дифференциация внешне не проявляется на данном историческом этапе, она как бы оттеснена национальными вопросами» [2]. Однако в анализируемых комедиях Линхарта национальная тенденция отражена гораздо слабее, нежели социальная, а у Брезовачкого первая почти полностью отсутствует. Какие причины это вызвали и было ли это явление характерно только для Хорватии и Словении или для просветительской драматургии других стран региона — на этот вопрос могут ответить только дальнейшие исследования филологов и историков, занимающихся вопросами становления национального самосознания и его взаимодействия с формирующимися национальными культурами.

Немалое количество проблем возникает и при сопоставлении комедий словенского и хорватского авторов. Выше уже говорилось, что образ Матичека, этого словенского Фигаро, возник под самым непосредственным влиянием Бомарше. Что же касается Брезовачкого, то у нас нет никаких оснований говорить о знакомстве хорватского драматурга с творчеством Бомарше, однако югославский литературовед М. Комбол справедливо называет Матияша «дальним родственником Фигаро» [3].

При сравнительном анализе комедий Линхарта и Брезовачкого возникает естественный вопрос, почему словенский Фигаро является типичным крестьянином, а его хорватские «братья» Матияш и Диогенеш связаны с городской культурой и выражают устремления плебейской интеллигенции и городских низов? Почему Брезовачки проявляет такое внимание именно к жизни города, а Линхарт фиксирует свой интерес преимущественно на малопоместном дворянстве и крестьянстве? Субъективные факторы, связанные с биографией писателей и их мировоззрением, отнюдь не помогают нам ответить на этот вопрос. Судя по биографии, о жизни города должен был писать Линхарт, родившийся в семье городского ремесленника и проживший большую часть своей жизни в городе, а не Брезовачки, который в течение многих лет был сельским священником. Что же до мировоззрения, то опять-таки радикально настроенный Линхарт, приветственно встретивший французскую революцию, скорее должен был понять роль города в политической и культурной жизни своего времени, чем умеренный и в ряде вопросов консервативный Брезовачки.

Скорее всего причину этого явления надо искать не в субъективных, а в объективных факторах общественного развития, оказавших на него самое прямое влияние.

Может быть, здесь дело в ином, гораздо более высоком уровне хорватского общественного сознания, в формировании которого немалую роль сыграло наличие собственного национального дворянства и национальной автономии? Может быть, на отношении Линхарта к городской культуре повлиял немецкий характер городов в словенских землях? О немецком характере словенских городов подробнее см. [4].

Подобные ответы выдвигаются автором сугубо гипотетически, ибо в этих проблемах еще много спорного как с точки зрения литературоведения, так и с точки зрения истории. Вместе с тем уже попытка рассматривать социально-экономический, политический и культурный аспекты в их нерасторжимой взаимосвязи, изучать литературу как составную часть процесса формирования общественного сознания дает литературоведам возможность более глубоко понять как типологические особенности литературного развития в эпоху становления наций, так и конкретную на-

циональную специфику литератур отдельных народов. Подобный подход может дать небезынтересный материал и для историков. В этом свете нам кажется, что было бы очень плодотворно рассмотреть судьбу комедии Бомарше в литературах рассматриваемого региона как в плане ее литературных адаптаций (вряд ли комедия Линхарта была единственным примером подобного рода), так и в плане типологического родства образов, аналогичных образам Фигаро, Матияша, Диогенеша и Матичека.

Рассмотрение этой темы в контексте процесса формирования наций и национального самосознания в странах Центральной и Юго-Восточной Европы было бы безусловно полезно не только для литературоведов, но и для историков. Подобная работа могла бы дать новый материал относительно этно-социальной структуры общества изучаемого периода, об общности и специфике социальных структур в условиях перехода от феодализма к капитализму, внести новые аспекты в изучение генезиса национального самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gspan A.* Spremna beseda. — In: Linhart A. T. Županova Micka. Veseli dan ali Matiček se ženi. Ljubljana, 1965, s. 128—129.
2. *Злиднев В. И.* Некоторые аспекты изучения проблем формирования национальных культур. — В сб. Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 18.
3. *Kombol M.* Povijest hrvatske književnosti do narodnog preporoda, czd. II. Zagreb, 1961, s. 409.
4. *Чуркина И.' В.* О некоторых особенностях формирования словенской нации. — Советское славяноведение, 1968, № 2, с. 13—18.

Ф. Т. ЖИЛКО

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ ГЛАСНЫХ НЕПЕРЕДНЕГО РЯДА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Диалектный континуум славянских языков имеет ареалы говоров с нейтрализацией фонологических оппозиций /a/ : /o/ (аканье) и /y/ : /o/ (уканье). Задача данной статьи состоит в том, чтобы выяснить некоторые теоретические вопросы и особенности нейтрализации дифференциальных признаков (ДП)-опозитов фонем указанных фонологических оппозиций (ФО) в славянском диалектном континууме.

Как известно, проблема нейтрализации ФО в современном языкознании является дискуссионной [1]. Нейтрализация ФО выражается снятием противопоставления ДП-опозитов фонем — носителей ФО, преобразованием их в интегральные признаки (ИП) и возникновением вариантов фонем в иррелевантных позициях. ДП-опозиты (по Р. Якобсону, термины ФО) в иррелевантных позициях меняют свою функцию дифференциальности на функцию интегральности и тем самым превращаются в ИП [2, с. 57—58], которые соотносительны с ДП-опозитами данных фонем в релевантных позициях форм соответствующих лексем [3]. ДП и ИП представляют собой выявление фонемных признаков («фонологически существенных признаков», по Н. Трубецкому). Термин дифференциальный признак по существу объединяет понятия ДП и ИП [4], тем не менее их всегда необходимо различать. Фонемный признак (ФП) в одних позициях структуры лексем имеет функцию дифференциальности, представляя собой ДП, а в других позициях — функцию интегральности, являясь ИП. Двойственность функций ФП отмечается также в парадигматических соединениях (микросистемах) фонем. В их синтагматических сочетаниях — лексемах (и морфемах) — синтагматические контрасты фонем в звуковом выражении характеризуют позиционную структуру лексем (и морфем). Звуковые экспоненты в позициях структуры лексем являются выражением позиций последних [5].

Варианты фонем — феномены фонологического уровня обусловлены превращением ДП-опозитов фонем в ИП их вариантов (в позициях нейтрализации ФО). Тогда как варианты звуков (звукотипов) — экспонентов фонем — феномены фонетического уровня и обусловлены их синтагматическими отношениями в формах лексем.

Нейтрализация ДП-опозитов фонем и превращение их в ИП выражается возникновением вариантов фонем нейтрализуемых ФО. Варианты фонем в позициях нейтрализации ДП-опозитов фонем в некоторых позиционных условиях выражаются тождественными звуками. Таким образом, возникает с и н к р е т и з м звуковой репрезентации феноменов

фонологического уровня. Поэтому интерпретацию вариантов фонем, т. е. идентификацию их с соответствующими фонемами необходимо обосновывать, исходя из их функции выражения знаковых элементов (означающих) значимых компонентов лингвистических единиц [6]. Вариант фонемы также является компонентом лексемы в ее иррелевантной позиции. Соотношение варианта и фонемы коррелируется соотношением иррелевантных и релевантных позиций лексемы в ее формах. Единство фонемы и ее вариантов определяется соотношением ее ДП-оппозитов в релевантных позициях лексемы с ИП ее вариантов в иррелевантных позициях. Нейтрализация ДП-оппозитов фонем и образование вариантов фонем дает основание для определения интра- и экстраструктуры фонем. Интраструктура фонемы характеризуется наличием ее ДП и ИП соответственно ДП и ИП фонем парадигматического сочетания (микросистемы). Экстраструктура фонемы выражается позиционным превращением ДП в ИП и образованием ее вариантов. В науке существует различная диахроническая интерпретация нейтрализации ДП-оппозитов фонем /а/ и /о/ [7].

В связи с ограниченностью размера статьи нейтрализация /а/ : /о/ освещается только в 1-м предударном слоге после твердых согласных (кроме шипящих) — наиболее характерной позиции неударного вокализма говоров русского и белорусского языков. Об ареале аканья в восточнославянских языках см. [7, карта № 1, с. 267].

Ареал нейтрализации ДП-оппозитов фонем /а/ и /о/ в 1-м предударном слоге акающих говоров русского языка отделяется от ареала отсутствия данной нейтрализации акающих говоров изоглоссой, которую можно изобразить следующей условной линией: севернее Пскова — Калинин — севернее Москвы — южнее Муром — Алатырь (Чувашской АССР) [8, карта-вклейка на с. 45]. Акающие говоры русского языка в основном делятся на две группы: 1) с недиссимилятивным аканьем, 2) с диссимилятивным аканьем. Кроме того, имеются говоры смешанного типа с диссимилятивно-недиссимилятивным аканьем. Ареалы недиссимилятивного аканья в южнорусских и среднерусских говорах ограничиваются изоглоссой, определяемой следующей условной линией: Себеж (Великолукской обл.) — южнее Ржева (Калининской обл.) — восточнее Мценска (Орловской обл.) — Старый Оскол (Белгородской обл.) [8].

В говорах с недиссимилятивным аканьем в 1-м предударном слоге отмечается нейтрализация ДП-оппозитов фонем /а/ и /о/, которая выражается отождествлением экспонентов их вариантов в виде звука [а]. Фонема /о/ в иррелевантной позиции (позиция нейтрализации) представлена ее вариантом, который характеризуется ИП «нижний подъем», а ДП-оппозит «нижний подъем» меняет свою функцию дифференциации на функцию интеграции и, таким образом, представляет собой ИП ее варианта. ДП-оппозит «лабиализованность» фонемы /о/ превращается в ИП «нелабиализованность». Фонема /а/ в позиции иррелевантности представлена вариантом, который характеризуется ИП «нижний подъем» и ИП «нелабиализованность». Таким образом, отмечается отождествление фонемных признаков в вариантах фонем нейтральной ФО, синкретизм звуковой репрезентации их вариантов. Идентификация вариантов фонем осуществляется различием их соотношений ИП с ДП-оппозитами фонем в позициях релевантности. А именно: ИП «нижний подъем» варианта фонемы /а/ соотносится с ее ДП-оппозитом «нижний подъем» в релевантных позициях, а ИП «нижний подъем» варианта фонемы /о/ соотносится с ДП-оппозитом «средний подъем» в релевантных позициях лексем. Аналогичным образом ИП «нелабиализованность» варианта /а/ соотносится с ее ДП-оппозитом «нелабиализованность» в релевантных позициях. Таким

образом, варианты фонем в позиции нейтрализации ФО представляют собой сочетание их ФП и тех ИП, которые возникли в результате преобразования их функции дифференциации в функцию интеграции. Например: [вадá], [вадý], [вад'э] // [вóдны], [вóдн'ик]; [сталá], [сталý], [стал'э] // [стóл'ик]; [травá], [травý], [трав'э]//[трав], [травн'ик] и т. д.

Релевантность и иррелевантность позиций гласных фонем определяется подвижностью ударения. Подвижность ударения и позиционная структура лексем выражают единство фонем и их вариантов. Тождественность звукового выражения вариантов фонем в позициях нейтрализации их ДП-оппозитов свидетельствует об асимметрии репрезентации элементов фонологического и фонетического уровней. Один звукотип может быть экспонентом вариантов двух и больше фонем.

Нейтрализацию ДП-оппозитов фонем /а/ и /о/, возникновение их вариантов и нейтрализацию /а/:/о/ можно моделировать в виде следующей формулы:

$$\frac{[g\bar{I}]}{[\acute{a}]_1} : \frac{[ml]}{[\acute{o}]_2} \leftrightarrow \frac{[g^o\bar{I}]/[g\bar{I}]}{[a]_1}, \frac{[g^o\bar{I}]/[m^oI]}{[a]_2}.$$

В данной формуле латинская буква *g* (*gravis* 'низкий') символизирует ДП-оппозит «нижний подъем», *I* (*labium* 'губа') — ДП-оппозит «лабиализованность», \bar{I} — ДП-оппозит «нелабиализованность», *m* (*medium* 'средний') — ДП-оппозит «средний подъем», нуль слева вверху символизирует ИП; косые скобки изображают фонологические элементы, квадратные — фонетические элементы, косые параллельные линии представляют выражение соотносительности ДП и ИП фонем и их вариантов; дробное обозначение обозначает отношение оппозитивности (фонологическую оппозицию), линия со стрелками с обеих сторон — соотношение оппозитивности и ее отсутствие (нейтрализацию); линия между верхними и нижними буквами разграничивает символы парадигматических (вверху) и синтагматических элементов (внизу); цифры обозначают позиции соответствующих лексем.

Позиции иррелевантности (нейтрализации) ДП-оппозитов фонем фонологических оппозиций делятся на два вида: 1) с соотношением ИП вариантов фонем с ДП-оппозитами фонем релевантных позиций форм соответствующих лексем; 2) с отсутствием соотношения ФП фонологических элементов иррелевантных позиций с фонемными признаками релевантных позиций форм лексем. В позициях первого вида иррелевантности ДП-оппозитов представлены варианты фонем. В позициях второго вида иррелевантности ДП-оппозитов фонем выражены особые фонологические элементы, которые следует назвать группофонемами. В Московской фонологической школе этот комплексный фонологический элемент называется гиперфонемой [9; 2, с. 64], хотя более адекватным представляется термин группофонема. Группофонема — комплексное сочетание фонем, объединенных обобщенным ДП-оппозитом, который в фонологической оппозиции противостоит ДП-оппозиту отдельной фонеме. Обобщенный ДП-оппозит группофонемы является фонемным признаком, основанным на ДП составляющих ее фонем.

В говорах с диссимилиативным аканьем русского и белорусского языков в тех позициях иррелевантности ДП-оппозитов, где отсутствует соотношение ИП фонологических элементов с ДП-оппозитами релевантных позиций форм соответствующих лексем, отмечаются группофонемы /а, о/ или /а, ъ, о/. Например: [барáн], [мал'йна], [маркѡв], [стакáн], [карма́н] и т. д.

В данных позициях группофонемы /а, о/ и /а, ъ, о/ имеют обобщенный ДП-оппозит «неверхний подъем», функция которого в противопоставле-

нии ДП-опозиту фонемы /у/. Например: [барáн]: [бура́н], [и-стакáн]: [истукáн] и т. д. Нейтрализацию ДП-опозитов фонем, входящих в группофонему /а, о/, возникшую в результате нейтрализации /а/ : /о/, можно представить следующей формулой:

$$\frac{/g\bar{l}/}{[\acute{a}]_1} : \frac{/ml/}{[\acute{o}]_2} \leftrightarrow \frac{[\bar{a}]/}{[a]_{1,2}}$$

В данной формуле буква а (acutus 'высокий') с минусом сверху символизирует обобщенный ДП «неверхний подъем» группофонемы /а, о/.

Говоры с диссимильативным аканьем на территории русского языка расположены на юго-запад от упомянутой выше условной линии: Себеж — Старый Оскол, символизирующей границу между недиссимильативным и диссимильативным аканьем. В ареал диссимильативного аканья входят также северо-восточные говоры белорусского языка, отграничивающиеся от белорусских говоров с недиссимильативным аканьем условной линией: южнее Браслава (Витебской обл. БССР) — западнее Могилева — восточнее Рогачева (Гомельской обл.) — западнее Новозыбкова (Брянской обл. РСФСР) [10, карта № 2; 22, карта № 38; 8, карта-вклейка на с. 45].

Принцип диссимильативного возникновения вариантов фонем в позиции нейтрализации ДП-опозитов заключается в том, что в 1-м предударном слоге вариант фонемы имеет ИП, противоположный ДП-опозиту фонемы ударного слога. Диссимильативным аканьем осуществляется различие в структуре лексем двух видов слогов: 1-го предударного и других неударных [11]. Диссимильативным аканьем в зависимости от предударного и неударных слогов выражена оппозиция непосредственной и опосредствованной близости к ударной позиции [12]. Гласный ударной позиции в говорах с диссимильативным аканьем своим ДП-опозитом по принципу противоположности определяет ИП вариантов фонем нейтрализованной фонологической оппозиции /а/ : /о/ в 1-м предударном слоге: перед ДП-опозитом «неверхний подъем» фонемы, принадлежащей к группофонамам /а, о/ или /а, ё, о/, выражены варианты нейтрализованных ДП-опозитов фонем /а/ и /о/ с ИП «нижний подъем», т. е. звуком [а], а перед фонемой /а/ в ударной позиции (с ДП-опозитом «нижний подъем») — варианты этих фонем с ИП «неижний подъем», выраженные звуком [ъ]. Иную точку зрения см. [13, 14, 15].

В зависимости от состава группофонемы с обобщенным ДП, выполняющим диссимильативную функцию определения вариантов фонем /а/ и /о/ в 1-м предударном слоге, отмечается несколько типов диссимильативного аканья в говорах русского языка. Описание моделей вокализма 1-го предударного слога см. [16, 17]. Наиболее распространенный тип диссимильативного аканья характеризуется тем, что в 1-м предударном слоге звук [а] является экспонентом вариантов фонем /а/ и /о/, если в ударной позиции одна из фонем группофонемы /а, о, ё, ё, и, у/; если же в ударной позиции — фонема /а/, то экспонентом вариантов данных фонем являются звуки, условно обозначаемые знаком [ъ], т. е. звуки «не-а». Этот тип диссимильативного аканья называется ж и з д р и н с к и м, или б е л о р у с с к и м (в связи с тем, что он распространен в говорах белорусского языка). Например: [в'дá], [тр'вá], [ск'зáл], [д'вáл], [ст'кáн] и т. д. [17, с. 65—96]. Жиздринский (белорусский) тип диссимильативного аканья распространен в ареале к югу и западу от изоглоссы, обозначенной условной линией: севернее Себежа (Великолукской обл.) — южнее Ржева (Калининской обл.) — восточнее Мосальска (Калужской обл.) — Старый Оскол (Белгородской обл.) [8, карта-вклейка на с. 45], т. е. в русских говорах на территории юго-западных областей РСФСР и в говорах белорусского языка на северо-востоке БССР.

Нейтрализацию ДП-опозитов фонем /а/ и /о/, возникновение их вариантов, т. е. нейтрализацию фонологической оппозиции /а/ : /о/ в говорах с диссимильтивным аканьем жиздринского (белорусского) типа можно представить следующей формулой:

$$\begin{aligned}
 \text{а) } & \frac{/g\bar{l}/}{[\acute{a}]_1} : \frac{/ml/}{[\acute{o}]_2} \leftrightarrow \frac{/^{\circ}g\bar{l}/\text{}/g\bar{l}/}{[a]_1}, \frac{/^{\circ}g^{\circ}l/\text{}/^{\circ}m^{\circ}l/}{[a]_2} + \frac{/e, o, \acute{e}, \acute{o}, \text{и}, y/}{[\acute{e}, \acute{o}, \acute{e}, \acute{o}, \acute{y}, \acute{y}]} \\
 \text{б) } & \frac{/g\bar{l}/}{[\acute{a}]_1} : \frac{/ml/}{[\acute{o}]_2} \leftrightarrow \frac{/^{\circ}g\bar{l}/\text{}/g\bar{l}/}{[ъ]_1}, \frac{/^{\circ}g^{\circ}l/\text{}/^{\circ}m^{\circ}l/}{[ъ]_2} + \frac{/a/}{[\acute{a}]}
 \end{aligned}$$

В данной формуле звук [ъ] символизирует экспоненты вариантов фонем /а/ и /о/ в 1-м предударном слого — звукотипы от весьма открытого [ъ^а] до отодвинутых назад гласных среднего подъема, а также звуки высокого подъема типа [ы].

Наряду с жиздринским (белорусским) типом диссимильтивного аканья в говорах на территории Белгородской обл. отмечен особый тип диссимильтивного аканья, который характеризуется тем, что перед фонемой в ударной позиции группофонемы /е, о, ê, ô/ с обобщенным ДП «ненижний подъем» в 1-м предударном слого экспонентом вариантов фонем /а/ и /о/ являются звуки, условно обозначаемые знаком [ъ], а перед ударяемыми фонемами /и/, /у/ — звук [а] в качестве экспонента вариантов данных фонем [18]. Например: [вѣд'ѣ], [нѣг'ѣ], [нѣ-стѣл'ѣ], [нѣ-дѣвр'ѣ], [стѣлѓ], [дѣврѓ], [вѣдѓ], [трѣвѓ] и т. д. Данный тип диссимильтивного аканья назван архаическим. Он характеризуется тем, что состав группофонем и обобщенные ДП находятся в зависимости от происхождения звуков [а] и [е]-экспонентов соответствующих фонем. В говорах с архаическим типом диссимильтивного аканья, сосуществующим с яканьем обоянского типа, звук [о], который происходит из *ѣ* или *о* (с нисходящим ударением), а также соответственно *е* или *ь*, имеет несколько пониженный средний подъем, несколько делабиализован (в транскрипции его обозначают б или ѳ). Также и звук [е], который происходит из *е* или *ь*, тоже несколько пониженного среднего подъема (обозначается е) [18]. Таким образом, звуки [ѳ] и [е] являются экспонентами фонем /о/ и /е/, отличающихся от фонем /ô/ и /ê/ тем, что последние имеют ДП «верхне-средний подъем». Поэтому в 1-м предударном слого в позиции перед ударными гласными группофонемы /а, о, е/, экспонентами которых являются звуки: [ѳ] < ѣ, о (с нисходящим ударением), [е] < е, ь (с обобщенным ДП «нижний подъем»), экспоненты вариантов фонем /а/, /о/ выражаются звуками, обозначаемыми знаком [ъ], а перед ударными гласными группофонемы /и, у, ô, ê/, из которых ô < о (с восходящим ударением) и ê < ѣ (с обобщенным ДП «ненижний подъем»), экспоненты их вариантов выражены звуком [а]. Например: [вѣдá], [нѣгá], [трѣвá], [скѣзáл], [дѣвáл], [стѣкáн], [стѣлѓ], [дѣврѓ], но: [вад'ѣ], [наг'ѣ], [нѣ-стал'ѣ], [нѣ-двар'ѣ], [сталѓ], [дварѓ], [вадѓ], [дајѓ], [вады] и т. д.

Говоры с архаическим типом диссимильтивного аканья распространены на территории Белгородской, Воронежской и Липецкой обл.

В части говоров с диссимильтивным аканьем экспонентом вариантов фонем /а/ и /о/ в 1-м предударном слого перед ударяемой фонемой /а/ определяется звук [ы]. В связи с этим изменяется модель диссимильтивного аканья, исчезает различие ДП-опозитов не только фонем /а/ и /о/, но и фонемы /ы/ [19; 17, с. 71—72]. Например: [сыраіѣ], 'сарая' и 'сырая', [быкá] 'бока' и 'быка', [мылá] 'мала' и 'мыла' и т. д.

Нейтрализацию ДП-опозитов фонем /а/ и /о/, а также /ы/ в говорах с диссимильтивным аканьем, где не различаются ДП-опозиты фонем

/a/, /o/ и /ы/, можно представить следующей формулой:

$$\frac{/g\bar{l}/}{[\acute{a}]_1} : \frac{/ml/}{[\acute{o}]_2} : \frac{/a\bar{l}/}{[\acute{y}]_3} \leftrightarrow \frac{/{}^o a \acute{o} \bar{l} / / g \bar{l} /}{[\text{ы}]_1}, \frac{/{}^o a \acute{o} \bar{l} / / ml /}{[\text{ы}]_2}, \frac{/{}^o a \acute{o} \bar{l} / / a \bar{l} /}{[\text{ы}]_3} + \frac{/a/}{[\acute{a}]}$$

Кроме описанного выше недиссимилятивного и различных типов диссимилятивного аканья в говорах русского языка имеются также переходные типы от оканья к аканью (полновский, гдовский типы и аканье с ассимилятивным оканьем) [17, с. 67—69].

Диалекты белорусского языка в основном характеризуются аканьем. Только на юге белорусской территории распространены окающие говоры. Аканье в говорах белорусского языка представлено двумя основными типами: 1) недиссимилятивное и 2) диссимилятивное. Кроме того, между ареалами говоров с недиссимилятивным и говоров с диссимилятивным аканьем имеются говоры смешанного типа (диссимилятивно-недиссимилятивное аканье).

В белорусских говорах с недиссимилятивным аканьем в 1-м предударном слоге (после твердых согласных и заднеязычных), как и в говорах русского языка с недиссимилятивным аканьем, экспонентом вариантов фонем /a/ и /o/ является звук [a]. Например: [вада́], [вадо́й], [вада́'э]; [трава́], [траво́й], [трава́'э], [става́], [дава́'ока] и т. д. [20, с. 22—24; 21]. Ареал недиссимилятивного аканья охватывает значительное большинство говоров белорусского языка. С северо-востока ареал недиссимилятивного аканья отделяется изоглоссой от диссимилятивного аканья условной линией, определенной выше. С юга ареал недиссимилятивного аканья ограничен условной линией: севернее Пружан (Брестской обл. БССР) — Калинковичи (Гомельской обл.) — Лоев [10, карта № 2, 22, карта № 34].

В ареале к югу от окающих говоров белорусского языка распространены говоры смешанного типа с аканьем и оканьем. В говорах с аканьем при наличии оканья выражено ассимилятивное аканье: переход [o] в [a] перед ударным [á]. Данное явление считают первым этапом развития аканья в белорусском языке. Следующим этапом является аканье перед гласными нижнего и верхнего подъема [23]. Например: [валаса́], [хаз'áка], [ган'áла], [злама́ла], [хутары́], [прасхн'э] и т. д.

Аканье смешанного типа (диссимилятивно-недиссимилятивное) в говорах белорусского языка отмечается между ареалами диссимилятивного и недиссимилятивного аканья — на территории западной части Витебской обл., на западной окраине диссимилятивного аканья в границах Могилевской и Гомельской обл. [20, с. 18—22; 10, карта № 1].

Аканье в говорах украинского языка является частью восточнославянского недиссимилятивного аканья. В украинских говорах аканье распространено в северных районах Черниговской обл., частично в Сумской и на крайнем северо-востоке Киевской обл. [24, с. 40, 154—155; 25, с. 212]. Аканье в говорах украинского языка характеризуется признаками, не соответствующими аканью в говорах русского и белорусского языков: а) равномерным распределением экспираторной силы слогов в структуре лексем; б) отсутствием количественной редукции неударных гласных [a] и [o]; в) ослабленной в ряде окающих говоров кульминативной функцией ударных слогов [25]. Например: [аго́н'], [вада́], [галава́], [гаро́д], [ласта́ўка], [бстраў], [ба́т'ка]//[ба́т'ко], [ти́ха]//[ти́хо], [маго́], [тваго́], [до́брага] и т. д.

В ареалах контактов окающих и акающих белорусских говоров и частично в северной полосе полесских говоров украинского языка в предударных и последударных слогах наблюдается особый тип безударного вокализма, названный ко н о т о п с к и м [26; 20, с. 30—35; 27]. Э тот

тип безударного вокализма характеризуется субституцией этимологической фонемы /а/ фонемой /о/ в безударных слогах. Данное явление следует назвать фонологическим гиперизмом. Сущность фонологического гиперизма заключается в том, что этимологическая фонема (в данном случае фонема /а/) в безударных позициях лексем тех говоров, которые находятся в длительной стабилизированной конфронтации с говорами, где в тех же позициях происходит нейтрализация ДП-опозитов фонологических оппозиций, подвергается субституции противопоставляемой фонемой (в данном случае фонемой /о/). Оказывая языковое сопротивление, конфронтирующие говоры усваивают нейтрализацию ДП-опозитов фонологической оппозиции, но осуществляют ее наоборот. В данном случае ДП-опозиты фонем /а/ и /о/ в нерелевантных позициях нейтрализуются путем субституции в направлении, противоположном направлению нейтрализации их в конфронтирующем говоре. ДП-опозит «нижний подъем» фонемы /а/ заменяется ДП-опозитом «средний подъем» фонемы /о/, который превращается в ИП, а ДП-опозит «средний подъем» тем самым превращается также в ИП. Аналогичная субституция происходит и с ДП-опозитами «нелабиализованность» и «лабиализованность». Гиперическое оканье, т. е. гиперическую нейтрализацию ДП-опозитов фонем /а/ и /о/ — гиперическую нейтрализацию фонологической оппозиции /а/:/о/ можно представить следующей формулой:

$$\frac{/g\bar{l}/}{[\acute{a}]_1} : \frac{/ml/}{[\acute{o}]_2} \leftrightarrow \frac{/m^o\bar{l}/}{[o]_1} , \frac{/m^o\bar{l}/}{[o]_2} .$$

Гиперическая нейтрализация /а/:/о/ распространена на юге белорусского языкового ареала (преимущественно в говорах юга Гомельской обл. БССР) [28; 10, карта № 3]. Например: [бозáр], [гозéту], [горбúз], [кортóшку], [корáс'], [мол'йна], [сторúха], [трóвá], [сомóй], [молá], [козáла], [нойшлá] и т. д.

Гиперическая нейтрализация распространена также в части говоров украинского языка, находящихся в конфронтации с акающими говорами белорусского языка. Например: [знáхорка], [робíна] (брестско-полесские говоры); [борáн], [бот'ки'], [бротí], [год'ука], [мол'йна], [квосл'а], [содов'ина], [но-стол'é], [зо-столбм], [дúмоў] (правобережно-полесские говоры) [29].

Нейтрализация ДП-опозитов фонем /а/ и /о/ и нейтрализация /а/:/о/, напоминающая недиссимилятивное аканье говоров русского и белорусского языков, известна также говорам болгарского языка — в частности, в смолянском диалекте (особенно в его южных говорах), принадлежащем к родопским диалектам. В этих болгарских говорах варианты фонем /а/ и /о/ в 1-м предударном слоге выражены звуком [а], средним между звуками болгарского языка [а] и [ъ] [30, с. 89]. Например: [вадйца], [гарйца] 'лесок', [кабила], [дашбл], [атйде], [мамá] 'девушка' и т. д.

На востоке ареала родопских говоров: в балканских [30, с. 74], в некоторых тракийских и рупских говорах — распространена нейтрализация ДП-опозитов фонем /а/ и /о/, т. е. нейтрализация /а/:/о/ вообще во всех безударных позициях [30, с. 136]. Варианты фонем /а/ и /о/ в иррелевантных позициях в этих говорах экспонированы звуком [ъ]. Например: *дар* — *дърувé*, *бъштá* 'отец' и т. д.

Основу аканья в говорах болгарского языка усматривают в редукции звуков [а] и [о] в безударных слогах, а также в процессе изменения древнеболгарских *р*, *е*, *ъ*, *ь* в ударных слогах в звук [о], а в безударных — в [а]. Передвижение ударения на один слог от финального при условии соответствия *ó* — *á* повлияло на то, что звук [о] в 1-м предударном слоге

превратился в [a] [31]. Например: *годи́на* > *гади́на* 'год', *кокби́шка* > *ка-кби́шка* 'курица' и т. д.

В отличие от говоров восточнославянских и болгарского языков в говорах словенского языка нейтрализация ДП-опозитов фонем /a/ и /o/ и нейтрализация /a/:/o/ возникла в кратких неконечных слогах [32, с. 36—37]. Аканье отмечается также в неудлиненных кратких ударных слогах. В словенском языке аканье имеется в доленском, церклянском, хорьюлском диалектах и в некоторых говорах зильского диалекта. Позиционно ограниченная нейтрализация /a/:/o/ (после губных и веллярных согласных) наблюдается в посавском и черновршском диалектах [32, с. 38—42]. В большей части говоров горенского диалекта нейтрализация /a/:/o/ ограничена позицией послеударного нефинального слога [32, с. 40].

В славянском диалектном континууме в значительно меньшей мере по сравнению с аканьем распространено уканье, т. е. нейтрализация ДП-опозитов фонем /y/ и /o/ и нейтрализация оппозиции /y/:/o/. Уканье отмечается в говорах украинского, болгарского и словенского языков. Сравнительно широк ареал уканья в говорах украинского языка: часть юго-западных говоров [24, с. 177—178, 191, 197, 204, 237] и брестско-полесский диалект (на юге Брестской обл. БССР), примыкающий к полесской группе белорусских говоров [24, с. 169]. Основой нейтрализации фонологической оппозиции /y/:/o/ в говорах украинского языка является неравномерное распределение экспираторной силы ударных и неударных слогов и вокальная ассимиляция [33, 34, 35]. В результате нейтрализации фонологической оппозиции /y/:/o/ ДП-опозит фонемы /y/ в неударных слогах превращается в ИП ее варианта, который в границах форм соответствующих лексем соотносится с ее ДП «верхний подъем» в ударных слогах. Вариант фонемы /o/ в иррелевантных позициях вместо ДП «средний подъем» имеет ИП «высокий подъем», который соотносится в ударных позициях с ее ДП «средний подъем». Например: [дубі́] 'доби' (суток), 'дуби́'; [куті́] 'кути' (углы), 'коти́'; [жулі́] 'коли' (когда) и т. д.

Нейтрализация /y/:/o/ в говорах украинского языка осуществляется независимо или в зависимости от гласных с ДП «высокий подъем» ударных слогов, а также в зависимости от ударности /неударности финальных слогов (в части говоров отсутствует нейтрализация данной ФО в неударных слогах). Нейтрализацию ДП-опозитов фонем /y/ и /o/, а также нейтрализацию /y/:/o/ можно представить следующей формулой:

$$\frac{/a/}{[y]_1} : \frac{/m/}{[ó]_2} \leftrightarrow \frac{/^o a//a/}{[y]_1}, \frac{/^o a//m/}{[y]_2 \text{Г}}$$

В ареалах конфронтации укающих и окающих говоров украинского языка наблюдается гиперическая нейтрализация оппозиции /y/:/o/, выраженная спорадически, в отдельных лексемах. Гиперическое оканье, т. е. нейтрализация ДП-опозитов фонем /y/ и /o/, отмечается на севере поднепровских, в западноподольских и западнестепных говорах. Например: [госа́д'ба] (усадыба), [кол'ім], [кор'ін'] (курень), [огóл] (угол), [сос'іда], [отрба] (западноподольские говоры); [голоб́и], [докач'іу] (дукачей), [опра́ва] (управа), [очені́к] (ученик), [очі́тел'ка], [ходба] (западнестепные говоры).

Гиперическую нейтрализацию ДП-опозитов фонем /y/ и /o/, нейтрализацию оппозиции /y/:/o/ можно представить следующей формулой:

$$\frac{/a/}{[y]_1} : \frac{/m/}{[ó]_2} \leftrightarrow \frac{/^o m//a/}{[o]_1}, \frac{/^o m//m/}{[o]_2}$$

Нейтрализация фонологической оппозиции /y/:/o/ в неударных слогах и экспонент вариантов фонем /y/ и /o/ — звук [y] наблюдается в восточных говорах болгарского языка. Данная нейтрализация обусловлена редукцией звука [o], который в одних восточных болгарских говорах приближается к звуку [y], а в других ему тождествен. Нейтрализация оппозиции /y/:/o/ распространена в некоторых родопских, тракийских и балканских говорах болгарского языка [30, с. 136]. Например: [зелѣну], [дѣруве] и т. д. В послеударных слогах данная нейтрализация отмечена в смолянском диалекте: [мѣслу], [жѣлну] и т. д., а также в банатском диалекте: [имѣлу], [плѣтну] и т. д. [30, с. 90, 125].

Нейтрализация оппозиции /y/:/o/ наблюдается в части диалектов словенского языка, где она обусловлена редуکتивным сужением краткого [o] в направлении к звуку [y] или даже в совпадении с последним, тем самым напоминая уканье в говорах украинского и болгарского языков. Нейтрализация оппозиции /y/:/o/ имеется в штирийских диалектах. В большинстве говоров горенского диалекта данная нейтрализация ограничена предударными слогами, а в черновршском и посавском диалектах нейтрализуются ДП-опозиты фонем /y/ и /o/ в предударных слогах и только после губных и велярных согласных [32, с. 40].

Описанные выше нейтрализации ДП-опозитов фонем переднего ряда /a/, /o/, /y/, нейтрализации фонологических оппозиций /a/:/o/ и /y/:/o/ в славянском диалектном континууме распространены в ареалах говоров восточнославянских и частично южнославянских языков. Нейтрализация /a/:/o/ наблюдается в виде большого сплошного ареала на северо-востоке славянского диалектного континуума — в южнорусских и среднерусских говорах, в абсолютном большинстве говоров белорусского языка и частично на крайнем севере говоров украинского языка (на границе с белорусскими говорами). Кроме того, имеются два периферийных ареала в южнославянских языках — в восточных диалектах болгарского и в части диалектов словенского языков.

Нейтрализация оппозиции /y/:/o/ сравнительно с нейтрализацией /a/:/o/ в говорах славянских языков представлена меньше. Отдельными ареалами отмечена она на западе территории украинского языка, на востоке болгарского и в говорах некоторых диалектов словенского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлев В. К. К проблеме нейтрализации фонологических оппозиций. — ВЯ, 1972, № 3.
2. Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
3. Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. — ВЯ, 1963, № 1, с. 30—31; 1966, № 5, с. 16—17.
4. Раевский М. В. К вопросу о функциях и природе фонологически существенных признаков фонем. — В кн.: Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучения произношению. М., 1973, с. 33.
5. Реформатский А. А. Фонологические заметки. — ВЯ, 1957, № 2, с. 101 (перепечатано в кн.: Из истории отечественной фонологии, с. 482).
6. Бульгина Т. В. К уточнению понятия «маркированность/немаркированность» в связи с понятием нейтрализации. — В кн.: Фонологический сборник. Донецк, 1968, с. 32—33.
7. Czekan W. Akanie. Istota zjawiska i jego pochodzenie. — Slavia Orientalis, 1975, г. XXIV, 3.
8. Строганова Т. Ю. О характере реализации гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после твердых согласных в говорах с диссимилятивным аканьем. В кн.: Русские говоры. М., 1975.
9. Сидоров В. Н. О Московской фонологической школе. — В кн.: Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971, с. 17.
10. Дзялекталагічны атлас беларускай мовы. Пад рэд. Р. І. Аванесавы, К. К. Крапівы і Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1963, карта № 2.

11. Руделев В. Г. Современные диалекты русского языка. Тамбов, 1978, с. 45.
12. Лекон И. Насоки в развоју на фонолојичните системи на славјанските езици. Софија, 1960, с. 61.
13. Руделев В. Г. Архаическо дисимилятивно аканье в русских, белорусских и украинских диалектах. — В кн.: Тыпалогія і ўзаемадзеянне славянских моў і літаратур. Мінск, 1973, с. 191—193.
14. Войтович Н. Т. К вопросу о путях развития аканья в восточнославянских языках. — В кн. Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. М., 1972, с. 38—39.
15. Конечна Г. Ассимиляция и дисимиляция. ВЯ, 1958, № 3, с. 93.
16. Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, с. 37—66.
17. Аванесов Р. И. Русский вокализм 1-го предударного слога. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. М., 1972.
18. Строганова Т. Ю. Одна из особенностей южнорусского вокализма. ВЯ, 1955, № 4.
19. Бысотский С. С. К вопросу о дисимилятивном принципе. — В кн.: Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977, с. 54—55.
20. Вайтович Н. Т. Ненаціскны вакалізм народных гаворак Беларусі. Мінск, 1968.
21. Яшкін І. Я. Узаемадзеянне рознадзялектных сістэм (Фанетыка). Мінск, 1976, с. 72—77.
22. Лінгвістычная геаграфія і груповка беларускіх гаворак. Пад рэд. Р. І. Аванесова, К. К. Атраховіча (Крапівы) і Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1969.
23. Войтович Н. Т. Окающе-акающий вокализм в белорусских говорах. — В кн.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964, с. 102—110.
24. Жылько Ф. Т. Нариси з діалектології української мови, вид. 2. Київ, 1966.
25. Назарова Т. В. Аканье в украинских говорах. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М., 1977.
26. Вайтович Н. Т. Оканье у гаворках Беларусі. Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук, 1961, № 3, с. 110.
27. Леконцева М. И., Толстая С. М. Фонологический комментарий к полесским диалектам. — В кн.: Полесье. М., 1968, с. 51.
28. Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Пад рэд. Р. І. Аванесова. Мінск, 1964, с. 48—49.
29. Назарова Т. В. Деякі фонетичні гіперізмы в українських говірках нижньої Прип'яті. — Діалектологічний бюлетень, вип. VIII. Київ, 1961.
30. Стойков С. Българска диалектология, изд. 2. София, 1968.
31. Бернштейн С. Б. Сборник ответов на вопросы по языкознанию (К IV Международному съезду славистов). М., 1958, с. 218.
32. Риглер Я. К проблеме аканья. — ВЯ, 1964, № 5.
33. Григорчук Л. М. Зображення діалектних явищ і тенденцій у II т. Атласу української мови. — В кн. Праці XIII республіканської діалектологічної наради. Київ, 1970, с. 146.
34. Григорчук Л. М. Аккомодация, ассимиляция и гармония гласных. — В кн.: Сопощание по Общеславянскому лингвистическому атласу. Тезисы докладов. М., 1971, с. 24—25.
35. Григорчук Л. М. Динаміка народної уснорозмовної мови і лінгвогеографія. Мовознавство, 1969, № 6.

Г. И. ЧЕРНЯВСКИЙ

ЗАПАДНАЯ БУРЖУАЗНАЯ И РЕФОРМИСТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ХАРАКТЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В БОЛГАРИИ МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

После второй мировой войны в западной буржуазной и реформистской историографии повысился интерес к новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, совершавших переход от капитализма к социализму и добившихся крупных успехов на этом пути. Усилилось внимание и к болгарской истории. Применительно к развитию Болгарии в межвоенное двадцатилетие наибольший интерес вызывали две проблемы — характер политических режимов и развитие революционного рабочего и коммунистического движения. В данной статье речь пойдет об основных тенденциях буржуазно-реформистской историографии в оценке первой проблемы.

В западной буржуазной историографии крайне редко предпринимались попытки обрисовать общую политическую ситуацию в стране между мировыми войнами. Так, С. Блэк, профессор Принстонского университета, «ведущий специалист по России и Восточной Европе», как его представляют издатели [1, р. 209], относит Болгарию к «третьей модели модернизации», характерной для стран, развивающихся под влиянием французской революции XVIII в. Понятием «модернизация» автор подменяет социально-экономические формации, в частности капитализм с его монополистической стадией, а установлением прямой связи между болгарской «модернизацией» и французской революцией стремится подчеркнуть единство политических путей Болгарии и Запада. Болгария включается им в ту «дюжину» стран Европы, где медленное развитие лишь частично объяснялось недостатком ресурсов, а в основном связывалось с политической, отдававшей предпочтение «безопасности, стабильности и преемственности по сравнению с экономической и социальной трансформацией» [1, р. 91, 114, 116]. Совершенно очевидно, насколько эта формализованная, не связанная с основными факторами и тенденциями развития Болгарии «модель» искажает историю страны в новое и новейшее время.

Другая сравнительно недавняя попытка общей оценки была предпринята американским профессором Дж. Ротшильдом, считающимся на Западе специалистом в области болгарской истории. По его мнению, в Болгарии отсутствовали объективные условия для социальных конфликтов. Игнорируя прогрессирующее классовое расслоение и другие факторы, определявшие остроту классовой борьбы, Ротшильд объясняет насилия

и экстремизм в стране такими обстоятельствами, как «потерпевший крушение национализм», наличие «крупной и хорошо организованной» ирредентистской общины. Именно они, по словам автора, причина большинства «внутренних насилий» межвоенного периода, которым лишь способствовали «активные анархистские и коммунистические движения»; при этом не получивший широкого распространения анархизм ставится в один ряд с коммунистическим движением [2, р. 323], являвшимся действительно важнейшим фактором социально-политической жизни страны 20—30-х годов.

Эмигрант Д. Попов в книге «Болгария смотрит на Запад!» более всего озабочен тем, чтобы скрыть от читателей чувства симпатии и уважения болгар к русскому народу не только как к великой нации, совершившей вместе с другими народами России первую в мире социалистическую революцию, но и как к освободителю Болгарии от османского рабства. Болгары, считает он, в прямом противоречии с установленными фактами, «оставались совершенно чуждыми какому-либо культурному влиянию России», под «внешним миром» болгарская интеллигенция понимала «только Запад» [3, S. 116]. Эта примитивная фальшь понадобилась для того, чтобы приписать болгарскому народу антисоциалистические, прогерманские устремления, приверженность к монархизму, для клеветы на новую, народную Болгарию.

Впрочем, в буржуазной историографии можно встретить суждения и иного свойства. Этнограф И. Сандерс, имевший возможность наблюдать жизнь и быт болгар, отмечал, что «обаяние Запада» было весьма слабым, особенно среди молодого поколения. Признавая русское культурное воздействие, он, однако, делал ошибочный вывод, что именно в нем содержалась «прелюдия коммунизма» в Болгарии. Влияние БКП на трудящихся трактуется им в панславистском духе [4].

Относительно большое место в западной историографии занимает вопрос о правительстве БЗНС. В большинстве изданий это правительство и его глава А. Стамболийский характеризуются в умеренных тонах. Правда, в литературе наиболее правого идеологического направления можно встретить резко негативные высказывания. Так, А. Ранда утверждал: «В лице крестьянского вождя Стамболийского страна получила жестокого диктатора, который урезал царские прерогативы и твердой рукой истреблял своих врагов» [5]. Весьма отрицательно оценивал крестьянское движение и правительство Стамболийского в разделе «Аграрная диктатура» Дж. Роуцек, являвшийся во время выхода его книги с двусмысленным подзаголовком «Международные отношения на ничьей земле», руководителем департамента политических наук колледжа в Гемпстеде (США). Рост авторитета БЗНС в конце войны этот автор объяснял лишь дискредитацией царя Фердинанда и его окружения, игнорируя факторы, вызвавшие революционный подъем, и проявления этого подъема. Роуцек пренебрежительно характеризует крестьянство Болгарии как «наиболее консервативное и лишенное юмора на всех Балканах. Социальная точка зрения каждого крестьянина ограничена горизонтом деревни» [6, р. 49]. Эту характеристику Роуцек переносил на БЗНС. Стамболийский, как он заявил, после февраля 1920 г. (ошибка в месяц в дате парламентских выборов для него, как и многих других буржуазных авторов, роли не играет) управлял страной «с той же жестокостью, как позже это делал пресловутый Гитлер». Совершенно неправоммерно сопоставляя крестьянского лидера с фашистским диктатором, автор стремится возбудить к Стамболийскому ненависть читателя (следует иметь в виду, что книга вышла вскоре после разгрома фашизма). Роуцек писал, будто многие прежние министры были осуждены на смерть или изгнаны, «некрестьянские лидеры»

(виновники национальной катастрофы Болгарии, как было в действительности.— Г. Ч.) подвергались преследованиям [6, р. 51].

Британские авторы Макарти и Палмер специфику ситуации в Болгарии после первой мировой войны видели лишь в том, что героем событий стал «ни либеральный политик, ни красный агитатор, ни военный герой, а крестьянский трибун». Стамболийского они изображают человеком властолюбивым с крайне индивидуалистическими идеями и умственно ограниченным. Считая «крестьянскую диктатуру» уникальным эпизодом, они обращают особое внимание на то, что «ни один коммунист никогда не брал буржуазию так усердно, как крестьянский трибун», а в качестве наиболее неприемлемого акта его правительства называют введение «бесплатного принудительного труда» [7, р. 226—227]. Американские историки С. Блэк и Э. Хелмрейх, признавая, что Стамболийский взял в свои руки управление в интересах крестьян, составлявших 80% населения, в то же время сокрушаются по поводу «урезанной» свободы прессы и ограничения прав Софийского университета [8].

Однако большинство буржуазных авторов признает сильное влияние БЗНС после первой мировой войны. Об этом писал, например, крупный английский историк Х. Сетон-Уотсон, отмечавший, что БЗНС был наиболее радикальной в Европе аграрной партией [9, р. 28, 36]. В другой работе Сетон-Уотсон в общих чертах охарактеризовал политику правительства Стамболийского, тщательно избегая итоговых оценок, но в целом позитивно. Вместе с тем автор высказал мнение, что «аграрии», так он предпочитает называть БЗНС, «не были политической партией в прямом смысле слова», ибо число членов БЗНС не было ясно определено и «еще менее определенной была их программа» [10, р. 243, 255]. При этом автор игнорировал различные критерии, позволяющие считать БЗНС сословной мелкобуржуазной крестьянской партией. В действительности же у БЗНС имелась своя довольно четкая, хотя и глубоко ошибочная программа. Своей трактовкой Сетон-Уотсон, по-видимому, хотел затушевать существенные различия между правительством БЗНС и властью фашистских заговорщиков, показать неизбежность и естественность смены одного другим.

Сходны по существу и оценки Дж. Ротшильда, который, называя Стамболийского «фактическим диктатором от его вступления в должность премьера в октябре 1918 г. (?) до свержения и убийства в июне 1923 г.», характеризует его как «наиболее выдающегося крестьянского лидера послевоенной Восточной Европы» [11]. Негативное отношение к правительству БЗНС проявилось в другой книге автора, где он считает референдум о суде над виновниками национальной катастрофы (1922) демагогическим [2, р. 339].

Профессор Лондонского университета Э. Полонски признает демократизм правительства БЗНС, в целом позитивно описывает его аграрную реформу, но считает характерными для режима демагогию и коррупцию. [12, р. 107].

Некоторые авторы, отмечая симпатии членов БЗНС к социальной и экономической политике большевиков в России, рассматривают реформы начала 20-х годов как «шаг к коммунизму», чем, собственно, объясняют вступление буржуазии против правительства Стамболийского. Такая концепция выражена, например, в труде по истории Европы, подготовленном группой американских авторов под редакцией Ф. Джилберта [13]. «Аграрно-социалистическим» называет режим правительства Стамболийского греческий автор Э. Кофос [14]. Ф. Боркенау прямо считает правление Стамболийского «хорошими годами для болгарских коммунистов», которым правительство, якобы, дало полную свободу [15, р. 238].

В сборнике статей и документов под редакцией С. Фишера-Галати режиму Стамболийского дана в целом положительная оценка, однако в него включена и статья Д. Митрани «Аграрный вопрос в Восточной Европе: ни капитализм, ни социализм» [16], автор которой безуспешно ищет в аграрных программах и движениях региона несбыточный третий путь. Концепция, основной целью которой является противопоставление БЗНС и БКП, стремление доказать непримиримость этих партий в принципе, бессмысленность их совместных действий, является одним из важнейших положений другого американского автора Дж. Д. Джексона, посвятившего противопоставлению «зеленого», аграрного Интернационала Крестьянскому интернационалу, созданному под руководством Коминтерна, объемистую докторскую диссертацию, защищенную в Колумбийском университете. В ней и в двух книгах [17, 18] Джексон определил БЗНС как крайне левое направление аграрного движения, «вдохновлявший другие аграрные партии благодаря своей деятельности в качестве правящей партии». Характеризуя Стамболийского как «первого действительного мученика движения», автор тут же низводит его с пьедестала, обвиняя в демагогии и политической неумелости, ибо он «не мог завоевать поддержки со стороны других политических фракций» [17, р. 28]. С осязаемым оттенком пренебрежения Джексон пишет о стремлении Стамболийского превратить Болгарию в «крестьянский рай», акцентирует внимание на том, что Стамболийский «отбрасывал все коммунистические схемы», причем не под влиянием мелкобуржуазной идеологии, которая в действительности была причиной враждебного отношения Стамболийского и других лидеров БЗНС к БКП, а потому, как утверждает Джексон, что «они (коммунисты.— Г. Ч.) требовали свержения демократических институтов». Всем изложением автор пытается подтвердить свою схему неизбежности конфликта между «популизмом и марксизмом» [17, р. 95, 98, VI].

Довольно детально, но в ложном свете трактует болгарскую революцию Н. Оурен, доводя различия между «аграризмом» и «коммунизмом» до полного противопоставления [19].

Сходна с буржуазной и позиция социал-реформистов. Показательно значительное внимание, которое уделяет крестьянскому движению в Болгарии после мировой войны известный английский историк и теоретик «гильдейского социализма» Дж. Коул. Болгарию он называет одной из «немногих зон», где крестьянские организации имели существенное влияние, довольно подробно излагает биографию Стамболийского и оценивает его как «наиболее значительную фигуру среди лидеров крестьянского движения в Восточной Европе», подчеркивает, что БЗНС «обеспечил себе значительное число последователей в крестьянской среде» [20, р. 258, 266—270]. Эта положительная оценка в сочетании с почти полным игнорированием революционного рабочего движения, по существу служила противопоставлению крестьянского политического движения революционно-пролетарскому.

Современная буржуазная историография также проявляет интерес к крестьянскому правительству в Болгарии. По этому вопросу Х. Летцем была защищена диссертация на философском факультете Венского университета [21] и издана монография профессора Мэрилендского университета (США) Дж. Д. Белла [22].

Х. Летц посвятил специальные разделы личности и программе А. Стамболийского, экономической и политической ситуации в стране в 1918—1923 гг. Наиболее полно им рассмотрено пребывание БЗНС у власти, главным образом законодательная деятельность правительства Стамболийского, в первую очередь аграрная реформа. По социально-политической направленности работа Летца относится к мелкобуржуазно-рефор-

мистской историографии. Автор с симпатией пишет о БЗНС и его правительстве, о Стамболийском. Внутреннюю противоречивость политики правительства Стамболийского автор игнорирует. Он избегает упоминаний о фактах благожелательного отношения Стамболийского к БКП, фактах временного единства действий обеих партий. С нескрываемым одобрением автор описывает репрессивные меры правительства против забастовки транспортных рабочих в конце 1919 — начале 1920 г. Сконструировав жесткую схему непримиримого отношения БЗНС к БКП, автор не замечает тех явлений и факторов, которые в эту схему не укладываются. Так, ни словом не упоминается сотрудничество Земледельческого союза с БКП в разгроме врангелевского заговора, в проведении референдума о передаче суду виновников национальной катастрофы, о появлении у Стамболийского стремления к сотрудничеству с БКП при поступлении известий о перевороте 9 июня 1923 г. Работа Х. Летца бедна источниками (они ограничены стенографическими отчетами Народного собрания и статистическими ежегодниками), написана почти без использования современной болгарской научной литературы, изобилует грубыми фактическими ошибками. Автор пытается бездоказательно оправдать те стороны политики правительства БЗНС, которые были главным источником его слабости и в конце концов привели к его свержению.

Дж. Д. Белл в 1968 и 1973 гг. работал в Болгарии и привлек некоторые документы болгарских архивов. БЗНС характеризуется им как сильнейшая крестьянская партия Восточной Европы. Освещая историю БЗНС со времени его основания, автор основное внимание уделяет периоду с 1918 г. В главах даны краткие историографические очерки, где содержится признание заслуг болгарской и советской исторической науки, хотя автор необоснованно полемизирует с историками-марксистами, например, отрицая принадлежность А. Стамболийского и Р. Даскалова к левому крылу БЗНС [22, р. 133, 149—150]. В книге сравнительно объективно излагается фактическая сторона развития БЗНС и политика его правительства, однако в ней отсутствует определение классового характера политических партий и движений, не освещены проблемы взаимоотношений БЗНС и БКП. Более или менее верно характеризуя подготовку заговора против правительства БЗНС, он не определил ни классового происхождения, ни политической ориентации заговорщиков. Отмечаются факты внутренней борьбы в БЗНС, но лишь как конфликты между политическими фракциями безотносительно к классовой борьбе на селе [22, р. 208—216]. Автор тщательно подчеркивает моменты разногласий между БЗНС и БКП, игнорируя факты сближения и, главное, возводя разногласия в нечто самодовлеющее, имманентно присущее компартии и Земледельческому союзу, неизбежно порожденное самими условиями в стране. «Конфликт между аграриями и коммунистами... был естественным результатом политического развития после окончания войны» [22, р. 150]. Этот вывод является одним из лейтмотивов книги Белла.

Значительно меньшее внимание буржуазных авторов привлекали условия социальной борьбы в Болгарии после переворота 1923 г. Общая тенденция состоит здесь в том, чтобы в максимальной степени преуменьшить или вообще элиминировать наличие фашизма и фашистской диктатуры в стране. В ряде западных изданий, посвященных европейскому фашизму, например, в книге К. Невмана «Разрушение и саморазрушение демократии», сборниках «Международный фашизм», «Европейский фашизм», «Место фашизма в европейской истории», в статье «Фашизм» энциклопедического издания антикоммунистического и антисоветского толка, подготовленного американскими «кремлевниками» с участием З. Бжезинского, Л. Шапиро и др. [23—27] о Болгарии нет никаких упоминаний.

* * *

Это не случайное упущение, ибо факты европейской истории хорошо известны авторам, а сознательное отрицание самого существования «феномена фашизма» в Болгарии.

Аналогичная тенденция наблюдается и в некоторых западных изданиях, посвященных Восточной и Юго-Восточной Европе и специально Болгарии. Более того, в них можно встретить открытое восхваление режимов, существовавших в стране с 1923 г. В книге Д. Попова, бывшего в годы фашизма вице-консулом Болгарии во Франкфурте-на-Майне, выражается сожаление о результатах второй мировой войны, которая, по его словам, «одним ударом драматически разрушила» тенденции развития, привела к «национальной трагедии маленького народа» [3, S. VII]. Переворот 1923 г., осуществленный «военными», автор одобряет полностью, восхваляя Ляпчева, который, как лживо утверждается, провел «всеобщую политическую амнистию». Правительство Ляпчева он считает наиболее удачливым, при нем, якобы, «страна жила, пользуясь всеми гражданскими правами», самого Ляпчева называет «великим демократом». Но наиболее рьяно автор стремится обелить антинародную политику царя Бориса. Полной поддержки заслужило у Попова сосредоточение всей власти в руках царя, которому «удалось» в середине 30-х годов взять в свои руки армию и положить конец республиканским устремлениям «совершеннейших утопистов» из политического круга «Звено» [3, S. 116—120]. Разумеется, ни о фашистской диктатуре, ни о фашистских движениях, ни о терроре не говорится ничего, а один раз случайно упоминаемое слово фашизм берется в кавычки [3, S. 158].

Похожей точки зрения придерживаются и другие болгарские реакционные эмигранты. С. Йовев утверждал, будто политическая жизнь Болгарии до 1944 г. развивалась «в рамках демократических правил» [28]. Бывший комментатор правой газеты «Зора» Х. Огнянов назвал переворот 1923 г. «стихийным протестом здоровых культурных сил» против крестьянской диктатуры, превознес «мужественное» поведение Цанкова в подавлении Сентябрьского восстания, царствование Бориса III назвал «золотым веком» Болгарии, а крупнейшим его достижением — сближение с Германией [29]. В том же духе пишут и некоторые другие авторы. Дж. Роуцек в сочувственном фашистскому премьеру тоне вещал, что профессор Цанков руководил страной «в самый трагический период современной болгарской истории» [6, p. 51]. Г. Грубер в комментариях к произвольно подобранным документам из истории международного коммунистического движения утверждал, что режим Цанкова представлял «средние классы и армию» [30].

Но в подавляющем большинстве книг по новейшей истории Болгарии, которые вышли после второй мировой войны в капиталистических странах, нельзя встретить откровенного и прямолинейного восхваления крайне реакционных болгарских режимов. Как правило, буржуазные историки идут по пути сдержанного признания реакционности правительства Цанкова, авторитарного характера царского режима второй половины 30-х годов, делая разного рода оговорки, отрицая фашистский характер этих властей и лишь в некоторых случаях признавая фашистскими отдельные более или менее крупные, а в основном незначительные оппозиционные режимам политические формации. Некоторые же авторы уклоняются от определения, был ли тот или иной режим реакционным. При этом наблюдаются разные концептуальные оттенки.

В вышедшей вскоре после второй мировой войны книге Х. Сетона-Уотсона содержалось признание, что Демократический стовор, образованный буржуазными политиками, являлся «респектабельным фасадом», за которым существовал «режим силы» [9, р. 28]. Но в разделе о фашистских партиях в странах Восточной Европы, к которым он относил Болгарию, автор не называл ни одной болгарской партии [9, р. 43—46]. Эмигрировавший из Чехословакии буржуазный политический деятель Г. Рипка характеризует режимы 20-х годов в Болгарии следующим образом: «Болгария никогда не оправилась от катастрофических результатов кровавого путча, который в 1923 г. уничтожил крупного крестьянского лидера Стамболийского... Тысячи его приверженцев были убиты вместе с ним и еще большее число подверглось гонениям, и с этого времени, за исключением небольшого перерыва в начале 30-х годов, Болгария стала полицейским государством, контролируемым жесточайшими методами вооруженных униформенных преследователей» [31]. В сказанном есть, казалось бы, близкие к истине наблюдения, но истинный замысел автора четко характеризует начало приведенной цитаты. Выражением «Болгария никогда не оправилась...», написанном будто бы произвольно и без особого подтекста, Рипка попытался подвести исторический базис под клеветнические писания о народно-демократической Болгарии в духе оголтелой и примитивной лжи о диктатуре пролетариата как якобы о чем-то противоположном демократии. Разумеется, и Рипка не квалифицирует болгарские режимы 20—30-х годов как фашистские. Упомянутый уже Э. Полонски солидарен по существу с названными авторами. Примечательно, что ряд буржуазных авторов пытается снять ответственность за диктаторскую реакционную власть в стране с крупной болгарской буржуазии. В оценке установления личной власти царя, которое Полонски относит к апрелю 1935 г. (имея в виду образование кабинета А. Топешева)¹, он крайне противоречив. Буквально в соседних строках встречаются взаимоисключающие суждения: «Царь допустил некоторую либерализацию, в частности с 1938 г...», но вслед за этим: «До тех пор, пока он не рухнул в результате поражения нацистов, режим оставался авторитарным и репрессивным, глухим к запросам народа» [12, р. 108]. Разумеется, второе суждение значительно ближе к истине. И все же, признавая авторитарность и репрессивность болгарских режимов 20—30-х годов, автор отвергает их фашистский характер на том основании, что были сохранены «некоторые элементы конституционной системы» [12, р. 129]. На аналогичных позициях стоит американский историк Д. Семмлер из Иллинойского университета. Он констатирует массовые убийства крестьян и рабочих (относя их, однако, лишь к 1924 г.), трансформацию царем парламентской монархии в военную диктатуру (видимо, сместив события 1934—1936 гг. в нечто единое), но фашистскими эти режимы не считает [33]. Довольно остро критикуют правительство Цанкова английские историки Макарти и Палмер [7, р. 229].

Э. Нольте решительно отрицает наличие фашистской диктатуры в стране при Цанкове и Ляпчеве. «Правительство Цанкова и правительство его наследника Ляпчева не должны быть оценены как фашистские, — утверждает Нольте, — так как они (конечно, с применением террористических методов) управляли с помощью парламентского большинства парламентским меньшинством, в которое через некоторое время под-

¹ Это не согласуется с общей ситуацией в стране. По оценке болгарской исторической науки, монархо-фашистская диктатура была установлена не ранее ноября 1935 г. [32].

прозрачной маскировкой вошли также коммунисты» [34]. Наличие «большинства», полученного в результате антидемократической избирательной системы, террора и запугивания, служит, таким образом, основным доводом против признания режимов фашистскими. Точно так же отрицается фашистский характер правительств К. Георгиева, образованного в результате переворота 19 мая 1934 г., и Г. Кьосеиванова — ревностного исполнителя воли царя. Фашистскими Нольте признает лишь мелкие организации — «Родна заштита», «Национальная фашистская задруга» А. Сталийского, Национал-социалистическая болгарская рабочая партия Х. Кунчева.

П. Мильза и М. Бантели, касаясь мимоходом переворота 1923 г. в Болгарии в главе «Фашизм и авторитарные режимы в Европе 20-х годов», оценивают его так: «Крестьянская партия лишилась власти, но правительство, которое ее наследовало, не может быть квалифицировано как фашистское, несмотря на свирепствовавшие в стране репрессии. Плюрализм сохранился и стал еще более значительным. С существованием Коммунистической партии продолжали мириться». Эти авторы, выдвигнув в качестве главного аргумента второстепенный фактор сохранения многопартийности, неправильно писали о сохранении легальности БКП, которая, как известно, была запрещена в 1924 г. и вплоть до революции 1944 г. работала в подполье. В качестве фашистских организаций называются лишь мелкие — «Родна заштита», «Национальная фашистская задруга», подчеркивается их малочисленность и «рабское копирование» ими итальянского образца. Национально-социальное движение А. Цанкова Мильза и Бантели не считают «специфически фашистским» и даже приписывают ему «народнические и мелкобуржуазные» черты, хотя и признают заимствование им из германской и итальянской «моделей» фашизма некоторых черт. Мильза и Бантели в своей книге исказили смысл событий середины 30-х годов. Военно-фашистский режим 1934 г., имевший определенную антицаристскую направленность, здесь отождествлен с монархо-фашистским, установленным в 1936 г., разумеется, при снятии квалификации фашистского. Бесспорно имевшие место реваншистские тенденции отвергаются. Проповедуется мнимая «автономия» Болгарии при гитлеровском «новом порядке», тогда как в действительности страна была превращена правящими кругами в послушного исполнителя воли нацистских главарей [35].

Между прочим, смешение характера власти, установленной в результате переворота 1934 г., с единоличной властью царя, утвердившейся в последующие годы, встречается и в других работах. Р. Ристлюбер писал, например, что диктатура царя Бориса появилась в 1934 г. [36]. В противовес этому некоторые наиболее реакционные авторы, как например уже упоминавшийся Д. Попов, восхваляют царя, которому удалось взять в свои руки армию и положить конец республиканским стремлениям «совершеннейших утопистов» из политической группы «Звено» [3, S. 118—119].

Отрицают установление фашистской диктатуры в Болгарии и социал-реформисты. Более того, Ф. Боркенау дошел до утверждения, что демократия в Болгарии была «отменена» лишь после военного переворота 1934 г. Он утверждает: «Она никогда полностью ранее не отменялась и постепенно была восстановлена, когда в 1926 г. Цанков ушел из правительства» [15, p. 381]. Формальное понимание демократии, при котором учитывается лишь наличие многопартийности и игнорируется реальное политическое положение, привело автора к парадоксальному даже для значительной части буржуазных историков суждению о сохранении демократии, хотя бы урезанной, при власти Цанкова. Переворот в Болгарии 1923 г. был орга-

низован, по словам Коула, буржуазными политиками и представителями бизнеса вместе с националистическими армейскими офицерами и македонскими ирредентистами. Автор отметил реакционность правительства Цанкова, террор после подавления Сентябрьского восстания. Но фашистской эту власть Коул не считает. Избегает он оценки и переворота 1934 г., называя его «военным», и лишь личную власть царя Бориса, которая, по его мнению, была установлена годом позже, он определил в качестве фашистской [20, р. 270—271]. Таким образом, в представлении этого относительно левого лейбористского теоретика и историка фашизм в Болгарии пришел к власти лишь в середине 30-х годов.

Л. А. Деллин (Делинишев) в статье «Политика и политические организации» характеризует Демократический сговор 20-х годов как партию демократического характера. Несколько более подробно говорится о политической группе «Звено», но лишь для того, чтобы подчеркнуть, что позже она примкнула к «организованному коммунистам» Отечественному фронту [37], т. е. для косвенной компрометации БКП.

Наблюдаемый в современной буржуазной историографии определенный интерес к группе «Звено» связан именно с этим. С указанной точки зрения небезынтересно единственное специальное издание о «Звене», появившееся на Западе, — работа «зюдостфоршера» из ФРГ В. Опшлица. Дав самый общий обзор истории «Звена» в 1927—1934 гг., автор создал крайне преувеличенное представление о личной роли К. Георгиева и Д. Велчева в новейшей истории страны, о степени весомости их политической программы. И все это для одной цели — связать социалистическую Болгарию, в жизни которой К. Георгиев и некоторые другие члены «Звена» приняли активное участие, отказавшись от заблуждений довоенного времени, с паутиной заговоров и интриг 30-х годов, в которых участвовало «Звено». При этом особо подчеркивается, что правительство К. Георгиева установило дипломатические отношения с СССР. Рассматриваемому без выявления условий и причин, этому действительно важному акту внешней политики Болгарии приписывается некий особый смысл. «Звучит почти парадоксом, — заявляет Опшлиц, — но просоветская ориентация социалистической Болгарии имеет также корни в диктаторском периоде развития страны между мировыми войнами» [38, S. 10]. Совершенно бездоказательно заявляя о «корнях» социалистической Болгарии в той власти, которую современная болгарская историография определяет как военно-фашистскую диктатуру, Опшлиц одновременно пытается поддержать нападки на современные социалистические страны утверждением об их якобы антидемократическом происхождении. Он ставит историкам НРБ своего рода ультиматум — откажитесь от квалификации правительства 19 мая 1934 г. как военно-фашистского, ибо вы сами с ним связаны. Конечно, монархо-фашистский характер личной власти царя, установленной в 1935 г., Опшлиц отвергает. Более того, он утверждает, совершенно не приводя фактических доводов, а ссылаясь на то, что так «считают германские историки» (когда, какие — остается в тайне), будто царю «власть досталась скорее случайно, чем он взял ее в свои руки преднамеренно» [38, S. 8].

Специально выделяет роль «Звена» и Военной лиги М. Л. Миллер во введении к книге о Болгарии в годы второй мировой войны. Подчеркивая, что влияние «Звена» на болгарскую политическую жизнь, несмотря на его малочисленность, было велико и что именно оно организовало правый «элитарный» переворот, Миллер перебрасывает мост в 1944 г., утверждая будто «Звено» сыграло руководящую роль в «коммунистическом перевороте», после чего его «устранили» [39].

Несколько иначе оценил переворот 1934 г. Х. Сетон-Уотсон. Реша-

тельно отвергая квалификацию установленной в результате переворота власти как фашистской, он мотивировал это тем, что диктатура «не ввела, в отличие от фашизма, демагогических украшений». Сетон-Уотсон крайне идеализировал организаторов переворота, заявляя, что они «были исключительным феноменом, группой решительных патриотов», что «их цели были честными» и т. п. [10, р. 250]. Но в действительности переворот, установив военно-фашистскую диктатуру, открыл путь к монархо-фашизму, приведшему Болгарию на грань третьей национальной катастрофы.

* * *

Учитывая, очевидно, весьма узкую сферу влияния правой социал-демократии в Болгарии, буржуазные авторы обычно ограничиваются лишь несколькими фразами в характеристике БРСДП. Большой интерес к ней проявляет реформистская историография. При этом предпринимаются попытки преувеличить силу и влияние реформистов и одновременно не только оправдать, но и представить в весьма выгодном свете их политику даже в тех случаях, когда они шли на стовор с силами крайней реакции. Так, Ю. Браунталь всецело одобряет участие социал-демократов в правительстве Цанкова после переворота 1923 г. и поясняет это так: «Партия приняла участие в правительстве, чтобы ликвидировать гражданскую войну, потребовала прекращения полицейских преследований, протестовала против террора правительства и благодаря своему вмешательству спасла много человеческих жизней» [40]. Ни грана правды в этом утверждении нет. БРСДП приняла участие в заговоре с целью свержения законно избранного правительства, т. е. участвовала в развязывании гражданской войны и кровопролитии, а не стремилась их предотвратить. Своим участием в правительстве во время кровавого подавления Июньского и Сентябрьского восстаний социал-демократы по существу одобрили фашистский террор, а их единичные и робкие протесты против «неофициальных» расправ над антифашистами оставались без внимания.

Лишь в отдельных изданиях, написанных с леволиберальных позиций, встречается относительно объективная оценка политики болгарских правящих кругов после переворота 1923 г. Таковым является курс современной истории Европы, написанный Х. Стюарт-Хьюзом из Гарвардского университета. Автор указывает, что в Болгарии произошел поворот от парламентской демократии к «коррупцированной диктатуре», дает приблизительно верную, хотя очень лапидарную характеристику царской диктатуры [41, р. 319]. По поводу этой и сходных форм власти он пишет, что королевские диктатуры «не были полностью оперившимися фашистскими режимами; они представляли собой по форме, а не по содержанию, парламентские правительства. Но они подготовили почву для установления фашистской диктатуры в Восточной и Центральной Европе благодаря практике поощрения или терпимости полицейской грубости, обращения с народами путем систематического насилия, антисемитизма, преследования национальных меньшинств и молчаливого союза с богатыми классами в военных авантюрах» [41, р. 165]. А французский историк Ф. Бертен, определив правительство Цанкова 1923—1925 гг. как правое и диктаторское (хотя и не фашистское), национально-социальное движение называет уже фашистской партией. В качестве фашистского он квалифицирует и переворот 1934 г. [42].

Некоторое представление о царе Борисе в период монархо-фашистской диктатуры, о его чертах и характере политического мышления дал в своих воспоминаниях, отчасти носящих мемуарный характер, Дж. Рендел,

являвшийся британским послом в Болгарии. Он отмечает глубокую, патологическую ненависть царя к СССР и революционным силам болгарского народа, указывая, что эти чувства лишь в минимальной степени были связаны с боязнью России как великой державы. «Царь, — пишет он, — боялся новой динамичной силы, которую лишь с трудом признали на Западе, — марксистского коммунизма» [43]. Вместе с тем выдвигание на первый план «оборонительной» концепции в политическом мировоззрении Бориса, его «боязни» как идеологического воздействия СССР, так и коммунистического движения внутри страны служит для автора предлогом, чтобы смягчить представление о царе как опоре крайне реакционных сил. Поэтому Ренделл и не квалифицирует власть царя как фашистскую.

Пожалуй, единственную в немарксистской литературе оценку переворота 1923 г. как фашистского, политики правительства Цанкова с первых дней его существования как открытого наступления против рабочего класса мы встречаем в очерке истории Болгарии английского леволиберального автора С. Ивенса [44]. В целом же буржуазная историография оказалась неспособной дать хотя бы приближенную картину положения в правящем лагере Болгарии между мировыми войнами, показать истинный смысл и классовую сущность террористических режимов, существовавших в стране с 1923 г., охарактеризовать болгарский фашизм как систему власти монополистического капитала.

* * *

Для послевоенной буржуазной историографии новейшей истории Болгарии характерно сближение между либеральным и консервативным направлениями настолько, что в ряде случаев принадлежность того или иного автора или той или иной работы к одному из направлений трудно определить: зачастую различные вопросы в одной и той же книге интерпретируются то с либеральной, то с консервативной окраской. Сохраняются, однако, весьма слабо выраженные крайние течения буржуазной исторической науки — леволиберальное, стремящееся дать критическую оценку положению в стране, хотя идущее в отдельных случаях на уступки правой историографии, и правоконсервативное, стоящее на позиции одобрения политики фашистских правительств Болгарии как «власти порядка». Среди этой литературы выделяются особой ненавистью к революционным силам болгарского народа, восхвалением монархо-фашизма писания болгарских контрреволюционных эмигрантов.

Что касается круга источников большинства работ, выпущенных буржуазными историками, то он обычно не выходит за рамки официальных публикаций. Произвольно, в соответствии с политическими целями подбираются печатные органы и воспоминания тех лиц, чьи суждения могут быть в наибольшей степени использованы для препарирования болгарской истории в духе этих целей. Тематика работ буржуазно-реформистских авторов весьма обща. Они сюжетно повторяют проблематику, разработанную в болгарской и советской марксистско-ленинской историографии, но извращают ход истории по существу. Нежелание вникать в подробности социально-экономического и политического развития страны приводит буржуазно-реформистскую историографию не только к шаблону, схематизму, но и к огромному количеству ошибок в фактах, датах, именах и т. д.

В заключение необходимо подчеркнуть, что фальсификация характера политических режимов в Болгарии в межвоенный период западной бур-

жуазной и реформистской историографией требует дальнейшей принципиальной борьбы против ее основных концепций и приемов, продолжения творческого марксистско-ленинского исследования актуальных проблем новейшей болгарской истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Black C. E.* The Dynamics of Modernization. A Study of Comparative History. New York, 1966.
2. *Rothschild J.* East Central Europe between the Two World Wars. Washington, 1974.
3. *Popoff D. N.* Bulgarien blicke westwärts! Frankfurt am Mein, 1951.
4. *Sanders I. T.* Balkan Village. Lexington, 1949, p. 194—195.
5. *Randa A.* Der Balkan von Diokletian bis Tito. Zürich, 1951, S. 179.
6. *Roucek J.* Balkan Politics. International Relations in no man's land. Stanford, California, 1948.
7. *Macarthy C. A., Palmer A. W.* Independent Eastern Europe. A History. London, 1966
8. *Black C. E., Helmreich E. C.* Twentieth Century Europe. A History. New York, 1959, p. 361.
9. *Seton-Watson H.* The East European Revolution. London, 1950.
10. *Seton-Watson H.* Eastern Europe between the Wars 1918—1941. Cambridge, 1946.
11. *Rothschild J.* The Communist Party of Bulgaria. Origins and Development. 1883—1939. New York, 1959, p. 85.
12. *Polonsky A.* The Little Dictators. The Story of Eastern Europe since 1918. London — Boston, 1975.
13. The Norton History of Modern Europe. New York, 1971, p. 1394.
14. *Kofos E.* Nationalism and Communism in Makedonia. Thessalonike, 1964, p. 71.
15. *Borkenau F.* World Communism. A History of the Communist International. Michigan, 1962.
16. Man, State and Society in East European History/Ed. by Fischer-Galati S. New York, 1971, p. 247, 293.
17. *Jackson G. D.* The Green International and the Red Peasant International. A Study of Comintern Policy Towards the Peasant Political Movement in Eastern Europe 1919—1930. Columbia University, 1961.
18. *Jackson G. D.* Comintern and Peasant in Eastern Europe 1919—1930. New York — London, 1966.
19. *Oren N.* Revolution Administered. Agrarism and Communism in Bulgaria. Baltimore — London, 1973. 204 p.
20. *Cole G. D. H.* A History of Socialist Thought. V. 4. Communism and Social Democracy 1914—1934. London, 1958.
21. *Letz H.* Der Bulgarische Nationale Bauernbund (Balgarski Zemedelski Narodni Sajuz) von 1918—1923 und sein Einfluss auf die Entwicklung der Bulgarischen Landwirtschaft: Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades an der philosophischen Fakultät Wien. Wien, 1970, 152 S.
22. *Bell J. D.* Peasants in Power. Alexander Stamboliski and the Bulgarian Agrarian National Union. 1899—1923. Princeton, New Jersey, 1977, 279 p.
23. *Newman K. J.* Zerstörung und Selbstzerstörung der Demokratie. Europa 1918—1938. Köln — Berlin, 1965, 533 S.
24. International Fascism. 1920—1945.— Journal of Contemporary History, 1960, v. I, № 1.
25. European Fascism/Ed. by Woolf S. J. London, 1968, 386 p.
26. The Place of Fascism in European History/Ed. by Allardyce G. Prentice Hall, 1971, 178 p.
27. Marxism, Communism and Western Society.— A Comparative Encyclopedia. V. II. New York, 1972, p. 287—288.
28. Osteuropa, 1959, H. II, S. 731.
29. *Ognianoff Ch.* Bulgarien. Nürnberg, 1967, S. 160—163.
30. *Gruber H.* International Communism in the Era of Lenin. A Documentary History. Ithaca — New York, 1967, p. 413.
31. *Ripka H.* Eastern Europe in the Post-War World. London, 1961, p. 21.
32. История на България. Т. 3. София, 1964, с. 309.
33. *Sammler D. E.* A History of Europe in the Twentieth Century. Homewood, Illinois 1973, p. 66, 183—185.
34. *Nolte E.* Die faschistischen Bewegungen. München, 1971, S. 195.
35. *Milza P., Benteli M.* Le fascisme au XX-e siècle. Paris, 1973.
36. *Ristelhuber R.* Histoire des peuples balkaniques. Paris, 1950, p. 354.
37. Bulgaria/Comp. Delling L. A. D. London, 1957, p. 106—107, 110.

38. *Oschlies W.* Der «Volksbund Zveno». Nachstellen der bulgarischen Parteigeschichte. Teil I (1923—1944).— Berichte des Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien, 1971, № 9, S. 10.
39. *Miller M. L.* Bulgaria during the Second World War. Stanford, California, 1975, p. 5.
40. *Braunthal J.* Geschichte der Internationale. B. 2. Hannover, 1963, S. 313.
41. *Stuart-Hughes H.* Contemporary Europe: a History. New York, 1961.
42. *Bertin F.* L'Europe de Hitler. Les Allies du Reich. Paris, 1977, p. 81—83.
43. *Rendel G.* The Sword and the Olive. Recollections of Diplomacy and the Foreign Service 1913—1954. London, 1957, p. 154.
44. *Evans S. G.* A Short History of Bulgaria. London, 1960, p. 161.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Документы и материалы по истории советско-польских отношений,
т. X, январь 1950—декабрь 1955 г. М., 1980, 552 с.

Более двадцати лет осуществляется советско-польская многотомная публикация документов и материалов по истории взаимоотношений двух стран, начиная с 1917 г. Всего в десяти томах опубликовано 3158 документов и материалов (в первом томе еще восемь приложений), освещающих историю политических, экономических и научно-технических связей двух стран до 1955 г.

Рецензируемый десятый том включает 318 документов и материалов, дающих представление о развитии дружественных отношений и братского сотрудничества между Советским Союзом и Польшей в 1950—1955 гг. Том снабжен хроникой важнейших событий в советско-польских отношениях тех лет, указателем имен, географических названий, партий, организаций и учреждений, периодической печати. Заметим, что все эти приложения очень важны для исследователя или читателя, который будет пользоваться томом.

Названный период был важным этапом в жизни народов наших стран, ознаменовавшимся большими достижениями в строительстве социализма в СССР и ПНР, углублением связей между обеими странами, упрочением их международного положения. Советский Союз, Польша и другие страны народной демократии в условиях «холодной войны», развязанной империалистическими кругами, принимали меры к обеспечению своей безопасности, оказывали друг другу поддержку, успешно осуществляли грандиозную программу построения социализма.

Эти задачи в обеих странах осуществлялись в условиях расширяющегося взаимовыгодного братского сотрудниче-

ства, основанного на общности интересов советского и польского народов, единстве целей и действий КПСС и ПОРП. Публикуемые в томе документы и материалы раскрывают тесные связи между КПСС и ПОРП, их интернационалистскую политику, деятельность, направленную на упрочение советско-польской дружбы и позиций социализма в мире. Широко отражены, по нашему мнению, контакты и сотрудничество между законодательными органами и правительствами обеих стран, визиты государственных деятелей, делегаций Верховного Совета СССР и Сейма ПНР, общественных организаций, имевшие важное значение для развития советско-польских отношений.

Документы и материалы в томе расположены в хронологическом порядке. Но если попытаться кратко их охарактеризовать, то следует, видимо, обратиться к тематическому принципу.

Прежде всего, в том включены документы и материалы, убедительно свидетельствующие о расширении и углублении экономического сотрудничества между обеими странами, его взаимной выгоды, а также большого значения для развития народного хозяйства Польши. При помощи СССР в Польше в рассматриваемый период построено около 80 крупных промышленных объектов, модернизировано и расширено более 200 предприятий, созданы новые отрасли промышленности. В результате индустриализации Польша стала важным в экономическом отношении партнером Советского Союза. Экономические связи с Польшей имели существенное значение и для нашей страны. Закладывалось в те годы советско-польское

сотрудничество и на многосторонней основе — в рамках СЭВ.

Документы и материалы дают довольно обширное представление о развитии научно-технического сотрудничества между Советским Союзом и Народной Польшей. Советские и польские министерства и ведомства взаимно обменивались научно-техническим опытом, передавали техническую документацию и знакомились с научно-техническими достижениями. В итоге большая выгода для обеих сторон: экономия средств на разработке проектов, ускорение строительства объектов, введение новой технологии, создание благоприятных условий для дальнейшего технического прогресса. С образованием в 1951 г. ПАН развивается сотрудничество между академиями наук. Ряд документов освещает развитие контактов в области высшего образования.

В томе отражены широкие культурные связи двух стран. Взаимное издание произведений литературы, контакты писателей, музыкантов, художников, артистов, деятелей кино, печати и радио, творческий обмен между ними, выступления театральных коллективов, кинофестивали, художественные выставки — все это служило культурному обогащению советского и польского народов, способствовало их сближению. Ярким свидетельством конкретной помощи являются документы о сооружении Советским Союзом и передаче в дар польскому народу Дворца культуры и науки в Варшаве.

В первой половине пятидесятых годов уже довольно интенсивными и многообразными были связи между советскими и польскими общественными организациями, коллективами промышленных предприятий, тружениками села, работниками здравоохранения и просвещения, молодежными и женскими организациями, учащимися и другими слоями общественности обеих стран. В томе содержатся документы и материалы, раскрывающие эти связи, обмен опытом работы в обла-

сти социалистического соревнования, движения рационализаторов и новаторов производства, значение советского опыта для строительства социализма в Польше, деятельность Общества польско-советской дружбы, боевые традиции и солидарность советских и польских трудящихся в борьбе за процветание своих стран и сохранение мира.

И, наконец, к заключительной группе относятся документы, характеризующие внешнеполитическую деятельность СССР и ПНР, а также их согласованные с другими социалистическими странами действия, направленные на сохранение мира и безопасности между народами. Следует напомнить, что сотрудничество Советского Союза и Народной Польши в этой области имело очень важное значение. В рассматриваемые годы продолжалась «холодная война» западных держав против СССР, Польши и других социалистических стран. Правительства СССР и ПНР совместно с правительствами других социалистических стран противопоставили этой политике твердую решимость отстоять мирное сосуществование и защитить народы от угрозы войны, защитить интересы социалистических стран. С этой целью 14 мая 1955 г. Советский Союз, Польша и другие социалистические страны заключили Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, ставший важным фактором их мирного развития и стабилизации международных отношений в Европе и во всем мире.

Публикация тома стала ценным вкладом в совместно издаваемую серию документальных источников, а помещенные в нем документы и материалы явятся важным подспорьем для дальнейшего развития исследований по истории сотрудничества народов двух братских стран социализма. Остается лишь пожелать редакционной коллегии плодотворной работы над последующими томами.

Ю. И. Макара

D. PAVLICEVIC. Narodni pokret 1883 u Hrvatskoj. Zagreb, 1980, 390 S.

Д. ПАВЛИЧЕВИЧ. Народное движение в Хорватии в 1883 году

В последнее время усилилось внимание югославских историков к социально-политической проблематике. Д. Павличевич, автор рецензируемой книги, органически увязал важные социально-экономические и национально-политические вопросы.

Опираясь на труды своих коллег и собственные исследования, он обрисовал экономическую ситуацию в Хорватии в 70-х — начале 80-х годов XIX в., специфические условия развития капитализма в национально зависимой стране, процесс пролетаризации и пауперизации масс в условиях сохранения обширных остатков феодализма (по мнению автора, — «до конца XIX в.»). Период от 1848 г. до конца XIX в. автор называет переходным от феодализма к капитализму, периодом структурного кризиса хорватского общества. В Хорватии в это время «феодалная [структура] юридически не существует, но в действительности живет, а буржуазная установлена юридически, но лишь начинает жить» (с. 28). В связи с этим можно, однако, заметить, что немало явлений, присущих феодальной эпохе, обнаруживаются в Хорватии и в начале XX в. вплоть до распада габсбургской монархии. Именно потому, что в социальной структуре деревни в начале XX в. происходили весьма существенные изменения, эти остатки были особенно нетерпимыми [1] (была распространена отработочная и издольная аренда, крестьяне продолжали нести повинности за виноградники, сохранялась сословная приниженность крестьянства, что многократно отмечали идеологи Хорватской крестьянской партии А. и С. Радичи, и т. д.). Впрочем, сохранение феодальных остатков не означает, что весь период до 1918 г. следует характеризовать как «переходный» и, по-видимому, относительно его крайнего рубежа с автором можно согласиться.

В полуфеодалной стране чиновничий аппарат, служивший прежде всего иносациональным господствующим классам, участвовал в процессе первоначального

накопления. Произвол и волокита использовались для систематического вымогательства средств у массы неграмотных крестьян; адвокаты, судьи, полицейские начальники и пр. скупали крестьянские участки (продававшиеся с молотка за долги) и пополняли слой землевладельцев, эксплуатировавших бедноту полуфеодалными методами. Как констатирует Д. Павличевич, развитие капитализма в деревне сопровождалось интенсивным перераспределением собственности (в частности, распадом задруг), но при этом юридическое оформление новых владений затягивалось, а неразбериха в этом отношении усугубляла бедствия крестьян (недоимки одного крестьянина, случалось, взыскивались с другого, давно уже тайно выделившегося из задруги; кроме того крестьяне не могли свободно распоряжаться участками). Это открывало чиновникам новые возможности обогащения.

Явления, присущие процессу первоначального накопления, сопровождали не только ликвидацию феодальной зависимости крестьян (лишение сервитутных прав и др.), но и демилитаризацию Военной границы в 70-х годах.

Положение масс в 70—80-х годах стало новилось особенно беспроблемным не только ввиду объективных условий, но и вследствие политики правящих кругов Австро-Венгрии, тормозивших развитие экономики Хорватии-Славонии. Промышленность оставалась незначительной. Даже кредитно-банковские операции национальной (хорватской и сербской) буржуазии наталкивались на препятствия. Процветало ростовщичество, являвшееся важнейшим источником обогащения буржуазии за счет массы крестьян. В связи с аграрным кризисом, охватившим Европу в 1873 г., крестьянин, чтобы покрыть растущие налоги (налоговые поступления использовались по преимуществу за пределами Хорватии), был вынужден продавать в 1883 г. в два-три раза больше пшеницы, чем в 1872 г. Так как враждебный народу аппарат сбора налогов нахо-

дился в руках венгерского помещичье-буржуазного правительства, которое в 70-х годах приступило к мадьяризации всех земель королевства, то нараставший социальный протест народных масс приобрел национальную окраску. В Хорватии-Славонии на пути политики мадьяризации стояла автономия страны, в частности, закрепленные в основном законе 1868 г. права хорватского языка как официального. Поэтому правительство стало обходить закон. Это уже затронуло интересы местной буржуазии и чиновничества в целом. В такой обстановке событие, непосредственно не коснувшееся материального положения масс, — замена хорватских надписей на двуязычные (венгеро-хорватские) на зданиях финансового ведомства в Загребе в августе 1883 г. — стало поводом к массовому возмущению.

На основе архивных материалов, свидетельств современников и сообщений печати Д. Павличевич впервые представил подробное исследование хода событий в 1883 г. в разных районах небольшой страны — «Провинциале» (гражданской части) и бывшей Военной границы, незадолго до того демилитаризованной и присоединенной к Хорватии. Упомянутая акция властей вызвала многолюдные демонстрации, в которых (с 11 августа) участвовали рабочие, подмастерья, ремесленники, студенты и гимназисты. 15 августа щиты с государственным гербом и двуязычными надписями были сорваны и брошены в канаву. Движение перекинулось в другие города, а затем и села, где приняло ясно выраженный социальный характер. Наиболее значительными очагами движения стали Загорье и Бания (на б. Военной границе). Интересно, что в северо-западном районе Хорватии центром выступлений была Стубица, село, в котором за три века до того (в 1573 г.) вспыхнуло знаменитое крестьянское восстание во главе с М. Губецем. Не только имя Губеца сохранялось в народной памяти, но и революционный дух. (Уже в 1866 г. здесь произошло наиболее значительное в Хорватии после 1848 г. выступление против произвола местного помещика и властей. В 1883 г. крестьяне окрестных сел ждали из Стубицы указания, как действовать. Достойный внима-

ния пример живучести свободлюбивых традиций!).

Крестьяне нападали на дома особо одиозных чиновников, ростовщиков и известных сторонников режима, на имения помещиков. На б. Военной границе крестьяне выступили за... восстановление военных поселений, с которыми они связывали утерянные права (на пользование лесом и др.). Стихийные волнения кое-где приняли характер локальных «бунтов» и сопровождалась столкновениями с войсками. Только в двух селах б. Военной границы было убито 23 человека и множество ранено.

Обстановка в Хорватии была столь напряженной, что с протестом против незаконных действий властей выступила даже проправительственная группировка народняков и бан Т. Пеячевич. Общая неспокойная обстановка в империи (в частности, недавнее восстание в Герцеговине против австрийской оккупации) побудила власти принять срочные меры: действие конституции в Хорватии было приостановлено, вместо бана, ушедшего в отставку, 4 сентября был назначен «королевский комиссар» — генерал с правами диктатора. Но потребовалось более двух недель, чтобы подавить выступления крестьян.

Движение в основном было стихийным, но кое-где в нем участвовали представители мелкобуржуазной оппозиции. Кроме того, как показал Д. Павличевич, демонстрации в Загребе готовились под тайным руководством оппозиции. Однако крестьянские выступления встревожили как хорватскую буржуазию, так и венгерское правительство. Тон выступлений обеих сторон смягчился; они пошли на компромисс. Комиссариат был отменен, но курс властей на подавление национальной оппозиции продолжался.

Автор отмечает, что политическое выступление в Хорватии 1883 г. — наиболее крупное за период от 1848 до 1903 г. — было выражением социально-экономического и политического кризиса хорватского общества и симптомом надвигающегося кризиса дуалистического режима в Хорватии. Существенно, что широкие массы, преодолевшие рамки официальной легальности, впервые выдвинули политические лозунги. Обоснованно также

мнение автора, что в этом выступлении сказан достижимый уровень процесса формирования нации.

Труд Д. Павличевича является существенным вкладом в изучение истории освободительной борьбы народа Хорватии.

В. Фрейдзон

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрейдзон В. И. Развитие капитализма в хорватской деревне и положение крестьян Хорватии в конце XIX — начале XX в. — Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1954, т. X.

Н. ŁOWMIANŃSKI. *Religia Słowian i jej upadek (w. VI—XII)*. Warszawa, 1979, 433 s.

Г. ЛОВМЯНЬСКИЙ. *Религия славян и ее упадок (VI—XII вв.)*

После своего капитального труда «Начало Польши. Из истории славян в I тысячелетии н. э.» [1], являющегося, по существу, энциклопедией знаний об основных исторических процессах у славян в древности и в период раннего феодализма, выдающийся польский историк-славист Г. Ловмянский издал новую крупную работу «Религия славян и ее упадок (VI—XII вв.)». Как и в труде «Начало Польши», Г. Ловмянский в своей новой книге привлек самые разнообразные материалы: письменные источники, данные археологии и лингвистики, в том числе этнонимии и ономастики, этимологические экскурсы, исследования по проблематике славянского язычества и этнографии. Таким образом, рецензируемая книга является синтетическим комплексным трудом, где основное внимание уделено анализу современных исследуемым процессам (VI—XII вв.) письменных источников. Поскольку основной фонд письменных источников уже выявлен в нашей науке, то появилась возможность дать в книге характеристику в целом процесса развития религиозных верований славян в период язычества до конца XII в.

Г. Ловмянский ставил перед собой и другую задачу, на необходимость решения которой он много раз указывал в своем исследовании (с. 56—77): сопоставление современных этому процессу (VI—XII вв.) письменных источников с лингвистическими, этногеографическими и фольклорными данными. При этом исследова-

тель подчеркивает, что главным условием успешного исследования проблематики язычества у славян является контроль данных других наук на основе показаний средневековых письменных свидетельств, ибо лингвистические данные трудно локализовать во времени, фольклорные же материалы в письменных источниках относятся к XV в. и далее, этнографические записи падают только на XIX—XX вв.

Во вступительной части под названием «Пролегомена», являющейся введением к основным разделам о религии славян в VI—XII вв. и об упадке славянского язычества, дана общая характеристика религиозных воззрений в древности, рассматривается индоевропейское наследие в религии славян. По мнению автора, индоевропейское наследие, имевшее различные уровни религиозных воззрений в древних обществах, так сказать «многоверие», не выходящее, однако, за пределы «нижней морфологии», не могло быть основой для формирования политеизма у славян и возникновения славянского пантеона антропоморфных богов (с. 37). В третьем параграфе «Пролегомены» — «Предварительные замечания о характере исследований проблемы религии славян в средние века» специально ставится вопрос о контроле (или о «конфронтации») с помощью современных (IV—XII вв.) письменных источников, данных лингвистики, фольклора и этнографии. О подходе Г. Ловмянского к этому вопросу было уже сказано выше. Отмечу только оценку

автором археологических источников. Археологические источники, — пишет автор, — «немые» (с. 68), «археологические памятники являются только суррогатом в исследованиях» историков и лингвистов (с. 76).

Второй раздел книги посвящен язычеству. Письменные и другие источники разделены автором по трем ветвям славян. Раздел этот распадается на следующие параграфы: 1. «Проблема прототеизма южных славян»; 2. «Религия восточных славян»; 3. «Полабский политеизм»; 4. «Религия западных славян». Как видим, автор счел необходимым выделить полабских славян в отдельный параграф. Дело в том, что у полабских славян (они относятся к третьей, западной ветви) развитие религиозных верований протекало в особых условиях острой конфронтации с немецко-христианским феодальным миром.

Нужно при этом иметь в виду, что это деление славян на три части появилось не сразу, не в VI—VII вв. Обособление их было связано с разными социально-экономическими и политическими условиями в различных регионах Европы — районах славянского расселения. Окончательное сложение трех ветвей падает уже на XII—XIII вв.

В древности и в период перемещений славян в V—VI вв. можно говорить лишь о двухчастном делении на восточную и западную группу (антов и словен). Однако восточные и западные славяне не являются простым предком всех трех ветвей славян. В ходе перемещений славян анты и словены смешались между собой, с одной стороны, а с другой — шел процесс ассимиляции славянами автохтонного населения в различных регионах Европы [2]. Этот сложный и неоднородный этнический процесс следует принимать во внимание при рассмотрении эволюции религиозных верований славян.

В первом параграфе второго раздела автор рассмотрел все источники, связанные с южными славянами. Балканские славяне, — пишет он, — находились на уровне традиционной полидоксии — многоверия. У них был погребальный культ предков, общинные земледельческие культуры, вера в бесов — демонов, почита-

ние рек и т. д., можно отметить также черты религиозных верований автохтонных народов и романское влияние (с. 81—82, 91). Но существования религиозных верований более высокого уровня — политеизма, по мнению автора, данные письменных источников не позволяют предполагать (с. 86). Перун и Сварог в этих источниках не были антропоморфными богами, а являлись только трансформациями первого божества неба, почитание которого существовало еще у древнего индоевропейского населения (с. 99).

Такую же картину языческих верований рисуют письменные источники и для западных славян (Чехия, Польша, Поморье, лужицкие сербы). Культ Сварога — первого божества неба — существовал и у них, а возможность тенденции развития в сторону политеизма автор полностью отверг (с. 220, 224—228). Известие чешского хрониста Космаса о почитании древними чехами Юпитера, Марса, Беллоны, Цереры нельзя, по его мнению, принимать всерьез. Хронист просто перенес на славянскую почву римский пантеон. Это — «литературный оборот чистой воды» (с. 204).

В отличие от южных и части западных (речь идет в данном случае о чехах, поляках, поморянах и лужицких сербах) славян, элементы новых, более развитых языческих религиозных представлений могут быть выявлены у восточных славян X в. и у части полабских славян — бодричей и лютичей в X—XII вв. Появление этих представлений было связано с развитием раннефеодальных государств.

Особые, исключительные условия существования полабских славян (об этом говорилось выше) привели к формированию здесь политеизма с характерной для него иерархией богов. Этот политеизм был порожден процессами формирования раннефеодальных государств в условиях конфронтации с немецко-христианским феодальным миром и его религиозными верованиями.

Полабский политеизм не был связан с античным политеизмом и не являлся развитием наследия индоевропейского населения. Иерархия богов формировалась языческим жречеством на основе противопоставления пантеону христианских небесных и земных сил.

Поскольку имеется относительно большое количество восточнославянских источников (для других параграфов его меньше), автор сумел дать полную картину полидоксии у восточных славян. Вопрос о существовании в древней Руси политеизма был подробно рассмотрен Г. Ловмянским, и в результате исследователь пришел к выводу о позднем и искусственном характере известий о пантеоне древнерусских богов (с. 115). По его мнению, тенденции к политеизму у восточных славян не получили развития с формированием раннефеодальной государственности. Здесь социальные сдвиги привели к прямому переходу от славянского прототеизма к монотеизму (культ Перуна) как религии древнерусского раннефеодального общества. Эта религиозная реформа была результатом политики князя Владимира и его сторонников из знати (с. 116).

Следует подчеркнуть при этом, что выдвинутые в работе Г. Ловмянского положения подкреплены многими и разнообразными аргументами, хотя поднятую проблему, безусловно, нельзя считать ныне окончательно решенной.

Насущная задача нашей науки состоит в том, чтобы вопросы о существовании не только так называемого пантеона богов Владимира, но и пантеона языческих богов Длугоша, мифа о борьбе Перуна с Велесом (с. 106—109) или, скажем, о религиозно-мифологическом значении Рода и Рожаниц были еще раз тщательно рассмотрены с учетом результатов работы Г. Ловмянского и с обязательным участием не только историков и лингвистов, но и этнографов.

Надо иметь в виду, что поздние письменные источники, авторы которых находились под влиянием христианства и литературных образов и традиций античности, Г. Ловмянский практически не принял в своем труде во внимание. Он отрицает и возможность использования для изучения верований древних славян поздних фольклорных и этнографических материалов. По мнению польского историка, реконструкция языческих верований по поздним источникам строится по-существу как бы на песке, без достаточных оснований.

Но возможны и другие подходы. Речь идет прежде всего о том, что из всех поздних источников (в том числе и памятников искусства) должны быть устранены следы влияний со стороны. Далее, все источники должны быть распределены по отдельным историческим этапам. Затем сопоставлены со сводом ранних верований славянского древнего мира. Конечно, такая реконструкция будет гипотетичной, отдельные вопросы истории развития верований славян останутся нерешенными, и их уже никогда не удастся решить. А с другой стороны, нужно помнить, что такая реконструкция может быть результатом лишь большого труда историков, лингвистов и этнографов. Такая задача очень трудная и сложная, но решить ее очень важно.

Перейдем к последнему разделу труда — «Проблематика христианизации славян в раннем средневековье». В разделе четыре параграфа: 1. «Правовой аспект религии славян и обращение их в христианство»; 2. «Миссия и христианство», 3. «Земская функция новой религии», 4. «Эсхатологическая функция новой религии». Выводы Г. Ловмянского таковы: принятие славянами новой религии — христианства — было результатом развития социально-политических процессов в славянском обществе, а не результатом эволюции его религиозных верований (с. 401). В принятии славянами христианства сыграла решающую роль раннефеодальная государственность, причем главным инструментом этого акта была знать (с. 248). Христианская церковь была связана с государством, роль ее в развитии феодального строя у славян велика, но само обращение к христианству было результатом деятельности не церкви, как таковой, а раннефеодального государства (с. 280).

В конце книги даются «Итоги» исследования автора, интересные и важные для всех исследователей эпохи языческого славянского мира. В заключение следует еще раз подчеркнуть, что книга Г. Ловмянского — это обобщающий комплексный труд, основанный на изучении данных разных наук, т. е. именно исследование такого типа, в котором остро нуждается современная наука. Кроме того, труд Г. Ловмянского —

настоящая энциклопедия знаний о языческих верованиях славян. Историки, лингвисты, этнографы и фольклористы — будут всегда обращаться к книге «Религия славян и ее упадок».

В. Д. Королюк

ЛИТЕРАТУРА

1. *Łowmiański H.* Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e., T. I—II. Warszawa, 1963—1973.
2. *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 125.

ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА РАЗВИТИЯ ПОЛЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературы социалистических стран во многом определяют характер современного европейского литературного процесса. Социалистическая литература в целом образует определенную идейно-художественную общность, но в ней не теряют своего лица отдельные национальные литературы. Необычайно важен опыт каждой национальной литературы как на сегодняшнем этапе развития, так и опыт ее истории.

В книге В. А. Хорева [1] мы находим историю зарождения, формирования и дальнейшего развития польской социалистической литературы, начиная с 80-х годов XIX в. Обобщающих исследований этой глобальной проблемы до сих пор не было — ни у нас, ни в Польше. Рецензируемая работа имеет в этом смысле новаторский характер. Автор ее давно известен своими исследованиями о польской революционной литературе и критике 20—30-х годов, о современной литературе Польши.

Представляет большой научный интерес рассмотрение зарождения и начала формирования польской социалистической литературы на этапе конца XIX — начала XX в. Собрав и обобщив большой фактический материал, автор приходит к обоснованному выводу о том, что уже в эти годы революционно-пролетарская литература представляла собой не отдельные разрозненные эпизоды, а определенное литературное течение. В имеющихся немногочисленных работах по этому вопросу материал в такой степени не обобщался и не ставился в широкий контекст развития польской социалистической литературы.

В рецензируемой книге автор рассматривает одновременно художественную практику революционной литературы и формирование ее теории, наряду с художественным творчеством исследует и литературную критику революционного лагеря, которая впервые освещается с таким широким привлечением фактов. А факты эти приходилось собирать «по крупицам», особенно это касается материалов начального этапа — до 1918 г. Автор изучил десятки статей на литературные темы в польской социал-демократической и социалистической прессе («Пшеглэнд социал-демократичны», «Справа роботничка», «Напшуд», «Млот», «Вольны глос» и др.).

Справедливо считая, что тема революции 1905 г. заслуживает специального исследования, В. А. Хорев ставит вопрос о значении революции 1905 г. широко, рассматривает ее влияние не только на революционно-пролетарскую литературу, но и на польскую литературу в целом. Заслуживает внимания обобщение, которое не всегда делается при исследовании польской литературы начала 20-х годов: творчество Стефана Жеромского революционного и послереволюционного периода показательно для судеб критического реализма XX в., революционная действительность, широкое распространение социалистических идей оказывают благотворное влияние на демократических писателей. Они вплотную подходят к идее необходимости революционного изменения мира. Таким образом следует другой важный вывод: критический реализм принимает непосредственное участие в осмыслении революционной действи-

тельности и тем самым участвует в становлении новой, последовательно революционной литературы — первой фазы литературы социалистического реализма.

Широкое привлечение материала позволяет поставить революционную литературу в широкий контекст литературного развития, рассматривать ее не как изолированное течение, а как такое литературное явление, которое наиболее последовательно и верно отражало направление литературного процесса, стремление всей передовой литературы к обновлению, к художественному отражению важнейших социальных конфликтов того времени.

Творчество еще одного крупного писателя, Анджея Струга, посвященное революции 1905 г., связывается в книге с литературой революционного лагеря. В рецензируемой работе мы находим новый взгляд на творчество А. Струга. В этом отношении В. А. Хорев развивает оценку его произведений 1900-х и 1910-х годов, данную В. В. Витт в ее предисловии к русскому изданию рассказов и повестей Струга (1971); но он идет еще дальше, прямо сближая прозу Струга этого периода с революционно-пролетарской литературой. По мнению пишущего эти строки, автор рецензируемой работы в данном случае несколько увлекается и не учитывает отличия сборника рассказов Струга «Люди подполья» и повести «История одной бомбы» от таких произведений на ту же тему, как скажем, «Дневник узника» Феликса Дзержинского. Если искать параллели с русской литературой, то в творчестве Струга можно найти общее не столько с Горьким, сколько с Л. Андреевым, автором «Губернатора» и «Повести о семи повешенных».

В главе о польской революционной литературе 20-х годов пересматривается точка зрения, что она была представлена только поэзией, а революционная проза появилась якобы только в 30-е годы. Автор приводит убедительные факты: появление в 1920 г. повести «Возрождение» Люциана Рудницкого, в 1921 г. его сборника рассказов, в 1928 г. — романа Бруно Ясенского «Я жгу Париж».

Революционная литература 20-х годов исследуется на широком фоне других направлений в польской литературе, в

связи с критическим реализмом, который справедливо рассматривается как союзник пролетарской литературы, а роман Жеромского «Канун весны» как один из источников революционной литературы. В этой и следующей главах идет речь и об отношении к польскому авангардизму, делается правильный вывод о том, что авангардизм присутствует в родословной польской социалистической поэзии.

В книге В. А. Хорева находим емкие характеристики крупнейших поэтов и прозаиков революционного лагеря, среди них Б. Ясенского (интересна, в частности, полемика с польскими исследователями, которые всю его поэзию, включая и «Слово о Якубе Шеле» неправомерно относят к футуризму), С. Р. Ставде, В. Вандурского, Л. Шенвальда, Л. Пастернака, А. Шиманьского, А. Волицы и др. Особенно тщательно анализируется творчество самого талантливого революционного поэта Владислава Броневского, который с полным основанием определяется как один из крупнейших национальных поэтов Польши. В книге сделано много ценных наблюдений, касающихся его поэтики. Пример Броневского, — справедливо подчеркивает автор, — показывает, что пролетарская поэзия охватывает разнообразие богатства окружающего мира и человеческих чувств. Броневский расширил горизонты пролетарской поэзии, включив в нее мир мыслей, чувств, страстей и переживаний, рождающихся в жизни и борьбе революционера.

Однако, как представляется, это справедливое в целом наблюдение не может заслонить и некоторой противоречивости, характерной для раннего Броневского, когда он, бывший легионер и поклонник Пилсудского, шел на сближение с рабочим классом. В его первых сборниках мы находим такие стихи, как «Листопад», «Ночной гость», «О себе самом» с их мотивами сомнения, отчаяния, мыслью о самоубийстве. Стихотворение «Роза», открывавшее второй сборник, «Дым над городом», — это не только идеологический спор с Жеромским, как пишет автор книги на с. 157, но и свидетельство определенного влияния концепции жертвенности Жеромского, его отношения к делу служения народу как к «проклятому долгу» («Бездомные»).

Польский исследователь Т. Буйницкий в своей монографии о Броневском, полемизируя с Р. Кулиньским и Ф. Лиходзевской, делает важное наблюдение, что оба персонажа «Розы» говорят словами автора «Бездомных», что здесь Жеромскому-апологету возражает Жеромский-революционер, что означало стремление поэта использовать наследие Жеромского для потребностей пролетарской революции [2, с. 157]. «Бывший легионер, — пишет Буйницкий, — должен был пройти через идейный опыт „жеромщины“. И должен был сохранить уважение для позиции автора „Розы“» [2, с. 160]. Т. Буйницкий даже считает, что «этот жертвенный тон в творчестве Броневского никогда совсем не исчезает» [2, с. 75].

Развитие польской революционной литературы рассматривается в книге в связи с развитием советской литературы. В работе постоянно подчеркивается типологическое сходство этапов развития социалистической литературы и их содержания. Исследование конкретного вопроса «Броневский и советская литература» дается как часть более общей проблемы польско-советских литературных связей. Автор стремится избежать чисто фактологического подхода к теме литературных контактов, он делает выводы принципиального характера. Вместе с тем эта часть работы убеждает, что и факты — вещь в исследовании нужная. И в этом разделе их много, некоторые из них до публикаций работ В. А. Хорева не были известны. Автор книги использует архивные материалы: ранее не публиковавшиеся или публиковавшиеся не полностью статьи и заметки Броневского о советской литературе. И здесь вопрос не упрощается, он дается в связи с трудными поисками путей развития в советской литературе. Автор делает важное теоретическое наблюдение о диалектике использования чужого опыта, когда речь может идти не только об его сознательном усвоении, но и о сознательном отталивании (Броневский не принимал пролеткультуровских крайностей, рапповской программы).

Свои теоретические выводы автор книги строит, таким образом, на материале не только польской литературы и кри-

тики, но широко привлекает факты советской литературы, научные работы о развитии марксистской критики в России, работы Луначарского, Воровского, Воронского и др. В. А. Хорев рассматривает связи В. Воровского с польским революционным движением, с польской литературой. Опубликованные им ранее письма В. Воровского к его польскому знакомому Павлу Эттингеру значительно обогащают наше представление о связях В. Воровского с Польшей. Несомненной заслугой автора книги является привлечение других не использовавшихся ранее литературоведами фактов: заметок Г. В. Плеханова о М. Конопницкой и С. Пшибышевском, высказываний А. В. Луначарского о Пшибышевском.

Последняя глава книги посвящена традициям социалистической литературы в Народной Польше. Автор не ставит перед собой задачу исследовать всю польскую литературу после 1945 г. с точки зрения нового этапа развития социалистической литературы, а выбирает те моменты, которые прямо связаны с предстоящим исследованием: обсуждение проблем реализма в первые послевоенные годы, принятие программы социалистического реализма на IV съезде польских писателей, дискуссии о социалистическом реализме в 1956—1958 гг., отношение к социалистическому реализму на современном этапе и т. д.

Продолжение традиций социалистической литературы иллюстрируется в книге на примере художественной разработки в послевоенной литературе таких важнейших тем, как антифашистская тема, тема труда и рабочего класса и тема деревни. Выбор именно этих аспектов вполне оправдан. Он позволяет читателю составить довольно полное представление об особенностях развития литературы Польской Народной Республики.

Таким образом, проведенное в рецензируемой работе исследование позволило автору показать, что становление польской социалистической литературы — это единый, целостный, органический процесс, что формирование социалистического реализма в Польше — это часть международного опыта социалистического литературного движения, что социалистический реализм — законный пре-

емник всех художественных завоеваний предшествующего периода. «Социалистическому реализму,— пишет автор,— чужды регламентация художественных приемов, нормативность в области формы и в тематике произведений» [1, с. 326]. Автор книги поддерживает концепцию, которая рассматривает социалистический реализм как новую художественную систему, «открытую и для художественного изображения новых явлений жизни, и для восприятия художественных завоеваний прошлого и настоящего» [1, с. 331].

Книга В. А. Хорева получила положительную оценку в Польше. Известный польский критик В. Навроцкий отметил

в своей рецензии ее новаторство. «Русский полонист,— написал он,— сделал за нас работу, за которую у нас — если не считать авторов более конкретных работ, Мариана Степеня, Тадеуша Буйницкого и других — никто не взялся» [3].

Е. З. Цыбенко

ЛИТЕРАТУРА

1. Хорев В. А. Становление социалистической литературы в Польше. М., 1979, 364 с.
2. Bujnicki T. Władysław Broniewski. Warszawa, 1974.
3. Nawrocki W. Polonica radzieckie.— Poglądy, 1979, № 18, s. 17.

А. MARTUSZEWSKA. *Poetyka polskiej powieści dojrzałego realizmu (1876—1895)*. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1977, 237 s.

А. МАРТУШЕВСКАЯ. *Поэтика польского романа зрелого реализма (1876—1895)*

Из исследований по реализму, вышедших за последние годы в Польше, книга Анны Мартушевской едва ли не самая любопытная, по крайней мере для иностранных литературоведов.

Обозначившаяся на рубеже веков новая разновидность реализма дала основание говорить о предшествующем реалистическом искусстве как об исторически ограниченном (детерминированном) явлении, имеющем не только свое особое содержание, но и формально структурные особенности, еще недавно ускользавшие от строгих научных дефиниций. Каковы же эти особенности? — попыткой ответить на этот вопрос и является «Поэтика» А. Мартушевской.

Указанную задачу — раскрыть те структурные черты польского реалистического романа 1876—1895 гг., которые в их совокупности можно было бы назвать «формальным реализмом» (с. 207), польская исследовательница решает главным образом на материале творчества Э. Ожешко и Б. Пруса, реже — Ю. И. Крашевского и Г. Сенкевича и лишь sporadически — К. Юноши, Я. Ляма, Я. Захариасевича, В. Сабовского и др.

Отправным пунктом служит анализ диалектики повествования в романе и прежде всего различных повествовательных позиций рассказчика. Рассказчик, сливаясь с автором, может выступать под личиной всезнающего и всевидящего наблюдателя и судьи, прямо вступающего в беседу с читателем и поучающего его. Но он может и отделиться от автора, может менять свои наблюдательные позиции, какое-то время смотреть на героев со стороны и издали, потом сблизиться с ними, сделаться их соучастником, либо незаметно сопровождать их, глядя на происходящее как бы из-за их спины или даже их собственными глазами. Характернейшим признаком утверждения реалистической поэтики, по наблюдениям А. Мартушевской, и является такой переход от позиции всеведущего резонанствующего рассказчика к позиции, как правило, скрытой, замаскированной, но насчитывающей, по крайней мере, несколько подвижных наблюдательных пунктов, соответствующих точке зрения разных действующих лиц и групп и тем позволяющих воссоздавать картины из жизни в наибольшем их приближении

к действительности. Резкое и неуклонное повышение объективности повествования за счет углубления в субъективный мир носителей разных точек зрения — вот, по мнению А. Мартушевской, определяющая тенденция реалистической поэтики. В прямой зависимости от позиции рассказчика находится структура повествования в целом, а значит — и соотношение всех его остальных слагаемых, каковыми являются у А. Мартушевской — в порядке очередности их рассмотрения — время и пространство, приемы рекомендации героев и их последующей обрисовки, а также различные способы композиционного построения. Чрезвычайно любопытен вывод автора из наблюдений над польским реалистическим романом второй половины XIX в.: несмотря на изображение разнородных, пестрых, многочисленных событий и постановку различных конкретных проблем из жизни людей, «количество и виды встречающихся в нем сюжетов не так уже многочисленны и дифференцированы, можно обнаружить едва лишь несколько фабульных схем, отражающих род и систему этих сюжетов и образов» (с. 182). А. Мартушевская анализирует эти выделенные ею фабульные схемы. Такое обобщение чрезвычайно важно для науки и, может быть, в нем наибольшее достоинство труда А. Мартушевской. Таким образом, начав с раскрытия диалектики повествования, автор приходит к целостной формальной характеристике определенного типа реализма, проявившегося в польском романе 1876—1895 гг. Исследование завершается вопросом о предполагаемом читателе, на которого рассчитывались романы и психология которого поэтому тоже сказывалась на их структуре. В этой связи А. Мартушевская останавливается, во-первых, на той концепции иллюзии действительности и правдоподобия образов, которая складывалась на основе коммуникации с тогдашним читателем и обязывала писателей удовлетворять требованиям этой реалистической литературной условности; и, во-вторых, на характерной для польских условий патриотической проблематике, вынуждавшей обращаться к эзоповому языку. Отчасти эти вопросы уже выходят за пределы рассмотрения формальных средств реализма и потому их постанов-

кой А. Мартушевская и заканчивает свое исследование.

По содержанию рецензируемая книга, на мой взгляд, богаче и глубже, чем известная нашему читателю «Поэтика русского реализма» Г. М. Фридендера. Правда, она тоже не свободна от ограничений и просчетов, о которых следует сказать особо, поскольку труд А. Мартушевской заслуживает приобщения к новейшим достижениям науки.

Обобщения А. Мартушевской подлежат проверке прежде всего в плане родовых и жанровых признаков романа, от которых исследовательница отвлекается. Отвлекаться от одних сторон изучаемого предмета, дабы лучше рассмотреть другие — это закон для исследователя. Но такое ограничение, как правило, нуждается в оговорках, пояснениях и не должно противоречить правильной общей постановке вопросов. Между тем А. Мартушевская, по-моему, не вполне соотнобразуется с этими требованиями научного подхода к делу. Так, она полагает, что в Польше «литературное течение современного реализма» возникает вместе с появлением романа нового (не-средневекового) типа еще в эпоху Просвещения (с. 205). Связь реализма с развитием романа нового типа бесспорна. Но роман — не родовое понятие реализма. Нужны фактические доказательства правильности этого суждения и прежде всего анализ способов типизации, вне которого даже ссылки на «веризм» (наблюдающийся, кстати, не только в современном натуралистическом искусстве, но и в античном, и в средневековом) ничего еще не доказывают. Между тем изучение типизации в специальную задачу А. Мартушевской не входило (касаясь критерия типичности, она совершенно справедливо заметила, что типичность образов устанавливается их сопоставлением «с внелитературной действительностью», что это «явление, уже выходящее за рамки поэтики литературного произведения» (с. 132). Если бы, однако, А. Мартушевская могла уделить больше внимания различным способам типизации, она, возможно, убедилась бы, что классицистический роман существенно отличается от романтического и еще больше от реалистического; что, например, между прозой, драматургией

и лирикой И. Красицкого гораздо больше общего в методе (причем даже в чисто формальных приемах изображения), чем, скажем, между его «Приключениями Николая Досвядчиньского» и «Волшебным фонарем» Ю. И. Крашевского. Стало быть, опираясь на какой-либо пусть и ведущий жанр в данном направлении, нельзя еще квалифицировать произведения как классицистические, романтические, реалистические и т. д. (так, основываясь на одном поэтическом жанре или даже на лирическом роде в целом, можно прийти к заключению, формально как будто правильному, а в действительности абсурдному, что в эпоху торжества реализма в Польше господствовал романтизм). Следовательно, в сфере формальной правильная общая постановка вопроса о направлении и методе требует учета соотношения всех литературных родов и жанров. Не учла А. Мартушевская и того, что видовые особенности исторического романа, на которые она указывает как на причину своего отвлечения от него, служат не большей препой для описания реалистической поэтики, чем соответствующие особенности бытового, социального и психологического романов, на которых базируется ее исследование. Да и не потому ли автор не касается жанровых особенностей названных романов разнообразней, что они, эти видовые признаки, при анализе поэтики реалистического романа вообще должны быть оставлены в стороне как относящиеся к иному, более конкретному уровню исследований? А если так, то почему же для исторического романа делается исключение?

Термином «зрелый реализм» А. Мартушевская обозначает проявление классического реализма (иначе: реализма XIX в.) на двух последних фазах его развития в Польше. В советском литера-

туроведении его назвали бы критическим реализмом, и напрасно польская исследовательница утверждает (с. 8, 206—207), будто бы роман Ожешко «Над Неманом» не подходит под определение критического реализма (зачем же ориентироваться на вульгарное толкование этого термина?).

Как и Г. М. Фридендер, А. Мартушевская не дооценивает того, что на национальном материале можно сделать выводы более широкого характера, зачастую имеющие отнюдь не узкое национальное значение (в сущности, большинство наблюдений А. Мартушевской, касающихся как будто только польского романа, на самом деле может быть распространено на весь европейский, и не только европейский роман). В то же время некоторые обобщения А. Мартушевской, претендующие на отражение польской специфики, недостаточно обоснованы польским материалом. Так, говоря об эзоповом языке польских реалистов, она имеет в виду лишь писателей Королевства Польского, теряя из поля зрения галицийских писателей во главе с Я. Лямом, без обращения к которому исследование эзопового языка польского романа будет неполным.

В плане литературных связей представляются односторонними ссылки на французское влияние. Прус, например, был обязан как опыту французских, так и английских литераторов. Недоценила А. Мартушевская и открытия польских русистов. Можно было бы указать и еще на некоторые упущения автора. Но их критика оправдана общим признанием достижений автора «Поэтики польского романа зрелого реализма» — замечательной книги, достойной внимания литературоведов многих стран мира.

И. К. Горский

ИВАН ДУЙЧЕВ. Древнеезические мыслители и писатели в старата българска живопис. София, 1978, 182 с.

ИВАН ДУЙЧЕВ. Древнеязыческие мыслители и писатели в старобългарской живописи

Известный болгарский ученый проф. И. Дуйчев написал книгу, освещающую круг вопросов одинаково важных как для изучения судьбы античного культурного наследия у славян, так и для уяснения роли этого наследия в развитии славянских литератур и искусства эпохи средневековья. Обращение к указанной теме очень своевременно и в значительной мере подготовлено специальными работами различных ученых, вышедшими из печати за послевоенный период. Хотя согласно названию книги И. Дуйчева в исследовании можно предположить освещение лишь памятников болгарской средневековой живописи, в действительности содержание намного шире в тематическом отношении, поскольку не только дает исторический фон, но и вводит в курс основных проблем развития культуры византийского региона, куда входили Балканы.

Книга состоит из трех глав, первая из которых посвящена изображениям языческих философов и писателей в трапезной Бачковского монастыря и в церкви Рождества Христова в Арбанаси, вторая — другим изображениям тех же лиц в византийско-славянском мире, а третья — выявлению наследия языческой древности в культуре христианского средневековья. Таким образом, в каждой последующей главе исследования тематические рамки расширяются: от изучения конкретных памятников к очерку с общим охватом византийско-славянской культуры, связанной с наследием античного мира. Текст приведен параллельно на болгарском и немецком языках и сопровождается обширными примечаниями (что характерно для работ И. Дуйчева), а также цветными и тоновыми репродукциями, воспроизводящими фрески и их детали, в том числе греческие тексты на свитках в изображениях философов и писателей.

История возникновения фресковых циклов изображений античных философов и писателей И. Дуйчевым рассмот-

рена в первой главе книги в тесной взаимосвязи с социально-политическими условиями, установившимися при турецком владычестве на Балканах в XVI—XVII вв. Бачковские стенописи трапезной автор книги характеризует прежде всего со стороны их иконографической программы, в состав которой введены изображения семи вселенских соборов, Древо Иисуса и двенадцать фигур философов и писателей античной древности. Некоторые из них являются известными историческими лицами, другие идентифицируются с трудом. Другой ряд изображений языческих мыслителей и писателей находится в церкви Рождества Христова в Арбанаси. И. Дуйчев обстоятельно комментирует оба цикла, приводит переводы греческих текстов, указывая на ошибки в правописании. Предполагается, что это следствие недостаточного знания письменного (т. е. книжного) греческого языка, либо свидетельство негреческого происхождения мастера. Арбанасские надписи в этом плане не представляют собой исключения: такое же положение можно констатировать и в других памятниках как на Балканах, так и за их пределами (в частности, в надписях росписей церкви Спаса на Берестове в Киеве, выполненных афонскими художниками в 1641 г.). Росписи трапезной в Бачковском монастыре датируются 1643 г., а росписи Арбанаси — 1681 г.

Во второй главе исследуются изображения языческих философов и писателей в византийско-славянском искусстве. Глава носит характер библиографического обзора существующих исследований, выполненного на образцово высоком уровне. Сопоставление различных циклов позволяет отметить особенности каждого из них и тем самым создать предпосылки для их классификации, выявить истоки и проследить эволюцию иконографии. Изображения античных философов и писателей в рассматриваемых памятниках иконографически не связаны

с эллинистической традицией и по своему характеру являются иконописными. И. Дуйчев поддерживает тезис Н. А. Казаковой о том, что указанные циклы в значительной мере инспирированы «Пророчествами еллинских мудрецов», получившими отражение и в русских историко-графических и художественных памятниках.

Последняя глава книги — «Языческая древность в христианском средневековье» — наиболее ценная по материалам и наиболее интересна по изложению. Вопрос о судьбах античного культурного наследия в эпоху средневековья неоднократно интересовал исследователей, однако до сих пор не существует научного труда, который бы охватывал различные аспекты «второй жизни» античности. Опыт И. Дуйчева представляет новый шаг к достижению этой цели и уже по этой причине заслуживает внимания. Освещая пути и методы использования духовных ценностей древнего мира в Византии, автор справедливо подчеркивает факт обращения к античной образованности, в защиту которой выступали уже Григорий Назианзин и Василий Кесарийский. В этом плане И. Дуйчев противопоставляет Византий латинский Запад, где вплоть до эпохи Ренессанса даже видные представители культуры имели весьма смутное представление о произведениях древнегреческих авторов. Вопрос об усвоении наследия классической древности славянами исследователем традиционно связывается с неофициальным и официальным принятием христианства, открывшим широкие возможности благодаря посреднической роли патристической и византийской литературы. Подробно освещены источники «Шестоднева» Иоанна Экзарха, и среди последних выделены заимствования из античных авторов. Отмечая многочисленность свидетельств о знании античной древности в Византии и в средневековой Болгарии, автор подчеркивает качественное отличие знаний от того, чем располагала Западная Европа в тот же период. Западное средневековье не выдвинуло таких знатоков и приверженцев античной языческой древности и философии как Иоанн Итал (XI в.), обвиненный в ереси и преданный анафеме. Но, надо

сказать, и в культуре Византии личность Иоанна Итала является феноменальной. В основном же к греческому наследию прилагалось аллегорическое толкование, нашедшее место уже в произведениях Климента Александрийского (ок. 150—215 г.) и Оригена (ум. ок. 253—254 г.). И. Дуйчев, отмечая факт составления анонимными писателями раннего средневековья сборников изречений и пророчеств, приписываемых философам, писателям и другим знаменитым личностям древности, подчеркивает, что подобные сборники проникали в среду православных славян, где многократно переписывались и широко распространялись. Но эти отрывочные знания не давали представления о сущности античной древности, чему препятствовало главным образом ее церковное истолкование.

Поскольку автор при освещении темы судьбы античного наследия в культуре славянского средневековья привлекает и данные русских источников, целесообразно было бы учесть ряд исследований, имеющих непосредственное отношение к этой проблеме [1—5]. Работа В. Н. Перетца содержит наиболее полный свод данных о степени осведомленности средневекового русского читателя об античных авторах [6]. В. Н. Перетц указывал, что сведения об античной древности давались русскому читателю далеко не обильные и не всегда из первых рук, что знакомство было односторонним, тенденциозным и неполным. Есть данные и о вольном обращении компиляторов с переводными текстами [7]. Как следует из размышления И. Дуйчева, примерно таким же было положение античного литературного наследия и у южных славян, в частности, в Болгарии.

Книга И. Дуйчева, интересная не только постановкой вопросов, которые уже продолжительное время не привлекали к себе внимания исследователей славянских культур эпохи средневековья, но и освещением ряда актуальных проблем, может быть оценена как существенный вклад в изучение одного из важных аспектов развития византийско-славянских искусства и литературы. Поскольку ученый ограничил свою задачу прежде всего раскрытием идейного содержания болгарских циклов росписей в Бачков-

ском монастыре и Арбанаси, за пределами его внимания остались другие проявления жизненности античного наследия в искусстве славян. Не его наблюдения и систематизация материала по проблемам изучения древних авторов славянскими народами в эпоху средневековья, несомненно, окажутся полезными всем изучающим как отдельные явления, так и духовную жизнь балканских славян средневековья в целом.

В. Г. Пуцко

ЛИТЕРАТУРА

1. Сперанский М. Н. Разумения единострочные Григория Богослова и Разумия мудрого Менаандра в русском переводе.— ИОРЯС, 1898, т. III, кн. 2, с. 547—559.
2. Сперанский М. Н. Из истории отреченных книг. IV. Аристотелевы врата или Тайная тайных. СПб., 1908.
3. Шахматов М. В. Платон в древней Руси.— Записки Русского исторического общества в Праге, 1930, кн. II, с. 49—69.
4. Чижевский Д. Платон в древней Руси.— Записки Русского исторического общества в Праге, 1930, кн. II, с. 71—81.
5. Клибанов А. И. К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности.— ТОДРЛ, т. XIII, с. 158—181.
6. Перетц В. Н. Сведения об античном мире в древней Руси XI—XIV вв.— Гермес, 1917, № 13—14, с. 205—210; № 15—16, с. 227—229; № 17—18, с. 243—247; № 19—20, с. 259—262; 1918, вып. II, с. 162—185.
7. Барвинский Б. Гомер в Галицкий летописи.— Записки Наукового товарищества имени Шевченка. Львів, 1914, т. 117—118, с. 55—63.

НЕПРЕРЫВНАЯ ТРАДИЦИЯ

Рецензируемый сборник статей по русско-польским литературным связям продолжает серию работ, начатую советскими и польскими учеными. Этой проблематике был посвящен коллективный труд «Польско-русские литературные связи» (М., 1970), по существу первое в советской науке систематизированное исследование литературного общения двух славянских народов. В Польше Институт литературных исследований ПАН совместно с Институтом славяноведения ПАН выпустил несколько книг: «О взаимных польско-русских литературных связях» (1969); «По обе стороны границы. Из истории польско-советских культурных связей межвоенного периода XX в.» (1972); «Литературные встречи. Из истории польско-русских литературных связей в период романтизма и неоромантизма» (1973). Последующие издания этого типа: «Писатели и критики. Из восприятия новой русской литературы в Польше XIX в.» (1975) и «Зеркало прессы. Польские журналы XIX в. о русской литературе» (1978) — были подготовлены Институтом литературных исследо-

ваний ПАН. Рецензируемая книга (ее редакторы: Б. Гальстер, Я. Каменка-Страпакова, К. Сероцкая и Б. Стахеев)¹ в отличие от предшествующих содержит статьи как польских, так и советских ученых, она издана при сотрудничестве Института литературных исследований ПАН и Института славяноведения и балканистики АН СССР. Этот труд является еще одним важным этапом на пути совместного изучения русско-польских литературных связей ученых ПНР и нашей страны, первым опытом которого стали книги «Польский романтизм и восточнославянские литературы» (М., 1973) и «Романтизм в славянских литературах» (М., 1973). И сборник, и предыдущие книги продолжают традицию, начатую еще в XIX в. крупнейшими представителями русской и польской науки о литературе А. Пыпиным и В. Спасовичем, известными авторами совместного труда — «Об-

¹ «Tradycja i współczesność. Powinowactwa literackie polsko-rosyjskie». Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk. 1978.

зора истории славянских литератур» (1865). О верности этой традиции — совместного изучения русско-польских литературных отношений — говорит и название сборника: «Традиция и современность» и вошедшие в него статьи. Их авторы прослеживают и демонстрируют важную для обоих славянских народов роль литературного общения, которое на протяжении многих веков, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, связывало их и обогащало. Разные по своему характеру статьи этого сборника в совокупности дают достаточно полное представление о русско-польских литературных связях на разных этапах своего развития, начиная с XV в. и до наших дней. Широка и многообразна и проблематика литературных отношений: здесь есть работы, в которых рассматриваются и типологические аналогии, и различные аспекты контактных связей, и виды литературных рецензий, и материалы по теории перевода и т. п.

Открывает сборник исследование В. Мочаловой (СССР) «Место анонимной плебейской прозы в русско-польских литературных связях XVII в.». На основе анализа «Сказания о роскошном житии и веселии» и «Нового света» автор выявляет характерные черты популярной литературы: в Польше так называемой совизажальской, а в России — демократической. Рассматривая связи этих литератур в аспекте типологических сходжений, В. Мочалова обосновывает свой подход теоретическими разработками ученых из области сравнительного изучения литератур, в частности, польского литературоведа Г. Маркевича. Она легко и свободно владеет литературоведческим материалом данной эпохи, широко привлекая проблематику этого периода.

Русско-польские литературные связи от средневековья до Просвещения, их эволюция на протяжении этого периода составляют содержание статьи А. Липатова (СССР). Он демонстрирует сходства и различия двух славянских литератур на примере романа. Подробно и обстоятельно, с учетом специфики развития польской и русской литератур, опирающихся на равные типы религиозной культуры («Католицизм включил Польшу в сферу латинско-романско-германской культуры. Православие связало Русь с культурой Византии», с. 25), ученый показывает, как постепенно росла посредническая роль Польши в проникновении на Русь и другие восточнославянские страны западных тенденций и прежде всего романа, а вместе с ними — польских фразек, шуток, песен и стихов. Отмечая заметное влияние, которое оказала на развитие русской поэзии польская теория стиха, а на развитие русского театра — практика польских школьных сцен, втор обогатил наши представления о польском барокко и его роли в развитии славянской культуры.

Как свидетельствуют вошедшие в сборник статьи, польских ученых больше привлекает эпоха романтизма. Сравнительно-сопоставительному изучению русской и польской литератур этого периода посвящено несколько статей. В их числе несомненный интерес вызывает работа Б. Гальстера (ПНР) о критической рецензии «Евгения Онегина» Пушкина и «Пана Тадеуша» Мицкевича. В ней исследователь обратился к анализу литературной атмосферы, сложившейся вокруг этих произведений в момент их издания. Надо сказать, что сравнительное изучение литературной и общественной деятельности поэтов представлено значительным количеством работ и в нашей стране и в Польше, но все они, как правило, ограничены периодом личного знакомства Пушкина и Мицкевича с 1826 по 1829 гг. Известны исследования Д. Благова и И. Бэлзы, А. Виноградова, Б. Стахеева, И. Горского, М. Живова, С. Советова — в нашей стране; М. Топоровского, Л. Гомолицкого, М. Якубца, С. Жулкевского — в ПНР, однако нет пока специальных работ, в которых подверглось бы сравнительному анализу творчество поэтов. Исключение составляют лишь статьи А. Пиотровской — опыт типологического сопоставления поэм Пушкина и Мицкевича², небольшая по объему работа Н. Кравцова, в которой он ставит вопрос о необходимости сопоставительного изучения «Евгения Онегина» и «Пана Тадеуша»³, и, на наш взгляд, очень важный в этой области труд чешского слависта К. Крейчи о жанровой близости шедевров Пушкина и Мицкевича⁴.

Гальстер подробно анализирует высказывания первых критиков «Евгения Онегина» и «Пана Тадеуша», отмечая сходство в разочарованной реакции читателей, показывает, сколь незамененным для них оказалось прежде всего жанровое новаторство «романа в стихах» и «шляхетской хроники». Привлекая материал, содержащий критические суждения об этих сочинениях, Гальстер сознательно отказывается от строго хронологического соответствия русских и польских критических отзывов. Русскую критику он ограничивает 1842 г., считая его рубежом русского романтизма, а польскую — 1863 г. На наш взгляд, однако, такое

² А. Г. Пиотровская. К типологии ранних романтических поэм Пушкина и Мицкевича. В кн. К истории русского романтизма. М., 1973, с. 173—187.

³ Н. И. Кравцов. Проблемы сравнительного изучения славянских литератур. Изд-во МГУ, 1973.

⁴ К. Крейчи. Heroikomiczna geneza «Eugeniusza Oniegina» i «Pana Tadeusza». «Pamiętnik Literacki». Warszawa, 1963, rocz. LIV, z. 1—2.

распределение материала — 20 лет вокруг «Евгения Онегина» и 40 лет — вокруг «Пана Тадеуша» не совсем оправданно как с исторической, так и с методологической точки зрения. Стремление автора статьи подчинить анализ выявлению элементов сходства и различия на разных отрезках времени, делает, по существу, выводы исходными данными и не дает полного и объективного представления об эпохе и ее литературных тенденциях. Подобный метод как бы замыкает историческую эпоху рамками одного литературного произведения, в то время как анализ критического восприятия «Евгения Онегина» и «Пана Тадеуша» как раз наоборот позволяет увидеть своеобразие литературного периода, на фоне которого возник сам замысел этих произведений. Кроме того, ограничивая рецептивный материал о «Евгении Онегине» и «Пане Тадеуше» исключительно периодом романтизма, автор оставляет в стороне причины непонимания жанровых особенностей этих произведений, рожденных на стыке двух литературных эпох: романтической и реалистической. Если Гальстер справедливо указывает на то, что с «Евгением Онегиным» читатель знакомился сразу же по выходе его в печать, следя за каждой главой (первая выпала в 1825 г., полностью роман был опубликован в 1833 г.), а ознакомление с «Паном Тадеушем» (он издан в 1834 г.) было затруднено прежде всего его «эмигранционным» происхождением, то в своей характеристике русского и польского романтизма он допускает слишком однозначное толкование, подчеркивая «отставание» польского романтизма от русского и не учитывая того, что польский романтизм, по сравнению с русским, был явлением более ярким и цельным и поэтому его тенденции более ощутимы в «Пане Тадеуше» в сравнении с «Евгением Онегиным».

Изучение русской литературы первой половины XIX в. имеет в Польше давнюю и прочную традицию. Ее проследивает К. Залон-Курьева (ПНР), которая показывает, что начиная с лекций Мицкевича, прочитанных им в Париже, русская литература становится предметом исследования очень разных по своему научному уровню и политической ориентации критиков, каждый из которых внес свою лепту в становление и развитие польской русистики: М. Грабовского, А. Киркора, В. Спасовича, М. Здзеховского, А. Брюкнера, М. Блюта, К. Заводзиньского, Ч. Згожельского и др. Любопытны выводы автора, свидетельствующие о том, что русский романтизм привлекал польских критиков прежде всего наличием байронических мотивов, столь характерных для польской литературы этого же времени.

Оригинальным подходом отличается статья А. Витковской (ПНР), где на основе высказываний П. Чаадаева, русских славянофилов, Н. Герцена и А. Мицкевича о «славянском младенчестве» и противо-

поставленной ему «старой» Европе, выявлены истоки, философское содержание и эволюция понятия романтического «варварства».

Работа Д. Матлак-Пивоварской (ПНР) о русской романтической прозе в Польше 1825—1857 гг. продолжает ее исследование из области восприятия русской литературы первой половины XIX в. в Польше того времени. Особой популярностью в те годы в Польше пользовались новеллы Жуковского, В. Одоевского, М. Павлова и особенно А. Бестужева-Марлинского. Повести Пушкина, Лермонтовский «Герой нашего времени» и «Петербургские повести» Гоголя наложили свой отпечаток, как показывает автор, не только на способ художественного отображения действительности, но и на повествовательную конструкцию польской прозы в целом, что аргументируется примерами из польской литературы.

К исследованиям на тему литературных связей эпохи романтизма принадлежит и статья Д. Прокофьевой (СССР), посвященная личным контактам русских поэтов А. Одоевского, М. Лермонтова и польского поэта Т. Ляды-Заблочного, посланных на Кавказ, и характеру их отношений.

Изучению рецепции русской литературы в Польше посвящено несколько статей, среди них обращает на себя внимание работа Р. Лужного (ПНР) о польских интерпретациях поэзии Тютчева. Восприятие русской литературы на страницах польской прессы, в частности позитивистской «Правды» за 1881—1915 гг., проследживает М. Брыкальская (ПНР). Безусловный интерес вызывают две дополняющие друг друга статьи: В. Хорева (СССР) и Е. Кухарской (ПНР) о распространении в Польше художественного творчества и просветительских идей А. Луначарского, которого некоторые польские деятели культуры непосредственно знали по его выступлению на VII Международном съезде историков в Варшаве в 1933 г. Ценную информацию содержит представленный Т. Агапкиной (СССР) материал об изданиях польской литературы в Советском Союзе с 1918 по 1939 гг. К нему примыкает статья М. Стемпяна (ПНР) о литературно-критической деятельности польских эмигрантов межвоенного периода в нашей стране.

К сожалению, в рамках рецензии невозможно охватить все работы, бесспорно заслуживающие самого пристального анализа. Вошедшие в сборник статьи отражают состояние изучения русско-польских литературных связей и в области поэзии: «Польская и русская пролетарская поэзия на рубеже XIX и XX в.» З. Бараньского (ПНР), «Валерий Брюсов и Леопольд Стафф. Общность и своеобразие художественного мира» Н. Богомоловой (СССР), «Юлиан Тувим и русские поэты XX в.» Ф. Неуважного (ПНР); и в

театральной жизни: «Пролетарский театр между практикой и теорией. Советский опыт и пример Польши, 1917—1932» М. Равиньского (ПНР); и на материале критики: «Бжозовский и русская культура» А. Менцеля (ПНР). Заключает сборник теоретическая работа И. Горского (СССР) «Проблемы изучения русско-польских литературных связей».

Следует заметить, однако, что проблемы восприятия русской литературы в Польше в рецензируемом труде занимают гораздо больше места, чем, например, польской

литературы в нашей стране. Но это уже — вопрос будущего. Более 130 лет тому назад в своих Парижских лекциях А. Мицкевич говорил: «Одной из характерных особенностей нашей эпохи является взаимное тяготение народов, побуждающее их искать сближения друг с другом»⁵. Лучшее доказательство этому — данный сборник.

Е. С. Твердислова

⁵ А. Мицкевич. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 4. М., 1954, с. 14.

МОНОГРАФИЯ О МИКОЛАШЕ АЛЕШЕ

В последние годы в нашей стране появилось несколько изданий, посвященных проблемам чешского изобразительного искусства, и среди них монография Л. С. Кишкина¹ о жизненном пути и творчестве выдающегося чешского художника Миколаша Алеша.

Л. С. Кишкин много лет исследует творчество М. Алеша, опубликовал в журналах и научных сборниках ряд интересных статей о чешском художнике. Интересна его книга, изданная пражским издательством «Одеон» — «Очерки об Алеше»².

Рецензируемая монография Л. С. Кишкина дает широкое и ясное представление о вкладе М. Алеша в развитие демократических традиций в чешском искусстве, о связях художника с ведущими представителями чешской и общеславянской культуры, о его влиянии на формирование национального и социального самосознания чешского народа. Творчество М. Алеша автор рассматривает на широком фоне общественно-политической и культурной жизни Чехии конца XIX — начала XX в., когда резко возросли социальные и национальные противоречия в лоскутной габсбургской монархии, вышел на историческую арену рабочий класс, разрывалась дифференциация крестьянства, что предопределило коренные сдвиги в области культуры, усилило в ней развитие демократических тенденций.

Во введении автор подчеркивает культурно-исторический аспект исследования произведений М. Алеша, которые «впитав в себя многообразие чешские культурные традиции прошлого, в то же время были отражением глубинных связей художника с современным ему национально-культурой» (с. 8).

В первой главе освещен жизненный путь М. Алеша — выходца из трудовой крестьянской семьи, достигшего славы и всенародного признания. Л. С. Кишкин рассматривает творчество М. Алеша во всем его проблемно-тематическом многообразии. Начиная с ранних произведений, М. Алеш через всю жизнь пронес верность идее патриотизма в искусстве, видел в проповеди любви к родине свой долг перед народом. Вынужденный в силу обстоятельств отказаться от карьеры живописца, он стал знаменитым графиком. Л. С. Кишкин дает обстоятельный анализ графических циклов М. Алеша — «Родина», «Жизнь древних славян», «Прага» и других, проникнутых любовью к родной земле, к ее героическому прошлому, при-

зывающих к борьбе за ее национальное освобождение. Гражданские мотивы этих циклов дополнены и усилены интернациональными сюжетами цикла «Стихии», в котором выражено глубокое сочувствие чешского художника американским индейцам.

В книге справедливо подчеркивается связь М. Алеша с русским изобразительным искусством, отмечается влияние на формирование его творческого кредо польских художников Ю. Коссака, Ю. Брандта, А. Гроттгера (с. 29). Эти интересные наблюдения дают материал для более глубокого и обстоятельного установления межславянских связей М. Алеша, поскольку указанные выше польские художники долго жили на Украине, и немало их произведений написаны на украинские мотивы.

Демократические тенденции творчества чешского художника особенно ярко выразились, по справедливому определению Л. С. Кишкина, в книжной графике. Иллюстрируя произведения К. Г. Махи, Б. Немцовой, К. Гавличка Боровского, Ф. Л. Челяковского, а также Краловодворскую и Зеленогорскую рукописи, народные сказки, песни, букварь, по которому 30 лет учились чешские дети, народные календари, М. Алеш воплотил в этих работах принципы демократизма и гуманизма, искреннего уважения к трудовому народу. Примечателен подбор произведений для иллюстрирования. С одной стороны — это произведения классиков чешской литературы, а с другой — издания, адресованные простым труженикам: горнякам, крестьянам, а также детям. Л. С. Кишкин пишет о том, что «нужда заставила Алеша браться за иллюстрацию календарей, лубочных изданий, графическое оформление разного рода дипломов» и т. д. (с. 19), но дело не только в нужде — Алеш всегда стремился использовать всякую возможность обращения со своим искусством к народу. Именно поэтому справедлив вывод автора, что иллюстрированные М. Алешем календари «получили особенно большое распространение не только в городах, но и в сельской местности» (с. 83).

Много новых интересных материалов приводит Л. С. Кишкин в главе, посвященной творческому сотрудничеству М. Алеша с чешскими писателями. Наряду со свидетельствами дружбы М. Алеша с А. Ирсаком устанавливаются факты, подтверждающие творческие связи чешского художника с Я. Нерудой, Я. Арбеком, Я. Врхлицким, С. Чехом, И. В. Сладком и другими.

Специальная глава посвящена фольклорным традициям в графическом наследии М. Алеша. Основное внимание

¹ Л. С. Кишкин. Миколаш Алеш и чешская культура. М., 1978, 267 с.

² L. Kiškin. Alšovské studie. Praha, 1978, 133 s.

Л. С. Кипкин уделяет знаменитому сборнику «Шпаличек», в котором раскрывается духовный мир, кодекс народной морали, красота обычаев и традиций. Анализ этого сборника отличается тонким пониманием органической связи алешовских рисунков и фольклорного текста, тех целей, которые были поставлены и достигнуты чешским художником. Автор аргументированно сопоставляет эту сторону творчества художника с русским лубочным искусством. Хочется лишь дополнить эту мысль автора монографии тем, что подобные аналоги существуют также и у других славянских и неславянских народов.

Отдельная глава посвящена монументальным работам М. Алеша и их общественно-культурному значению. Л. С. Кипкин проделал большую работу по выявлению и описанию вклада М. Алеша в архитектуру, отметил, что художник внес оригинальный национальный элемент в архитектурный облик Праги и других чешских городов, что произведения художника, предназначенные для декорирования зданий, «составляют еще одну, весьма важную часть творческого наследия, имеющую самостоятельное значение, несмотря на прикладной характер» (с. 164).

Читательское внимание непременно привлечет глава, в которой Л. С. Кипкин стремится систематизировать и обобщить исторические воззрения М. Алеша, пока-

зать те источники, которые вызвали интерес художника к отечественной и общеславянской истории.

В заключительной главе монографии Л. С. Кипкин рассматривает развитие алешовской традиции в чешской культуре вплоть до наших дней, раскрывает ее большое позитивное значение и справедливо замечает: «Без наследия художника современную чешскую культуру представить нельзя» (с. 211).

В тексте встречается несколько мелких неточностей в написании некоторых фамилий, например, Й. Тхомайер вместо Й. Томайер (с. 96), разночтения в названии одного и того же рисунка, например, «За нашим овном» (с. 244) и «За нашим сараем» (с. 124 и 133).

Книга отлично издана в полиграфическом отношении, снабжена многочисленными иллюстрациями, тщательно и продумано подобранными. Жаль, что при их описании в тексте, не были даны соответствующие ссылки на приложение репродукций.

Появление монографии Л. С. Кипкина о творчестве М. Алеша является весомым вкладом в исследование культуры чешского народа и несомненно привлечет к себе внимание и специалистов и широкой читательской аудитории, интересующейся искусством братской страны.

В. Я. Гордиенко, В. А. Моторный

Л. И. ТАНАНАЕВА. Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979, 302 с. с илл.

Книга Л. Тананаевой о сарматском портрете XVII—XVIII вв. примечательна во многих отношениях.

Во-первых, перед нами единственное пока в советском искусствознании фундаментальное исследование одного из интереснейших явлений польской живописи — «наиболее национально-самобытного ее направления, чрезвычайно богатого по количеству сохранившихся памятников и значительного по месту, которое оно занимает в системе старопольского искусства» (с. 3). Свободная ориентация в очень широком круге литературных источников, глубокое и основательное знакомство с памятниками, хранящимися в музейных и иных собраниях Польши, Советского Союза, Чехословакии, наконец, четкость методологических установок и зрелость научного мышления позволили автору завершить свой многолетний поиск работой, не просто обобщающей данные и выводы предшественников (Т. Добровольского, М. Гембаровича, С. Вилиньского, М. Валицкого, В. Томкевича, Я. Рушиц, А. Рышкевича,

П. Белецкого и др.) и тем более не повторяющей их, а вполне самостоятельной, представляющей весомый и оригинальный вклад в историю вопроса. Многие страницы книги могут служить образцами искусствоведческого анализа, отличающегося тонкостью и верностью наблюдений, проникновением в сущность явлений искусства и их эстетическую специфичность.

Во-вторых, хотя исследование Л. Тананаевой достаточно строго ограничено временными и локальными рамками польского искусства конца XVI—XVIII вв., оно затрагивает вопросы и проблемы, представляющие первостепенный интерес для историков искусства и культуры славянского и балканского ареалов (например, Чехословакии, Румынии, Украины, Молдавии, России, Болгарии, Сербии, Венгрии, Греции). В одних случаях автор рассматривает искусство этих народов в качестве фактора исследуемых художественных процессов или сравнительного материала, в других — применяемая ею

методология позволяет распространить полученные результаты на более широкий круг явлений. Тем более, что автора интересует не столько региональный, сколько стадийный аспект проблемы. Речь идет о чрезвычайно интересной, актуальной и к тому же малоработанной проблеме возникновения и функционирования так называемых «примитивных» и фольклорных форм творчества (в частности, цехового художественного ремесла) в профессиональном искусстве XVII—XIX вв. В этом плане особенно большую ценность представляют разделы, рассматривающие, с одной стороны, трансформацию «европеизмов» в «сарматизмы», а с другой — сложные, неоднозначные, но в конечном итоге необходимые и плодотворные отношения сарматского портрета с изобразительным фольклором. Можно лишь сожалеть, что полученные в ходе исследования выводы еще не получили достаточно полных и развернутых формулировок на уровне теории культурного процесса не одной только Польши. Вероятно, это составит задачу и предмет самостоятельной работы.

В-третьих, рецензируемая книга не ограничена привычными стереотипами собственно искусствоведческого исследования. «Сарматский портрет» Л. Тананаевой, посвященный казался бы частной проблеме историографии польского искусства, принадлежит к утверждающемуся историко-культурному типу научного исследования. И дело не столько в том, что автор внимательно исследует понятие «сарматизма» и сарматского типа культуры в их отношениях к идейно-мировоззренческим основам польского общества (этому отведена вся первая глава), широко привлекает материал политической истории, религии, философии, мемуаристики, литературы Польши XVII—XVIII вв. (например, поэзии З. Морштына или «Дневников» Я. Х. Пасека): ведь при необходимости обо всем этом можно узнать из соответствующих источников. Однако весь этот арсенал достаточно строго подчинен анализу скульптурного и живописного портрета как стилистически-образной системы и «художественного эквивалента идейно-содержательного комплекса сарматизма». Этот культурный комплекс выступает в книге Л. Тананаевой в качестве многокомпонентной, но целостной, «объемной» структуры, все «блоки» которой находятся в теснейшем и динамичном взаимодействии. Этот системный подход, не декларируемый априорно, а обретенный в ходе конкретного исторического исследования, придает ему особую убедительность и доказательность, поднимает его на уровень современной научной мысли.

Диапазон рассматриваемых в книге явлений и аспектов очень широк. Проблематику сарматского портрета автор

не сводит к феномену «примитива», представляющему, по ее определению, «низовой тип искусства, оперирующий формами фольклоризированного творчества» (с. 178), а тщательно прослеживает его функционирование в контексте европейского и польского маньеризма и барокко (в частности, очень перспективным представляется введение в него произведений так называемого рудольфинского круга), анализирует эмблемно-символическое мышление эпохи, во многом определившее образный строй сарматского искусства. Необходимыми звеньями этой цепи становятся и трансформация готических и ренессансных традиций в последующие эпохи, и активное взаимодействие различных видов искусства на примере скульптурного надгробия конца XVI—начала XVII в., ставшего одним из истоков сарматского живописного портрета. Культура в таком подходе обретает реальную сложность, а исторический процесс — динамику непрерывного развития. Польша и ее культура конца XVI—XVIII вв. предстают не изолированно, а в разнообразных по характеру и значимости связях, встречах и пересечениях с миром Востока — Литвой, Украиной, Россией, Молдавией, Турцией, Арменией и Западом — Австрией, Германией, Италией, Францией, Нидерландами, Англией, Испанией.

Принципиально важной особенностью работы Л. Тананаевой является подробное рассмотрение ею отношений собственно польского искусства с художественными процессами и памятниками, возникшими на кресах, входивших в состав Речи Посполитой, — Литве, Белоруссии, Западной Украины — прежде всего, со львовской школой портрета. Позиция автора привлекает своей емкостью и широтой; Л. Тананаева не уходит от сложности вопроса, не упрощает его, а стремится выявить и уточнить механизмы двустороннего взаимодействия господствовавшей в польском сарматском портрете идейно-образной системы с местными национальными художественными традициями.

Автор приходит, «ни в коей мере не идентифицируя украинское и польское искусство» (с. 182), к определению искусства, существовавшего в XVII — начале XVIII в. на западноукраинских землях, как бинационального, понимая под этим его «характерную синтетичность: это и польское и украинское искусство» (с. 182). Оставляя в стороне дискуссионность этого определения, мы хотели бы указать на его недостаточную доказательность. Тезис о влиянии низового украинского изобразительного фольклора на сарматский и, в частности, львовский, портрет не подкрепляется в необходимой мере его конкретным анализом. Между тем обширный материал галицкой иконописи, так полно представлен-

ной во львовских музеях, многое объясняет в процессе усиления черт «примитива» во львовском портрете. И вообще выдвижение столь фундаментального и ответственного положения о бинациональном характере искусства Червоной Руси обязывало автора к более углубленному и дифференцированному определению его: если портрет и, отчасти, декоративная скульптура XVII—XVIII вв., хотя и с существенными оговорками, позволяют согласиться с ним, то иконопись, не говоря уже о низовом фольклорном слое, требуют более четкого национального размежевания. В контексте рецензируемой книги это не «экскурс в сторону», а необходимый компонент выстраиваемой концепции.

Возможно, что известная неудовлетворенность в этом вопросе возникает из-за чрезмерной сжатости, иногда даже конспективности некоторых разделов книги. Так, например, глава о совершенно уникальном в европейском искусстве надгробном (труменном) портрете почти целиком отведена очень ярким и красочным описаниям погребальных обрядов, их философскому и социально-этическому содержанию, а для конкретного ис-

кусствоведческого анализа самих портретов осталось слишком мало места. В примечаниях затрагивается проблема аналогов в польском труменном и русском портрете конца XVI—XVII вв., однако хотелось бы видеть не только постановку вопроса, но и более развернутую его аргументацию. Не получила своего завершения и тема непрерывности сарматской художественной традиции в польской живописи конца XVIII — первой половины XIX в., отчего последний раздел выглядит как бы оборванным.

Впрочем, уже сам характер этих замечаний свидетельствует о богатстве содержания рецензируемой книги, вызывающей у читателя естественное желание видеть ее более полной, исчерпывающей и безукоризненной во всех отношениях. Остается лишь подтвердить, что исследование Л. Тананаевой «Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко» является серьезной и плодотворной работой, бесспорно ценной в существующей литературе о польском искусстве, открывающей новые пути изучения культуры и искусства славянских и балканских народов.

Г. Островский

БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ «ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ПИЧЕТА»

100-летие со дня рождения В. И. Пичеты было ознаменовано проведением различных научных сессий и заседаний советских ученых¹, изданием специальных мемориальных работ. В частности, Институтом славяноведения и балканистики АН СССР был подготовлен и выпущен сборник «Славяне в эпоху феодализма» (М., «Наука», 1978, 343 с.). В связи с проведением в Белорусском университете научной сессии, посвященной памяти первого ректора БГУ — академика В. И. Пичеты («Пичетовские чтения», 16 октября 1978 г.)², в издательстве БГУ вышел другой важный труд, освещающий жизнь и научное творчество видного советского историка, талантливого исследователя различных проблем истории России, Белоруссии, Украины, Литвы и зарубежных славянских народов³.

¹ «Советское славяноведение», 1979, № 2, с. 120—122.

² На сессии были заслушаны доклады: Д. Б. Мельцера, И. В. Оржеховского, В. В. Чепко, Л. П. Сушкевич, А. И. Юхо и др.

³ «Владимир Иванович Пичета». Биобиблиографический указатель. Сост. Е. Я. Дукор. Минск, 1978, 112 с.

Этот биобиблиографический справочник открывается вступительной статьей Д. Б. Мельцера «Академик Владимир Иванович Пичета», в которой нашли освещение основные этапы жизненного пути, научной и педагогической деятельности основоположника советской историко-славяноведческой школы (с. 7—19, см. также на с. 5—6 перечень наиболее важных дат жизни и деятельности Владимира Ивановича).

Основное место в книге принадлежит библиографии трудов В. И. Пичеты, которые были опубликованы с 1903 по 1978 гг. Продолжением ее служит не менее важный перечень различных работ о Владимире Ивановиче (научные статьи о его творчестве, воспоминания, некрологи и др. — всего 60 позиций). Справочник завершается алфавитным указателем произведений В. И. Пичеты, именным указателем, перечнями книг и других работ, которые были отредактированы или отрецензированы Пичетой, наконец, указателем географических и этнических наименований. Указатели весьма облегчают пользование справочником; напомним, что список работ В. И. Пичеты включает теперь уже 515 названий.

Даже такая краткая характеристика издания может свидетельствовать о его

большом научном значении, о бесспорной важности и актуальности работ советских ученых (историков и библиографов) в исследовании истории отечественной исторической науки. Достоинством этого издания является прежде всего создание наиболее полного (по сравнению с прежними) списка работ В. И. Пичеты, который значительно расширился не только за счет посмертных публикаций (в том числе в 1950—1978 гг.), но и ранее не известных нам произведений (назовем, например, заметку о Крижаниче, опубликованную в 1903 г.)⁴.

Составление такой специальной подборки, разумеется, будет содействовать более полному изучению его роли в истории советского славяноведения, однако, знакомство с перечисленными работами о В. И. Пичете предполагает необходимость широких и углубленных исследований его творчества, необходимость подготовки новых диссертаций и монографий о его трудах и замыслах.

Вместе с тем нельзя не высказать и некоторых пожеланий и критических замечаний. Укажем, например, что одна и та же работа Владимира Ивановича о политико-экономических взглядах Крижанича помещена дважды (с. 21 — № 8 и 14, причем первое название явно ошибочное, основанное лишь на неточном упоминании самого автора, о чем свидетельствует, между прочим, и отсутствие здесь страниц). Статья В. Г. Карасева, В. Д. Королюка, Г. Э. Санчука («Советское славяноведение», 1978, № 5), названная здесь (с. 16, примечание 6), отсутствует на соответствующем месте в списке работ о Пичете; не полностью приведено название «Советской исторической энциклопедии» (с. 79, № 596); вряд ли следовало давать единую нумерацию для произведений Пичеты и одновременно — для работ, посвященных его жизни и творчеству.

Вместе с тем хочется отметить особую важность и реальные возможности дальнейшего расширения библиографии Владимира Ивановича, поиска забытых или неизвестных его работ (небольших заметок, переизданий и т. п.). Приведем некоторые, известные нам примеры. Прежде всего следует обратить особое внимание на слова Пичеты, который вспоминал о своих студенческих (1901 г.), т. е. самых ранних публикациях в «Голосе минувшего»

и «Московском историческом журнале»⁵. Далее, вероятно, необходимо продолжать поиски работ Пичеты, изданных в годы революции, в 1917—1918 гг. Укажем, в частности, что на обложке его брошюры «Сербия» наведена еще одна работа: «Что отнято самодержавием у украинского народа?» (была ли она опубликована в 1917 г. или рукопись не сохранилась?). Наконец, нельзя признать исчерпывающим и помещенный в рецензируемом справочнике список посмертных публикаций Владимира Ивановича. Так, например, его можно пополнить за счет сербского перевода известной статьи Пичеты «Основные проблемы советского славяноведения» (№ 464 в данном указателе), который издан в Югославии уже после смерти Владимира Ивановича⁶. Вероятно, число таких зарубежных переводов отдельных работ Пичеты или трудов, вышедших под его редакцией, вовсе не исчерпывается приведенным примером, и поиск в этом направлении нужно продолжать.

Необходимо также и дальнейшее уточнение датировки некоторых печатных работ В. И. Пичеты. Так например, обычно его статья «Экономическая история Сербии» для седьмого издания словаря Гранат (в том числе и в этом издании) датируется 1922 г., хотя издание словаря (в частности, том 38) выходило до 1917 г.⁷ По нашему мнению, в библиографическом перечне трудов Владимира Ивановича необходимо не только указать точную дату (1917) первой публикации данной статьи, но и привести последующие ее перепечатки в дальнейших (включая одиннадцатое) изданиях словаря Гранат.

Все эти вопросы, на наш взгляд, позволяют утверждать, что в работе советских ученых-славистов, занимающихся проблемами жизни и творчества В. И. Пичеты, проблемами истории советского славяноведения, одно из важных мест должны занимать тщательные источниковедческие исследования, включающие и архивные изыскания, и кропотливые библиографические поиски, и внимательный анализ опубликованных и неизданных произведений В. И. Пичеты.

Е. П. Наумов

⁵ «Славяне в эпоху феодализма». М., 1978, с. 61.

⁶ В. П и ч е т а. Основни проблеми советске славистике. «Историски гласник». Београд, 1948, № 2, с. 37—51.

⁷ Е. П. Н а у м о в. История Сербии в работах В. И. Пичеты. В сб. Славяне в эпоху феодализма, с. 94.

⁴ «Ученые записки Института славяноведения», т. I. М., 1949, с. 34—54 всего 482 названия — с 1904 по 1948 г.).

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ МАИРСК

На первом заседании Бюро Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК), состоявшемся 31 мая — 3 июня 1977 г. в Москве, было принято решение издавать ее Бюллетень на базе Института славяноведения и балканистики АН СССР (Москва) и Института восточных языков и цивилизаций (Париж) при финансовой поддержке ЮНЕСКО¹. Проходившее в мае 1979 г. в Киеве расширенное заседание Бюро МАИРСК утвердило специальное «Положение об информационном Бюллетене МАИРСК», в котором указывается, что Бюллетень является информационным органом Ассоциации и издается Группой информации и документации МАИРСК в Москве один раз (с последующим увеличением до двух раз) в год на русском, английском и французском языках².

В задачи Бюллетеня МАИРСК входит ознакомление научной общественности с проводимыми Ассоциацией мероприятиями и работой национальных комитетов МАИРСК, а также деятельностью родственных Ассоциации международных организаций.

В первом выпуске Бюллетеня МАИРСК, вышедшем под редакцией проф. Л. Робеля, были опубликованы все основные документы, относящиеся к реализации Славянского проекта ЮНЕСКО³, а также к истории создания МАИРСК и ее деятельности в 1976—1977 гг. Особый интерес представляют отчет об учредительной Ассамблее Ассоциации, текст ее устава, резолюция первого заседания Бюро, материалы международных симпозиумов и конференций, посвященных проблемам изу-

чения славянских культур и проведенных в рамках Славянского проекта ЮНЕСКО.

Второй выпуск Бюллетеня, подготовленный Группой информации и документации МАИРСК, вышел в 1980 г. в Москве. Он открывается вступительной статьей Президента Ассоциации Д. Ф. Маркова, которая знакомит читателя с конкретными планами работы МАИРСК на ближайшее время. В первом разделе Бюллетеня содержатся материалы о деятельности Ассоциации в 1977—1979 гг. В нем помещены, в частности, официальные документы второго заседания Бюро МАИРСК, проходившего 13—15 июня 1978 г. в Париже. Большой интерес представляют документы заседания Генеральной Ассамблеи МАИРСК в сентябре 1978 г. в Загребе. Здесь опубликован Устав МАИРСК с принятыми поправками и редакционными уточнениями, а также материалы расширенного заседания Бюро МАИРСК, состоявшегося в Киеве 30—31 мая 1979 г.

Второй раздел Бюллетеня содержит информацию о научных конференциях и симпозиумах, посвященных славянским культурам. В него включены сообщения Г. Вервеса (Киев) «Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст (к научным итогам Киевской конференции ЮНЕСКО). 28 V — 1 VI 1979 г. Киев» и Г. Роте (Бонн) «Международный симпозиум „Гете и славянский мир“. 18—22 IX 1979 г., Дюссельдорф».

В третьем разделе Бюллетеня помещены аннотации и рецензии на издания, вышедшие под эгидой ЮНЕСКО и МАИРСК. Рецензии: Ю. Ритчика (Москва) — на издание «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. XVIII—XIX вв. Материалы международной конференции ЮНЕСКО» (Москва, 1978), И. Лещиловской (Москва) — на двухтомный труд «Славянские культуры и Балканы» (София, 1978), У. Лемана (Берлин) — на сборник статей «Иоганн Готфрид Гердер. К рецензии Гердера в Восточной и Юго-Восточной Европе» (Берлин, 1978), Ф. Чале (Загреб) — на сборник «Петрарка и петраркизм в славянских странах» (Загреб, 1978), С. Грачюотти (Рим) — на книгу Р. Пиккио «Исследования славяно-ро-

¹ «Бюллетень Международной Ассоциации по изучению и распространению славянских культур», вып. 1. Париж, 1977, с. 27.

² «Международная Ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный Бюллетень», вып. 2. М., 1980, с. 40.

³ Специальный Проект по изучению славянских культур был утвержден XVI сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1970 г.

манских литературных связей» (Флоренция, 1978).

В четвертом разделе Бюллетеня сообщается о новых работах национальных комитетов МАИРСК: о решении Отделения литературы Югославской академии наук и искусств в Загребе провести в ноябре 1981 г. в Дубровнике международный симпозиум «Данте и славянский мир», о намерениях национального комитета МАИРСК в Чехословакии провести в начале ноября 1980 г. в Праге международный симпозиум на тему «Роль науки в становлении и развитии славянских национальных культур (XVIII—XIX вв.)», а в Институте серболужицкого народоведения в Бауцене (ГДР) провести в ноябре 1980 г. научный симпозиум «Язык и культура серболужичан в историческом развитии».

Деятельность родственных МАИРСК международных организаций освещается в пятом разделе Бюллетеня: публикуются сообщения В. Н. Виноградова (Москва) о IV конгрессе Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы, проходившем 13—18 августа 1979 г. в Анкаре, З. Константиновича (Инсбрук) о работе IX конгресса Международной ассоциации сравнительного литературоведения (август 1979 г., Инсбрук), А. Н. Робинсона (Москва) о решениях XX пленарного заседания Международного комитета славистов, состоявшегося 15—20 октября 1979 г. в Будапеште и Вышеграде (Венгрия).

Шестой раздел Бюллетеня «Выдающиеся деятели славянской культуры» содержит сведения о крупнейших славянских

ученых, писателях, художниках и композиторах, юбилейные даты жизни которых будут отмечаться по рекомендации ЮНЕСКО в 1980 г.: 200-летие со дня рождения великого русского художника Алексея Венецианова, 100-летие со дня смерти выдающегося польского скрипача, композитора и педагога Генрика Венявского, 500-летие со дня смерти выдающегося польского историка и дипломата Яна Длугоша 200-летняя годовщина со дня рождения видного словенского филолога Варфоломея Копитаря, 300-летие со дня смерти белорусского и русского общественного деятеля, педагога, писателя и публициста Симеона Полоцкого, 100-летие со дня рождения известного болгарского прозаика и драматурга Йордана Йовкова, 100-летие со дня рождения выдающегося русского поэта Александра Блока.

Седьмой, последний раздел Бюллетеня — библиографический. В него включены труды по проблемам истории культуры славянских народов, опубликованных в славянских странах, а также в Великобритании, главным образом в 1978—1980 гг. (47 наименований работ).

В целом следует отметить, что издание информационного Бюллетеня МАИРСК является важным и полезным начинанием. Он существенно облегчает ученым-славистам поиск научной информации и отвечает своей главной задаче — содействовать дальнейшему углубленному изучению и распространению славянских культур во всем мире.

Е. В.

ЯН КОХАНОВСКИЙ И ЭПОХА РЕНЕССАНСА

Под таким названием в Варшаве 13—18 октября 1980 г. проходила научная конференция, посвященная 450-летней годовщине со дня рождения великого польского поэта эпохи Возрождения. Конференция была организована Институтом литературных исследований Польской Академии наук в сотрудничестве с Министерством культуры и искусства и носила междисциплинарный характер — в ней приняли участие не только литературоведы-полонисты, но и филологи-классики, историки культуры, лингвисты, театроведы из Польши и из других стран (ЧССР, СССР, США). Это разнообразие аспектов исследования, комплексность подхода позволили представить творчество Яна Кохановского во всем его богатстве и разнообразии, в связях с античной философией и литературой, с современной ему поэтикой, на фоне обще-

ственно-политических проблем того времени, способствовали углубленному пониманию и интерпретации его поэзии на уровне современной науки.

Конференция открылась обширным докладом проф. В. Вайнтрауба (США) «Политика в поэзии Кохановского». Докладчик исследовал определенные идейные константы в поэзии Кохановского, посвященной политической тематике, рассмотрев при этом различия в позиции Кохановского в трех периодах польской истории: в период правления Сигизмунда Августа, в эпоху бескорольевья и во времена Стефана Батория. Докладчик пришел к выводу, что хотя, с одной стороны, нравственная критика Кохановским современного ему шляхетского общества в значительной степени соответствовала распространенной моралистике того времени (постулат согласия, рыцар-

ских добродетелей, идеализация прошлого), поэт, тем не менее, во многом расходился со шляхетским большинством (постулат сильной монархии, ограничения шляхетской демократии и религиозной свободы). В заключение было выдвинуто предположение, что Кохановский не обладал политическим темпераментом, испытывал растерянность перед лицом политических проблем, психологически подобную той, которую ощущал и описал в период первой мировой войны Томас Манн.

В докладе «Кохановский — создатель польского поэтического языка» проф. М. Р. Майёнова (Варшава), основываясь на своем опыте комментирования «Тренов», остановилась на проблеме доступности поэзии Кохановского для современников, а также на тех новых явлениях, которые возникли в его поэтическом языке, на традициях, которые использовал и претворял Кохановский, на проблемах поэтики. Рассматривая лексику и фразеологию Кохановского, проф. М. Р. Майёнова обнаруживает следы влияния Рея, Гурницкого, указывает, что Кохановский не был поэтом неологизмов, несмотря на ряд имеющихся у него слов, отсутствующих в словарных фондах соответствующего периода. Докладчица обнаружила наличие в «Тренах» расхожих фразеологизмов, исследовала отношение Кохановского к диалектным формам, указала на то, что наиболее интересными лексическими и фразеологическими явлениями в поэзии Кохановского представляются его обращение и отношение к библейской фразеологии и к классическому и неолатинскому наследию.

Проф. Б. Билиньский (Рим) выступил с докладом «Италия и Рим Яна Кохановского — поэт в кругу условности, личных впечатлений и историософии», затронув проблематику действительности, выступающей под покровами литературной конвенции, претворения впечатлений от итальянских путешествий Кохановского в его поэзии.

Представления Кохановского о поэзии и поэте были рассмотрены в докладе доц. Т. Михайловской (Варшава) «Poeta regegnis Кохановского (В кругу теоретических рассуждений о поэзии)». В высказываниях Кохановского о поэзии центральное место занимает понятие поэта. В соответствии с распространенным в эпоху Возрождения приемом переложения логических понятий на язык поэзии, в латинских стихотворениях Кохановского присутствует множество свидетельств его теоретических познаний и рассуждений. С мотивом двойственности поэзии у Кохановского переплетается мотив двойственности самого поэта, сочетающего в себе бессмертную, божественную одухотворенность в платоновском смысле (основа аристократического оди-

ночества) и человеческую ипостась (основа солидарности с человечеством).

Значительное место на конференции занимали доклады, в которых творчество Кохановского рассматривалось в контексте античной философии, поэзии, культуры. Сюда относятся доклад проф. Е. Лановского (Вроцлав) «Яна Кохановского studia graeca», в котором рассматривалось знание Кохановским греческой поэзии, его переводы из Гомера, научно-издательская деятельность; доклад проф. М. Цитовской (Варшава) «Латинское творчество Кохановского» и «Горацианизм Кохановского», в последнем из которых изучалось происхождение интереса и обращения к Горацию, исходя из вкусов самого Кохановского (сходное представление о силе таланта и бессмертия поэзии), а также отличие польского поэта от других горацианцев его времени. К этой же группе относится доклад К. Ставецкой (Люблин) «Римские образцы поэзии Кохановского», где латинское и польское творчество поэта были рассмотрены как пример творческого освоения избранных образцов, осуществлявшегося путем перевода, использования в качестве композиционного элемента, явного или скрытого введения мифологических мотивов, причем в польской поэзии Кохановского связь с латинскими образцами распознается труднее, чем в латинской. Проф. Ст. Гжешук (Краков) в докладе «Кохановский — Цицерон» рассмотрел присутствие и роль образа Цицерона в «Тренах». Цицерон является третьим после Уршули и самого Кохановского (выступающего здесь в роли отца, поэта и мыслителя) героем «Тренов», партнером Кохановского-мыслителя, причем партнером и превосносимым и отвергаемым, с которым осуществляется полемика и конфронтация. Несмотря на представления Кохановского о неэффективности философии перед лицом страдания, его отношение к Цицерону не целиком негативно: Кохановский был верным, хотя и очень самостоятельным учеником Цицерона. Поучительной попыткой дешифровки латинских цитат в эпистолярном творчестве поэта стал доклад доц. Е. Маньковского (Варшава) «Письмо к Фогельведу как свидетельство круга чтения и литературных замыслов Кохановского». Докладчик проанализировал обнаруженные в данном письме цитаты из Горация, Марциала, Вергилия, Овидия, Цицерона, рассмотрев их значение и проведя параллели с поэтическим творчеством Кохановского. Доц. Е. Аксер (Варшава) в своем докладе «„Аратус“ — место поэмы в творчестве Кохановского» пересмотрел существующие взгляды на этот перевод греческой поэмы III в. до н. э. Кохановским. Польский поэт, стремясь превзойти все существующие переводы «Аратуса», использовал перевод Цицерона в качестве ма-

териала для собственного поиска, соединяя подражание с научной критикой.

Особую группу составили на конференции доклады лингвистического характера. Помимо упомянутого доклада проф. М. Р. Майеновой сюда относятся доклад д-ра М. Каршлюк (Краков) «О словах, не употреблявшихся Кохановским», где были рассмотрены критерии словесного отбора поэта; доклад д-ра И. Бирчиньской (Краков) «Эротический словарь „Фрашек“», посвященный практически не разработанной теме. Сопоставив эротические эвфемизмы из словарей, учебников по медицине и Библии с соответствующими словами из «Фрашек», докладчица приходит к выводу, что поэт почти не использует общеупотребительных слов, заменяя их синонимами, приобретающими нужное значение лишь в данном контексте, охотно прибегает к двузначности. Источник эротического языка «Фрашек» И. Бирчиньская видит в польской народной эротической поэзии и в соответствующих образцах иностранной народной культуры. В докладе доц. Л. Пшчойовской (Варшава) «Кохановский как предшественник барочного типа построения стиха» утверждалось, что все поэтические нововведения Кохановского (например, размер и строфика, перенос, инверсия, этимологические фигуры) были унаследованы поэтами польского барокко, но позже из польской поэзии исчезли.

Важное место в докладах было отведено анализу и интерпретации творчества Кохановского в целом, его эстетико-философских взглядов, поэтики. Доц. Я. Абрамовская (Познань) в своем докладе «Мировоззрение и стиль. К вопросу о „протечивой натуре“ Яна Кохановского» выступила против бытующих представлений о противоречивости взглядов Кохановского, применив исторический подход к этой проблеме и рассмотрев ее в контексте современной поэту практической философии. Сам Кохановский не ощущал этой противоречивости — его мировоззрение строилось на принципах комплементарности, обязующих в его эпоху как в области этики, так и в области поэтики.

Против инерционного биографизма традиционных исследований выступил в докладе «Проблемы периодизации и синтеза творчества Яна Кохановского» проф. Я. Пельц (Варшава), предложивший филологические аргументы для периодизации. Доц. А. Кшевиньская (Познань) на материале поэмы «Согласие» рассмотрела поэтику метафоры в поэзии Яна Кохановского, уделяя основное внимание центральному образу поэмы, символизирующему моральную силу, гармонию, единство, меру, порядок. В докладе доц. Х. Капелушь (Варшава) «Народность в творчестве Кохановского» освещался спорный вопрос, вынесенный в заглавие.

Спорный потому, что отношения между аристократической культурой, представителем которой был поэт, и культурой народной в XVI в. не были тесными, а дистанция между ними была больше, чем, например, в Италии. При этом два произведения Кохановского, обнаруживающие связь с народной культурой — «Собутка» и «Трени» — созданы в важные для жизни поэта моменты, которые в народной культуре непременно сопровождаются соответствующим ритуалом (поезд в деревню и помолвка; смерть дочери). Докладчица считает необходимым рассматривать проблему народности Кохановского, используя исторические и литературные старопольские источники, этнографический материал и компаративистику.

Часть докладов была посвящена восприятию творчества Кохановского в последующие эпохи, а также другими национальными культурами: доц. Л. Шленк (Вроцлав) — «„Роксоланки“ Шимона Зиморовича и ренессансный классицизм (лирика Яна Кохановского как традиция)»; театроведческий доклад проф. Ю. Левановского «„Отказ“ в театрах XIX—XX вв.»; д-ра Я. Колара (Прага) — «Ян Кохановский, чешская литература XVI—XVII вв. и проблемы литературной компаративистики»; канд. филол. наук Ю. А. Лабынцева (Москва) — «Распространение польских произведений Яна Кохановского на фоне общей рецепции польской книги и литературы в России XVII в.»; канд. филол. наук В. В. Мочаловой (Москва) — «Восприятие поэзии Кохановского в России XIX в.».

Отдельную группу составили доклады последнего дня заседаний, в которых рассматривались существенные проблемы историко-биографического характера: проф. В. Урбана (Краков), д-ра М. Королько (Варшава) «Факты и предположения в биографии Кохановского», проф. Б. Надольского (Торунь) «Литературная и научная жизнь Крулевца в годы пребывания в нем Яна Кохановского», д-ра Е. Ковальчика (Варшава) «Кохановский и Замойский», д-ра Я. Щяско (Варшава) «Ян Кохановский и венгры».

Чрезвычайно оживленной и плодотворной была дискуссия, сопутствовавшая каждому заседанию. Закрывая конференцию, доц. Т. Михайловская подчеркнула новаторский характер большинства выступлений, обусловивший важное значение конференции в изучении творчества Яна Кохановского и эпохи Возрождения в целом. Материалы конференции предполагается издать отдельным сборником. Помимо безупречной организации самой работы конференции, создания творческой, деловой атмосферы заседаний, заслужившей устроителей явилась чрезвычайно богатая культурная программа, предусмотренная для участников. Боль-

шой интерес вызвала автобусная экскурсия в Чарноляс, — бывшее имение, а ныне музей поэта, — в места, где родился и похоронен поэт. Были организованы экскурсии в восстановленный Королевский замок в Варшаве, во дворец-музей Вилянов, посещение Большого театра.

Научная конференция, приуроченная к юбилею величайшего поэта польского Возрождения, бесспорно явится существенным вкладом в процесс современного научного осмысления литературы и культуры эпохи, творчества ее выдающегося представителя.

В. Мочалова

ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОМПЛЕКСНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ БОЛГАРИСТОВ В СОФИИ (сентябрь, 1980)

В связи с празднованием 1300-летия образования Болгарского государства в Болгарии состоялись три международные конференции болгаристов. Первая из них — в Шумене — была посвящена истории и культуре средневековой Болгарии, вторая — в Пловдиве — проблемам болгарского культурного Возрождения (XVIII — XIX вв.), а третья — «Современная Болгария» — включала широкую проблематику истории и культуры со времени национального освобождения болгарского народа в 1878 г. до наших дней. Конференция проходила в Софии с 23 по 26 сентября 1980 г. и собрала широкий круг специалистов: историков, экономистов, философов, языковедов, фольклористов, литературоведов и историков культуры. Всего в конференции участвовало около 250 представителей научных, исследовательских и учебных центров НРБ и зарубежных стран. Делегацию советских ученых возглавлял чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков.

На первом пленарном заседании с приветствием к участникам научного форума обратился президент Болгарской академии наук акад. А. Балевский. Он отметил основные моменты исторического развития Болгарии и ее роль в развитии славянской цивилизации на разных исторических этапах. На пленарном заседании с докладами выступили: акад. Д. Косев — «Общая характеристика исторического развития от Освобождения до наших дней», акад. Г. Близнаков — «О развитии научной мысли в Болгарии после освобождения от османского ига», акад. Е. Матеев — «Болгария 1300 — экономика» и проф. Э. Николов — «Болгарская культура сегодня: от культуры для всех к культуре для каждого». Тексты этих докладов были опубликованы отдельной брошюрой и розданы всем участникам конференции.

Одной из наиболее представительных была секция «Историческое и политическое развитие Болгарии», на которой были рассмотрены вопросы развития Болгарии

в период капитализма и в эпоху социализма, а также некоторые проблемы этнографии. Ряд докладов был посвящен роли БКП в политической жизни Болгарии, отношениям Болгарии с СССР и другими странами. Специальное внимание было обращено на трактовку роли Болгарского земледельческого народного союза в жизни страны. При этом обнаружилось разноречивые мнения о роли этой организации. С докладами выступили советские ученые Л. Б. Валев — «БКП и политика Народного фронта накануне и в начале второй мировой войны», Р. П. Гришина — «К вопросу о болгарской разновидности фашизма» и П. С. Сохань — «Советско-болгарское сотрудничество на современном этапе». Вызвали интерес доклады А. Питассио (Италия), коснувшегося вопроса об отношении БРСДП к сельскому движению в Болгарии в 1883—1903 гг., Г. Раданта (ГДР), посвятившего свой доклад изучению экономики Юго-Восточной Европы. Были заслушаны также доклады: Ф. Гуйда (Италия) — «Италия и Болгария после первой мировой войны», Ж. Кастелана (Франция) о болгаро-французском сотрудничестве в области исторической науки, К. Великого (Румыния) — «Румынские земледельцы в защиту А. Стамболийского».

На секции по вопросам экономического развития Болгарии было прочтано 17 докладов и сообщений, тематика которых охватывала, главным образом, вопросы развития социалистической экономики и экономической мысли в НРБ, ее участия в международном разделении труда. Среди выступавших на секции были: Ф. Карре (Австрия), В. Гумпел (ФРГ), В. Бранас (Швеция), проф. Мортимер-Шимчак и Ю. Томашевский (Польша), В. Крамер (ГДР), проф. Негропonti (Греция), В. И. Шабунина (СССР), охарактеризовавшая советско-болгарское экономическое сотрудничество.

На секции «Развитие болгарской литературы» были заслушаны 34 доклада и сообщения, из которых 15 сделаны зарубежными учеными. Среди них докла-

ды Д. Ф. Маркова — «Опыт болгарской литературы и проблемы развития социалистического реализма», В. Д. Андреева (СССР) — «Методология сравнительного изучения советской и болгарской литературы», Н. Н. Пономаревой (СССР) — «Особенности конфликта в болгарской прозе и драматургии 60—70-х годов», В. А. Захаржевской (СССР) — «О художественном многообразии болгарской прозы 60—70-х годов в сопоставлении с советской русской и украинской прозой». На заседании секции выступил также украинский переводчик болгарской литературы А. Д. Кетков, поделившийся своими воспоминаниями о литературной деятельности болгарских писателей-политэмигрантов в СССР в 20—30-е годы. —

На секции «Развитие болгарской культуры и искусства» были прочитаны 20 докладов и сообщений, в которых рассматривались разные сферы культуры от эпохи средневековья до наших дней. В центре внимания находились проблемы художественной культуры конца XIX—XX вв.: доклады акад. П. Динеева — «Фольклор и современная болгарская литература», П. Ташева — «Болгарское градостроительство в эпоху социализма», В. Диновой — «Расцвет бытового жанра в болгарской живописи», Н. Инджевой — «Театральные взгляды в Болгарии от Освобождения до 1918 г.», В. И. Злыднева (СССР) — «Советско-болгарские культурные отношения в 40—70-е годы», Е. П. Львовой (СССР) — «Современное искусство Болгарии и проблемы его изучения», И. Н. Воейкова (СССР) — «Революционно-романтические традиции Возрождения в современном болгарском изобразительном искусст-

ве», Р. Е. Лейтес (СССР) — «Некоторые аспекты развития болгарской оперы в XX в. (к проблеме формирования национальных композиторских школ)».

На секции «Развитие философии, социологии и науковедения» был заслушан 11 докладов и сообщений. Главные тенденции в развитии философии и социологии в Болгарии со времени Освобождения до наших дней были рассмотрены в докладе проф. М. Бычварова. Н. Яхел и М. Минков характеризовали основные тенденции в развитии социологических исследований в Болгарии. С. Качаунов и К. Симеонова остановились на исследованиях, посвященных науковедению. Л. В. Воробьев (СССР) выступил с докладом «Писарев и Каравелов», М. Т. Йовчук (СССР) — «Некоторые принципиальные проблемы русской славянской общественной мысли XIX в.», Х. Рьолинг (ФРГ) — «Роль журнала „Schauspieler“ в популяризации болгарской культуры в Германии в конце XIX в.», В. М. Ничик (СССР) — «Киево-Могилянская академия и болгарская культура», В. С. Горский (СССР) — «И. Франко и болгарская общественная мысль». Кроме того, на конференции работали секции «Развитие государства и права», «Развитие болгарского языка», на которых рассматривались актуальные проблемы научной мысли.

К конференции была издана библиография «Болгария при социализме» (1980), подготовленная Институтом истории БАН и включающая работы болгарских ученых по проблемам общественно-политического, экономического и культурного развития социалистической Болгарии с 1945 по 1980 г.

Л. Валев, В. Злыднев

CONTENTS

The Important Events in the Life of the Soviet Country. *Majorova O. N.* Cooperation between the All — Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries and the Society of Polish — Soviet Friendship in the Political Elucidative Activity (1950—1955). *Slavin G. M.* The People's Front of Yugoslavia in the Struggle for the Strengthening of the People's Democratic State. *Noskova A. Th.* To the Problem of Agrarism and Peasants Movement in the Countries of Central and Southern Eastern Europe between the Wars. *Budagowa L. N.* To the Results of Decenary (the Czech and Slovak Poetry of the 1970 s). *Bershadskaya M. L.* Social Structure of the Slovenian and Croatian Society of the end of the XVII-th — the beginning of the XIX-th Century at A. Linchart's and T. Brezovacky's Works. *Zhylko Th. T.* Neutralization of Phonological Oppositions of Back Vowels in the Slavic Languages. *Cherniavski G. I.* The Western Bourgeois and Reformist Historiography on the Main Features of the Political Regimes in Bulgaria between the Wars

REVIEW — ARTICLES AND REVIEWS

Makar Yu. I. Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. X, январь 1950 — декабрь 1955 г. *Freidzon V. D.* Pavlicević. Narodni pokret 1883 u Hrvatskoj. *Korolyuk V. D.* H. Łowmiański. Religia słowian i jej upadek (w. VI—XII). *Cybenko E. Z.* Generalization of the Experience of the Polish Socialist Literature Development. *Gorskii I. K.* A Martuszevska. Poetyka polskiej powieści dojrzałego realizmu (1876—1895). *Пуцко В. Г.* Иван Дуйчев. Древноезически мислители и писатели в старата българска живопис. *Tverdyslova E. S.* The Permanent Tradition. *Gordienko V. Ja., Motorny V. A.* A Book about Mikolaš Aleš. *Ostrovski G. Л. И.* Тананаева. Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. *Наумов Е. Р.* Bio-bibliographical Guide «Владимир Иванович Пичета».

SCIENTIFIC LIFE

E. V. The Informative Bulletin of the International Association for Study and Dissemination of Slavonic Cultures. *Mochalova V.* Jan Kochanowski and the Age of Rebaissance. *Valev L., Zlydnev V.* The Third International Complex Conference of Bulgarists in Sofia (September, 1980)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор); Л. Б. ВАЛЕВ, В. А. ДЬЯКОВ,
В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
Я. В. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

Технический редактор *Е. В. Силицына*

Сдано в набор 11.12.80 Подписано к печати 24.02.81 Т-04039 Формат бумаги 70×108^{1/16}
Высокая печать Усл. печ. л. 11,2 Уч.-изд. л. 12,0 Бум. л. 4 Тираж 1281 экз. Зак. 3788

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891

Советское сравнительное языкознание 1984 № 2